

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*Психологические
науки*

СМЫСЛ УГРОЗЫ И УГРОЗА СМЫСЛУ:
МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ СИТУАЦИИ
ПАНДЕМИИ COVID-19

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ
ПСИХОЛОГИИ И ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
КАЧЕСТВА РАБОТЫ ПСИХОЛОГА ОБРАЗОВАНИЯ

ВОЗРАСТНО-СТАТУСНОЕ САМОСОЗНАНИЕ
КАК ОСНОВАНИЕ ТИПОЛОГИИ ВЗРОСЛЕНИЯ

2020 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2020 / № 4

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки); 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки); 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки) (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” on the following scientific specialties: 19.00.01 – General psychology, psychology of personality, history of psychology (psychological sciences); 19.00.03 – Psychology of labour, engineering psychology, ergonomics (psychological sciences); 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences); 19.00.07 – Pedagogical psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8514 (print)

2020 / № 4

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шульга Т. И. — д. псих. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. — к. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии:

Забродин Ю. М. — действительный член (академик) Академии космонавтики России им. К. Э. Циолковского, д. псих. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Иванников В. А. — академик Российской академии образования, д. псих. н., проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Карри К. — д. псих. н., Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва), Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Митина Л. М. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. — д. псих. н., профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Улица Н. Э. — д. псих. н., координатор исследований, Хайфский университет (Израиль)

Утлик Э. П. — д. псих. н., проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. — д. и. н., проф., Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Департамента социальной защиты населения г. Москвы

Шнейдер Л. Б. — д. псих. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Эрнер И. — д. псих. н., проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333.

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. — 2020. — № 4. — 144 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences»
Moscow Region State University

———— Issued 4 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Regional State University

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Members of Editorial Board:

Yu. M. Zabrodin – Full member (academician) of the Academy of Cosmonautics of Russia, named after K.E. Tsiolkovsky; Moscow State University of Psychology & Education

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

L. M. Mitina – Doctor in Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Doctor in Psychology, Professor, Salem State University (Massachusetts, USA)

N. Ulitsa – Doctor of Psychology, Research Coordinator, University of Haifa (Israel)

E. P. Utlik – Doctor of Psychology, Professor, State University of Management

M. V. Firsov – Doctor of History, Professor, Institute of Additional Professional Education for Social Workers of the Department of Social Protection of the Population of Moscow

L. B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in psychology, Professor, City University of New York (USA)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

The reviewed scientific journal “Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences” is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73333

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library “CyberLeninka” (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences. – 2020. – № 4. – 144 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

НАШ ГОСТЬ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ.....6

Забродин Ю. М., Пахальян В. Э. Методологические проблемы практической психологии и вопросы обеспечения качества работы психолога образования.....9

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Битюцкая Е. В. Смысл угрозы и угроза смыслу: моделирование восприятия ситуации пандемии COVID-19..... 21

Каяшева О. И. Онтогенетические аспекты развития рефлексии человека: теоретический анализ проблемы 40

Мишина М. М., Сложеникина Т. П. Анализ связи индивидуально-психологических особенностей государственных гражданских служащих с психологическим благополучием. . 51

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Молчанов С. В., Алмазова О. В. Особенности использования механизмов моральной свободы подростков в различных этнокультурных условиях 63

Овсяник О. А. Социально-психологические особенности адаптации врачей к возникновению пандемии 75

Сидячева Н. В., Губанов А. В., Зотова Л. Э. Социально-психологические детерминанты психологического самочувствия в период пандемии COVID-19: данные международного исследования..... 82

Халфина Р. Р., Дементьева Р. Р., Рогова А. И. Формирование навыков бесконфликтного общения у работников медико-генетического центра 99

Харлампьева Н. К., Телицына А. Ю., Курносова С. А., Забелина Е. В., Немчинова Т. С. Специфика экономического поведения коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Арктической зоне Российской Федерации 109

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Филиппова С. А., Куликова Т. И. Изучение проявления академического стресса у преподавателей психологии высшего учебного заведения 121

Швец Ф. А. Возрастно-статусное самосознание как основание типологии взросления..... 133

CONTENTS

OUR GUEST

EDITOR COLUMN6

Yu. Zabrodin, V. Pakhalyan. Methodological problems of practical psychology and the issues of ensuring the quality of work of an educational psychologist 10

SECTION I. GENERAL PSYCHOLOGY

E. Bityutskaya. Meaning of Threat and Threat to Meaning: Modeling the Perception of the Pandemic COVID-19 Situation 21

O. Kayasheva. Ontogenetic Aspects of Human Reflection Development: Theoretical Analysis of the Problem..... 40

M. Mishina, T. Slozhenikina. Analysis of the Relationship Between Civil Servants' Individual Psychological Characteristics and Psychological Well-Being..... 52

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

S. Molchanov, O. Almazova. Features of Using Teenagers' Mechanisms of Moral Freedom in Various Ethno-Cultural Conditions..... 63

O. Ovsyanik. Socio-Psychological Specific of Doctors' Adaption to the Pandemic..... 75

N. Sidyacheva., A. Gubanov, L. Zotova. Socio-Psychological Determinants of Psychological Well-Being During the COVID-19 Pandemic: Data from an International Study 82

R. Khalfina, R. Dement'eva, A. Rogova. Formation of Conflict-Free Communication Skills Among Employees of the Medical and Genetic Center 99

N. Kharlamp'eva, A. Telitsyna, S. Kurnosova, E. Zabelina, T. Nemchinova. Specificity of the Economic Behavior of Indigenous Nationalities of the North Inhabiting the Arctic Zone of the Russian Federation 109

SECTION III. EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

S. Filippova, T. Kulikova. Study of Academic Stress Manifestation in Psychology Teachers of Higher Educational Institutions 121

F. Shvets. Age-Status Self-Awareness as the Basis of the Typology of Growing Up 133

НАШ ГОСТЬ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

Редакция журнала продолжает представлять на наших страницах крупнейших психологов нашей страны. Гостем данного номера журнала «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» стал Забродин Юрий Михайлович.

Для Ю. М. Забродина этот год юбилейный – ему исполнилось 80 лет! Редакция нашего журнала присоединяется ко всем поздравлениям с этой знаменательной датой, дорогой Юрий Михайлович! Желаем Вам крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов, вовлечённости и интереса к научным исследованиям!

В настоящее время Ю. М. Забродин является проректором Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный психолого-педагогический университет» по научно-организационной работе.

Доктор психологических наук, профессор, вице-президент Федерации психологов образования России, главный редактор журнала «Вестник практической психологии образования», председатель редакционного совета журнала «Психология и право», а также член редакционных коллегий 8 журналов по разным направлениям психологии: «Психологический журнал», «Экспериментальная психология», «Педагогический журнал Башкортостана», «Культурно-историческая психология», «Социальная психология и общество», «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки», «Северо-кавказский психологический вестник», «Системная психология и социология».

Юрий Михайлович Забродин – признанный в мире специалист по психофизической теории сенсорных процессов, основатель теории психофизики.

Ю. М. Забродиным разработаны методологические и теоретические основы психофизики, сформулированы концепции сенсорного пространства, индивидуальной обработки и семантической оценки информации, предложена оригинальная модель идеального наблюдателя. Особенно важной для дальнейшего развития психофизики стала разработанная Ю. М. Забродиным теория сенсорно-перцептивных процессов, позволившая сформулировать обобщённый психофизический закон, из которого как частные случаи в известных ограничениях следуют классические психофизические законы Фехнера и Стивенса. Эти труды по праву дают основания считать Ю. М. Забродину основоположником отечественной научной школы современной психофизики.

Ю. М. Забродин и его ученики также исследовали проблемы принятия решений, организации и регуляции поведения, в том числе изучены тонкие механизмы психической регуляции поведения на разных уровнях и в различных видах профессиональной деятельности. Результаты, полученные в этих исследованиях, опубликованы в работах «Управление человеческими ресурсами: психологические проблемы» (1994), «Очерки теории психической регуляции поведения» (1997), «Психология личности и управление человеческими ресурсами» (2002), дали возможность выйти на новый уровень обобщения, интерпретировать в акмеологической, а не в адаптационной парадигме.

Путь в большую науку Юрий Михайлович начал в 1963 г., после окончания Ленинградского электротехнического института связи (сейчас – Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций) имени В. А. Бонч-Бруевича. В 1969 г. окончил очную аспирантуру факультета психологии Ленинградского государственного университета, защитив диссертацию на тему «Обнаружение слабых сигналов челове-

ком-оператором». В 1977 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Основы психофизической теории сенсорных процессов». В 1972 г. возглавил лабораторию психофизики, а затем (с 1975 до 1987 г.) был заместителем директора по научной работе в Институте психологии Академии наук СССР (сейчас – Институт психологии Российской академии наук).

В 1991–2001 гг. работал в должности руководителя Департамента профессионального обучения и развития человеческих ресурсов Министерства труда РФ (с 1996 г. – Министерство труда и социального развития Российской Федерации).

В 2005 г. – проректор по учебно-методическому объединению (УМО) Московского городского психолого-педагогического университета. С 2015 г. и по настоящее время – проректор ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет».

Ю. М. Забродин – действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, вице-президент и член Президиума Федерации психологов образования России. Заместитель председателя совета Учебно-методического объединения вузов РФ по направлению «Психолого-педагогическое образование». Действительный член (академик) Академии космонавтики России, Международной Академии психологических наук, Международной Академии ноосферы. Член международной Ассоциации прикладной психологии, Международной Ассоциации профессионального консультирования и образования, Европейской сети психологии труда и организационной психологии, Наблюдательного совета Европейского Фонда Образования и ряда других.

Более 30 лет занимается научными исследованиями, о результатах которых известно не только в нашей стране, но и далеко за её пределами. Свыше 300 научных работ опубликовано в России и за рубежом, в том числе 12 монографий. Ученики Ю. М. Забродина работают в 18 странах

ближнего и дальнего зарубежья. Среди них более 100 кандидатов и семь докторов наук.

Ю. М. Забродин активно занимается преподавательской работой, в том числе за рубежом. В 1977–2008 гг. он читал лекции в Гарвардском, Колумбийском, Калифорнийском и Стенфордском университетах США, Парижском и Берлинском университетах, университетах Осло, Хельсинки и Пекина. В настоящее время в МГППУ читает курсы «Экономическая психология», «Психология экономического поведения», «Организационная психология».

За большой вклад в развитие психологической науки и образования Юрий Михайлович Забродин награждён званием «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», отмечен значками «Отличник народного просвещения СССР», «Отличник высшей школы СССР», Почётной грамотой Министерства образования РФ. Среди высоких наград – орден «Знак почёта», медаль «За отличие в охране государственной границы СССР». Награждён орденом «Знак Почёта», многими медалями.

Благодаря личным усилиям, многолетней активной деятельности Ю. М. Забродин получила развитие психологическая служба в системе отечественного образования, разработаны и внедрены в действие Профессиональные стандарты педагога-психолога (психолог в сфере образования), психолога в социальной сфере, специалиста по работе с семьёй, педагога. Это был первый опыт применения Профстандартов в Российской Федерации.

В настоящем номере журнала Ю. М. Забродин вместе с В. Э. Пахальном представляет особое мнение в статье **«Методологические проблемы практической психологии и вопросы обеспечения качества работы психолога образования»** (стр. 9–20) по вопросам методологических оснований практической психологии и проблем качества ра-

боты психолога образования на современном этапе. Обращает внимание на то, что решение задач качества работы педагога-психолога невозможно без решения фундаментальных проблем самой практической психологии: определения специфики содержания её предмета, методов, критериев оценки эффективности процесса и результата. На основе проведённого глубокого теоретического анализа выделяются возможные последствия и риски сложившегося положения и ресурс, который может помочь преодолеть возникшие трудности. Подчёркивается неразрывная взаимосвязь вопросов методологии предметной области, подготовки специалиста и его последующей аттестации.

Становится очевидным, что именно общая методология – тот фундамент, то необходимое условие не столько эффективной организации работы всей системы, сколько качества содержания непосредственной работы специалиста. Её наличие, определённая содержательность и профессиональный уровень позволяют разрабатывать требования и к продуктам деятельности специалиста, и к оформлению документации, обеспечивать высокий профессионализм и качество содержательных аспектов процесса аттестации сотрудников, экспертизе их материалов и т. п.

Решение задач качества работы педагога-психолога в образовании невозможно без решения фундаментальных проблем самой практической психологии: определения специфики содержания её предмета, методов, критериев оценки эффективности процесса и результата и т. п. Этот вопрос обсуждается не первый десяток лет. В частности, ещё в конце прошлого века обращалось внимание на отличие практической психологии от научной, исследовательской работы. Делался вывод, что для оценки практической психологии некорректно применять критерии, созданные для характеристики психологии как науки.

*С уважением, редакционная коллегия
и главный редактор.*

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-9-20

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ И ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА РАБОТЫ ПСИХОЛОГА ОБРАЗОВАНИЯ

Забродин Ю. М.¹, Пахальян В. Э.²

¹ *Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Российская Федерация*

² *Московская служба психологической помощи населению
107078, г. Москва, Докучаев пер., д. 12, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Провести анализ вопросов методологических оснований практической психологии и проблем качества работы психолога образования на современном этапе. Обращается внимание на то, что решение задач качества работы педагога-психолога невозможно без решения фундаментальных проблем самой практической психологии: определения специфики содержания её предмета, методов, критериев оценки эффективности процесса и результата.

Процедуры и методы. Проведён сравнительный и теоретический анализ определений практической психологии, её целей, задач Службы практической психологии в системе образования РФ. Выделяются возможные последствия и риски сложившегося положения и ресурс, который может помочь преодолеть возникшие трудности. Подчёркивается неразрывная взаимосвязь вопросов методологии предметной области, подготовки специалиста и его последующей аттестации.

Результаты. На основании проведённого сравнительного анализа сделан вывод, что решение выделенных вопросов диктуется фактом вступления в силу стандартов профессиональной деятельности и возможного усугубления выделенных проблем в связи с необходимостью экспертной деятельности при решении кадровых вопросов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Высказываются предложения о необходимости выделения экспертной деятельности как вида работы практического психолога, проведения обязательной независимой общественно-профессиональной экспертизы нормативных оснований работы практического психолога, создания сертифицированного «Банка методических средств подготовки и профессиональной деятельности практического психолога», что будет востребовано в деятельности психологов образовательных организаций.

Ключевые слова: практическая психология, методология профессиональной деятельности практического психолога, качество подготовки практических психологов, экспертиза, экспертная деятельность

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PRACTICAL PSYCHOLOGY AND THE ISSUES OF ENSURING THE QUALITY OF WORK OF AN EDUCATIONAL PSYCHOLOGIST

Yu. Zabrodin¹, V. Pakhalyan²

¹ *Moscow State Psychological and Pedagogical University,
29 Sretenka ul., Moscow, 127051, Russian Federation*

² *Moscow Service for Psychological Assistance to the Population,
12 Dokuchaev ul., Moscow, 107078, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To analyze the issues of the methodological foundations of practical psychology and the problems of the quality of the educational psychologist's work is given. Attention is drawn to the fact that it is impossible to solve the problems of the quality of work of a psychologist without solving the fundamental problems of practical psychology itself: determining the specifics of its subject, methods, and criteria for evaluating the effectiveness of the process and the result.

Methodology. A comparative analysis of the practical psychology definitions and goals is done, as well as of the Practical Psychology Service tasks in the educational system of the Russian Federation. Possible consequences and risks of the present state of affairs are analyzed. The resource that can help overcome the difficulties is also highlighted. The inextricable interconnection of the issues of the methodology of the subject area, the training of a specialist and his subsequent certification is emphasized.

Results. It is concluded that the solution to the issues highlighted is dictated by the fact that the standards of professional activity come into force and the possible problems are exacerbated due to the need for expert activity in resolving personnel issues.

Research implications. Suggestions are made about the need to highlight expert activity as a type of work of a practical psychologist, conduct an obligatory independent social and professional examination of the normative foundations of the work of a practical psychologist, and create a certified "Bank of methodological training and professional activities of a practical psychologist" which is going to be highly important for the psychologists of the educational organizations.

Key words: practical psychology, methodology of professional activity of a practical psychologist, quality of training of practical psychologists, examination, expert activity

Прошло более 20 лет с момента появления в отечественном образовании профессии педагога-психолога. Современное образование значительно отличается от того, что было в момент создания отечественной психологической службы образования, появления должности школьного психолога (педагога-психолога), начала подготовки специалистов. Однако быстро текущее время не снимает вопросов, которые были поставлены ещё в конце XX в.: о методологических основаниях практической психологии и качестве

работы педагога-психолога. Понятно, что источник этих проблем в ещё существующем «методологическом хаосе» современной отечественной психологии. Следствием этого является недостаточно качественная система подготовки психологов для учреждений образования. Увы, то, что констатировалось ещё в конце 90-х гг. прошлого века, продолжается и сегодня. Достаточно внимательно проанализировать методологические аспекты и Концепции, и ФГОС, и стандартов профессиональной деятельности, чтобы

убедиться в этом. Мало что изменилось с тех пор, когда было написано:

– «...преобладают пока мутноватые воды самоуверенного дилетантизма ... разрыв между психологической практикой и наукой стал увеличиваться и достиг угрожающих размеров. Самое тревожное, что это расщепление, проходящее по телу психологии, никого особенно не волнует – ни практиков, ни исследователей» [2, с. 26];

– что явно занижаются практические возможности психологической науки, заключённые даже не в так называемой практической психологии, а, во-первых, в том знании, которым обладает исследовательская психология, но не может его применять в силу различных социальных ограничений, и, во-вторых, в том психологическом знании, которым обладает почти каждый [16].

Для нас очевидно, что именно общая методология – тот фундамент, то необходимое условие не столько эффективной организации работы всей системы, сколько качества содержания непосредственной работы специалиста. Её наличие, определённость содержания и профессиональный уровень позволяют разрабатывать требования и к продуктам деятельности специалиста, и к оформлению документации, обеспечивать высокий профессионализм и качество содержательных аспектов процесса аттестации сотрудников, экспертизе их материалов и т. п. [6].

Решение задач качества работы педагога-психолога в образовании невозможно без решения фундаментальных проблем самой практической психологии: определения специфики содержания её предмета, методов, критериев оценки эффективности процесса и результата и т. п. Этот вопрос обсуждается не первый десяток лет. В частности, ещё в конце прошлого века обращалось внимание на отличие практической психологии от научной, исследовательской работы. Делался вывод, что для оценки практической психологии некорректно применять критерии, соз-

данные для характеристики психологии как науки [4; 8; 11 и др.].

В начале нынешнего века также отмечалось следующее: что существует разобщённость всех имеющихся подходов, отсутствие единой научной основы; отсутствие целостности в подходе к ребёнку, к месту и роли деятельности педагога-психолога [15].

Об этом же пишут и сегодня: «Практической же психологией в нашей стране называют профессиональную деятельность, направленную на изменение личности, группы, организации, то есть предполагающую не столько изучение, сколько воздействие...» [7, с. 3]. Неужели ещё кто-то не согласен с тем, что практическая психология направлена не на «добывание знания», а на его применение [3; 4]?

К сегодняшнему дню накоплен достаточно обширный материал, предоставляющий возможность сравнения и обобщения. Для примера возьмём несколько авторских текстов (см. табл. 1).

В условиях отсутствия ясности в понимании сути практической психологии, специфики её предмета, целей, задач и методов мы сталкиваемся с тем, что при разработке нормативных оснований подготовки специалистов и оценке их труда используются те теоретические и эмпирические основания, которых придерживаются «назначенные разработчики». Результат отсутствия единой позиции в определении предметного поля практической психологии приводит к необоснованным, неподкреплённым никакими научными данными или анализом опыта практической деятельности изменениям в содержании нормативных документов. В частности, особенно ярко это проявляется при сравнении целей и задач Службы практической психологии в системе образования РФ (см. табл. 2).

Если оставить всё как есть, можно легко представить определённую последовательность следующих весьма нежелательных событий:

Таблица 1 / Table 1

Определения практической психологии / Definitions of Practical Psychology

<i>Авторы, определения</i>	<i>Предмет</i>	<i>Цель</i>
Карицкий И. Н.	Понятие психологической практики является центральной категорией практической психологии. Психологическая практика – это деятельность по преобразованию психической реальности психологическими средствами [10].	В соответствии с тем, что сущность той или иной социальной деятельности определяется её целями, под психологической практикой мы понимаем вид социальной практической деятельности, которая имеет психопрактическую цель. Под психопрактической целью мы понимаем цель трансформации психики или, в другой системе координат, – личности [9, с. 134].
Лидерс А. Г.	Практическая психология восстанавливает непосредственные отношения с человеком – носителем психики. Но теперь это отношения оказания психологической помощи, а человек здесь уже не испытуемый, а клиент. Понятие «клиент» конституирует позицию практического психолога. Клиент и практический психолог – это две стороны одной медали [12, с. 6–29].	Оказание психологической помощи добровольно обратившемуся к нему клиенту [12, с. 6–29].
Василюк Ф. Е.	Практическая психология – это приложение и развитие психологических знаний в какой-либо сфере общественной практики – педагогике, медицине, обороне и т. д. [1].	
Мазилов В. А.	«Итак, что такое практическая психология сегодня? Во-первых, это дисциплина, которая определяется не через предмет, а через объект ... Объект принципиально целостен. В качестве объекта практической психологии выступает личность» [13, с. 137].	«...конечной целью практической психологии является выход на психотехники и психотехнологии, так как практическая психология изучает собственный объект для того, чтобы в том или ином отношении его изменить (в скобках заметим, что цель академической психологии – обнаружить общие законы и “вписать” предмет изучения в общую картину мира) ... эффективное взаимодействие между практической и научной психологией станет возможным благодаря методологии, причём методологии коммуникативной. Для этого необходима теоретическая разработка проблемы предмета психологии. На наш взгляд, необходимо создание теоретической модели предмета психологии» [13, с. 137].

Источник: таблица составлена авторами по указанным в тексте источникам.

Таблица 2 / Table 2

**Цели и задачи Службы практической психологии в системе образования РФ /
Goals and objectives of the Practical Psychology Service in the educational system
of the Russian Federation**

1999 г. – Положение о Службе МО РФ	Служба практической психологии образования (далее Служба) является структурным подразделением системы образования России, предназначенным для обеспечения прогрессивного психического развития детей и подростков, развития их способностей, склонностей, реализации их потенций, профилактики возможных отклонений.	Задачами службы практической психологии образования являются: – содействие полноценному личностному и интеллектуальному развитию детей на каждом возрастном этапе, формирование у них способности к самовоспитанию и саморазвитию; – обеспечение индивидуального подхода к каждому ребёнку на основе психолого-педагогического изучения детей; – профилактика и преодоление отклонений в интеллектуальном и личностном развитии ребёнка.
2003 г. Положение о Службе ДО г. Москва	Служба практической психологии в системе Департамента образования города Москвы призвана обеспечивать сохранение, укрепление здоровья детей и профилактику нарушений психического здоровья обучающихся, содействовать развитию личности детей и молодёжи в процессе их воспитания, образования и социализации. Цель Службы – обеспечение полноценного психического и личностного развития детей (от 0 до 18 лет), молодёжи в соответствии с индивидуальными возможностями и особенностями.	Основные задачи психологической службы образования: – неотложная психологическая помощь несовершеннолетним и их семьям; – консультативно-диагностическая, коррекционная, психопрофилактическая, реабилитационная помощь в условиях образовательного учреждения; – социально-психологическая помощь, содействие в профессиональной ориентации детей и молодёжи; – социально-психологическая, психолого-педагогическая помощь в решении вопросов опеки и участия в воспитании несовершеннолетних; – консультации по правовым вопросам и другие виды юридической помощи по вопросам, связанным с охраной психического здоровья детей и молодёжи; – составление заключений и рекомендаций по обучению, воспитанию, профессиональному образованию социально-бытовому и трудовому устройству детей и молодёжи; – психологическая помощь несовершеннолетним и их семьям при стихийных бедствиях, катастрофах и экстремальных ситуациях; – иные меры, необходимые для психолого-педагогического и медико-социального сопровождения развития личности несовершеннолетних.
2017–2025 г. Концепция развития психологической службы в системе образования в Российской Федерации на период до 2025 года	«...целью деятельности Службы должно стать профессиональное (психологическое, психолого-педагогическое, социальное) обеспечение решения стратегических задач развития образования Российской Федерации, направленное на сохранение и укрепление здоровья обучающихся, снижение рисков их дезадаптации, негативной социализации...»	– содействие созданию условий для сохранения и укрепления психологического и психического здоровья и развития обучающихся, оказание им психологической поддержки и содействия в трудных жизненных ситуациях; – реализация программ преодоления трудностей в обучении; участие в проектировании и создании развивающей безопасной образовательной среды; – проведение психологической экспертизы внедряемых программ обучения в части определения их соответствия возрастным, психофизическим особенностям, склонностям,

Окончание табл. 2

Авторы, определения	Предмет	Цель
		способностям, интересам и потребностям обучающихся; – участие в мониторинге эффективности внедряемых программ и технологий обучения; – диагностика и контроль динамики личностного и интеллектуального развития обучающихся, их индивидуального прогресса и достижений; – сотрудничество специалистов Службы с педагогами по вопросам обеспечения достижения личностных и метапредметных образовательных результатов; – содействие в построении индивидуальной образовательной траектории обучающихся; – содействие созданию условий для самостоятельного осознанного выбора обучающимися профессии (или профессиональной области) и построения личных профессиональных планов; – содействие в позитивной социализации; – организация и участие в мероприятиях по профилактике и коррекции отклоняющегося (агрессивного, аддиктивного, виктимного, суицидального и т.п.) и делинквентного (противоправного) поведения детей, молодежи с учетом возрастных и индивидуальных особенностей; – профилактика социального сиротства; – содействие реализации программ духовно-нравственного воспитания обучающихся; – участие в развитии у обучающихся межкультурной компетентности и толерантности, профилактика ксенофобии, экстремизма, межэтнических конфликтов; – сохранение и укрепление здоровья обучающихся, включая применение здоровьесберегающих технологий в образовательном процессе, мониторинг здоровья, оптимизацию нагрузки обучающихся, формирование культуры здоровья и здорового образа жизни, воспитание осознанного устойчивого отрицательного отношения к употреблению алкоголя, психоактивных веществ, наркотиков, табакокурению и другим вредным привычкам; – психологическое сопровождение одарённых детей на основе создания системы психологической поддержки для реализации потенциала одарённых детей, обогащения их познавательных интересов и мотивов, формирования универсальных способов познания мира; – психологическое сопровождение процессов коррекционно-развивающего обучения, воспитания, социальной адаптации и социализации обучающихся с ОВЗ, находящихся в различных образовательных условиях, средах и структурах, в том числе определение для каждого ребенка с ОВЗ образовательного маршрута, соответствующего его возможностям и образовательным потребностям;

Авторы, определения	Предмет	Цель
		– профессиональная помощь в преодолении школьной тревожности, страхов, фобических, аффективных и личностных расстройств; – профилактика эмоционального выгорания, личностных и профессиональных деформаций педагогических работников; психологическое просвещение и консультирование родителей (законных представителей) ребенка по проблемам обучения, воспитания, развития

Источник: таблица составлена авторами по указанным в тексте источникам.

– разработчики ФГОС и стандартов профессиональной деятельности, нормативных документов, регулирующих практику применения психологического образования, используют разные (иногда противоречащие друг другу) основания для наполнения содержания текстов (сравните то, что уже выпущено и утверждено, и увидите это сразу на уровне ключевых понятий);

– в такой ситуации в каждом вузе программы разрабатываются на тех методологических основаниях, которыми владеют их авторы;

– существующая неопределённость отражается в содержании и уровне подготовки специалиста, так как формальное соблюдение требований ФГОС не гарантирует того, что подготовка специалистов в разных концах России, в разных вузах примерно равна. Скорее всего, всё сильнее будет продолжаться увеличение дистанции между выпускниками разных регионов, возрастать разница предметного содержания их профессионализма.

В то же время нельзя не отметить, что сегодня уже есть достаточно продуктивные попытки построения методологии практической психологии образования в ряде регионов. Например, ориентиром в решении такого вопроса может служить опыт Самарской и Новосибирской областей, где организационно-методические и содержательные вопросы проработаны достаточно тщательно и каждый специалист имеет возможность ориентироваться на внятно сформулированные требования к собственной деятельности,

к рабочим программам, к методической документации и т. п. Однако не следует забывать, что это только региональный опыт, который необходимо учитывать как факт и изучать с целью выделения в нём того, что сможет стать системообразующими элементами построения общей методологии работы практического психолога, фундаментальными основаниями построения конкретной работы. Вряд ли кто поспорит с тем, что качество каждого конкретного продукта профессиональной деятельности практического психолога задаётся именно такой составляющей его работы, как «методологическая грамотность». Этот аспект достаточно ярко отражается в обоснованиях выбора направленности создаваемого инструмента работы, его содержания, логике построения содержания программы, выбора и обоснования применяемых методических средств, критериев определения эффективности и т. п.

Нет сомнений в том, что выделение специфики содержания предмета практической психологии, методов, критериев её эффективности позволит определить и в вопросах методологии подготовки специалиста-практика. Возвращаясь к уже выделенному аспекту ещё раз, отметим, что качество результата профессиональной деятельности – следствие качественного профессионального обучения. Ясность и точность понимания предмета порождает лёгкость освоения его практической составляющей, даёт возможность оперативно определиться с выбором стратегии, тактики работы, обеспечивает

точность и адекватность решаемой задаче выбора инструментария, скорость решения задачи и высокую результативность процесса. В целом даёт гарантии безопасности этой сложной работы как для специалиста, так и для клиента.

Наш опыт исследования проблемы определения сущности и специфики практической психологии позволяет сформулировать следующее её понимание:

Практическая психология – одно из прикладных направлений деятельности психолога, предполагающее оказание непосредственной профессиональной помощи тем, кто испытывает определённые затруднения в той или иной жизненной ситуации, при решении такого типа задач, в которых психологическая составляющая является одним из условий достижения искомого конструктивного результата.

Предметом работы практического психолога являются психологические ресурсы личности, возникающие, развивающиеся и проявляющиеся в конкретных условиях сообразно их специфике. ИмPLICITно они представлены в запросе, сформулированном заказчиком психологических услуг.

Специфическим для данного направления деятельности является то, что специалист этого профиля реализует свой профессиональный потенциал не в решении задач психологии (как области знания), а в решении конкретной практической задачи, сформулированной человеком / группой (заказчиком его услуг), нуждающимся/-ейся в помощи практического психолога. В отличие от других направлений психологии, здесь активность специалиста сфокусирована не на открытии / создании нового знания, новой технологии, а на работе с психологическим содержанием запроса обратившегося за помощью человека, на эффективности действий, осуществляемых по отношению к выделенному с клиентом предмету. Качество профессиональной подготовки специалиста, актуализированное в об-

ращении к тем или иным внутренним ресурсам человека / группы, отражается в характере взаимодействия с нуждающимся в помощи. Эффективность такой работы определяется степенью соответствия достигнутого результата содержанию запроса, цели и выделенным задачам, сформулированным вместе с клиентом.

Ещё одна особенность такой профессиональной деятельности заключается в том, что специалист реализует свою профессиональную компетентность в условиях тех ограничений, которые заданы спецификой сферы, в которой он её осуществляет. Он не может игнорировать её требований, установленных там «границ», реальные условия для проявления тех или иных возможностей самореализации человека и т. п. Результат работы практического психолога представляется в достижении поставленной обеими сторонами цели, в качестве решения задач, сформулированных в запросе клиента, в характере изменений психологических ресурсов обратившегося за помощью, в оперативности реализации поставленной клиентом задачи, в оценке эффективности его действий в процессе работы с клиентом и т. п.

Методологические проблемы понимания сути практической психологии тем или иным образом отражаются в содержании профессиональной подготовки будущих специалистов данного направления. В этом плане общее понимание специфики предметной области практической психологии даёт возможность исключить методологические несостыковки при разработке разными командами специалистов содержания текстов ФГОС и стандартов профессиональной деятельности, обеспечить реализацию принципа приемлемости.

Другой аспект обсуждаемой проблемы – неразрывная взаимосвязь вопросов подготовки специалиста и его последующей аттестации. Он уже обсуждался не раз в контексте проблем «зазора» между результатами образования и требовани-

ями профессиональной деятельности, недостаточной содержательно-методологической связи между научными основаниями разработки ФГОС высшего образования и стандартов профессиональной деятельности и т. п. Это же касается и вопроса о методологических основаниях процедур аттестации специалиста, экспертизы результатов его деятельности и дальнейшей его сертификации [5; 14].

В частности, было отмечено, что отсутствует согласованность в научной трактовке базовых понятий, критериев отбора и подбора кадров, что отражается в уровне релевантности их использования на практике. Косвенным доказательством этого является тот факт, что понятие «экспертиза» не входит в список основных понятий, используемых в Федеральном законе об образовании, но встречается в тексте достаточно часто (см. ст.ст. 12, 18, 71, 87; особенно близко к нашему контексту содержание ст. 95). Хотя в современных публикациях достаточно разнообразных попыток определить его¹.

В основу разработки процедуры экспертизы в области практической психологии может быть положен документ, в котором представлена методология доказательности социальных практик в сфере детства – Стандарт доказательности социальных практик в сфере детства, – который задаёт структуру сбора доказательств и обоснований, структурирует требования к данным, необходимым для оценки доказанности результатов, определяет формат описания доказательной базы практики с учётом ключевых направлений разработанной методологии. В этом контексте с сожалением можно

констатировать, что менее всего фундаментальные вопросы экспертизы проработаны в подготовке специалистов «помогающих профессий», и прежде всего практических психологов. Это прямо отражается в реальной практике: до сегодняшнего дня эксперты отбирают почти «на глаз», в отборе преобладают формальные основания, формальный статус (наличие диплома, занимаемая должность и т. п.). Но в любом словаре, энциклопедии мы видим, что главным в понимании сущности термина «эксперт» является наличие **специальной подготовки** (подготовки для экспертизы) и **опыта проведения экспертизы**. Именно поэтому такой человек может быть допущен к оценке деятельности «специалиста», так как он обладает не только знаниями в данной области, но и специальной практической подготовкой, опытом выполнения такого рода работы. Окончательное вступление в действие профессиональных стандартов требует срочного решения проблемы методологических оснований экспертной деятельности в практической психологии, наличия и такого «института», и системы подготовки специалистов этого узкого профиля из числа уже действующих профессионалов. Достижение этой цели позволит снять множество вопросов, возникающих при знакомстве с текстами разных нормативных и профессиональных, рабочих документов, при определении качества продуктов профессиональной деятельности педагога-психолога.

Подводя итог нашему обсуждению, обобщим все те выводы, которые вытекают из основного текста.

1. В настоящее время существуют все необходимые условия для преодоления противоречий в определении методологических оснований практической психологии.

2. При разработке нормативных оснований подготовки практических психологов, определении основного содержания и критериев оценки их профессиональной деятельности должны использовать-

¹ См., напр.: Братченко С. Л. Мир экспертизы и его возможные координаты // Экспертиза образовательных инноваций / под ред. Г. Н. Прозументовой. Томск, 2007. С. 23–45; Мкртычян Г. А. Психолого-педагогическая экспертиза в образовании: теория и практика: автореф. дис. ... докт. психол. наук. Н. Новгород, 2002. 33 с.; Экспертиза в современном мире: от знания к деятельности / под ред. Г. В. Иванченко, Д. А. Леонтьева. М., 2006. 454 с. и др.

ся непротиворечащие друг другу, согласованные теоретические и эмпирические основания.

3. Любые разработки, направленные на определение нормативных оснований работы практического психолога, должны получать независимую общественно-профессиональную экспертную оценку (РПО, ФПО, ассоциаций, гильдий и т. п.). Результаты такой оценки с указанием конкретных разработчиков должны быть доступны каждому конкретному практику. Так же как и все замечания, предложения участников публичного профессионального обсуждения. Окончательный текст проекта нормативного документа должен быть предварительно опубликован в открытой профессиональной печати (как и при защите диссертаций).

4. Всем заинтересованным в повышении статуса практической психологии организациям, специалистам необходимо инициировать и поддерживать с помощью системы грантов серьезное и глубокое изучение и обобщение накопленного опыта

практической психологии, выделив при этом опыт специализированных региональных Центров, работники которых не раз доказывали свою профессиональную компетентность и эффективность (изучить их разработки, дать экспертную оценку опыта и т. п.).

5. Необходимо найти возможности для создания сертифицированного «Банка методических средств подготовки и профессиональной деятельности практического психолога». Определить организации, учреждения, которые смогли бы как разработать методологию его создания, критерии отбора и т. п., так и обеспечить процесс отбора материалов, оценку качества профессиональных методических изданий, необходимых для данного вида профессиональной деятельности. В том числе и оценку качества учебников, учебных пособий, которые могут быть рекомендованы для подготовки практических психологов как «базовые».

Статья поступила в редакцию 02.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Василюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М., 2003. 216 с.
2. Василюк Ф. Е. Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–26.
3. Иванов М. А., Штроо В. А. Академическая и практическая психология // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 4. С. 137–155.
4. Забродин Ю. М. Основные проблемы становления практической психологии в СССР // Психологические условия профессионального становления личности. М., 1990. С. 37–45.
5. Забродин Ю. М. Проблема разработки практической психологии // Психологический журнал. 1980. Т. 1. № 2. С. 5–8.
6. Забродин Ю. М., Пахальян В. Э. Проблемы оценки соответствия профессиональной деятельности практических психологов требованиям внедряемых стандартов (еще раз об экспертах и экспертизе в практической психологии) // Психолого-педагогические исследования. 2018. Том 10. № 2. С. 21–42 doi: 10.17759/psyedu.2018100203 (дата обращения: 15.07.2020).
7. Забродин Ю. М., Пахальян В. Э. Профессиональные стандарты и подготовка практических психологов // Вестник практической психологии образования. 2013. № 3 (36). С. 3–8.
8. Иванников В. А. Проблемы подготовки психологов // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 48–52.
9. Карицкий И. Н. Психологические практики в социальном пространстве // Приволжский научный вестник. 2014. № 11-2 (39). С. 134–139.
10. Карицкий И. Н. Современные социально-психологические практики: теоретико-методологическое исследование: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль 2002. 20 с.
11. Климов Е. А. Гипотеза «метелок» и развитие профессии психолога // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 1992. № 3. С. 3–12.
12. Лидерс А. Г. Психологический тренинг с подростками: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2001. 256 с.

13. Мазиллов В. А. Психология академическая и психология практическая, их соотношение: прошлое, настоящее, будущее // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М., 2015. С. 91–145.
14. Пахальян В. Э. Проблемы подготовки практических психологов в системе дополнительного высшего профессионального образования // Профессиональное становление личности в современных условиях. Красноярск, 2013. С. 7–13.
15. Психологическая служба образования глазами мэтров: 15 лет спустя // Вестник практической психологии образования. 2004. № 1. С. 8–15.
16. Юревич А. В. Методологический либерализм в психологии // Вопросы психологии. 2001. № 5. С. 3–18.

REFERENCES

1. Vasilyuk F. E. *Metodologicheskii analiz v psikhologii* [Methodological analysis in psychology]. Moscow, 2003. 216 p.
2. Vasilyuk F. E. [Methodological meaning of psychological schism]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 1996, no. 6, pp. 25–26.
3. Ivanov M. A., Shtroo V. A. [Academic and practical psychology]. In: *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational psychology], 2018, vol. 8, no. 4, pp. 137–155.
4. Zabrodin Yu. M. [The main problems of the formation of practical psychology in the USSR]. In: *Psikhologicheskie usloviya professional'nogo stanovleniya lichnosti* [Psychological conditions for the professional development of personality]. Moscow, 1990, pp. 37–45.
5. Zabrodin Yu. M. [The problem of developing practical psychology]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1980, vol. 1, no. 2, pp. 5–8.
6. Zabrodin Yu. M., Pakhal'yan V. E. [Problems of assessing the compliance of the professional activities of practical psychologists with the requirements of the standards being implemented (once again about experts and expertise in practical psychology)]. In: *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya: elektronnyi zhurnal* [Psychological and pedagogical research: Electronic journal], 2018, vol. 10, no. 2. (accessed: 15.07.2020). DOI: 10.17759/psyedu.2018100203 ISSN: 2587-6139
7. Zabrodin Yu. M., Pakhal'yan V. E. [Professional standards and training for practical psychologists]. In: *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of practical educational psychology], 2013, no. 3 (36), pp. 3–8.
8. Ivannikov V. A. [Problems of training psychologists]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2006, no. 1, pp. 48–52.
9. Karitsky I. N. [Psychological practices in social space]. In: *Privolzhskii nauchnyi vestnik* [Privolzhsky scientific bulletin], 2014, no. 11-2 (39), pp. 134–139.
10. Karitsky I. N. *Sovremennye sotsial'no-psikhologicheskie praktiki: teoretiko-metodologicheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [Modern social and psychological practices: theoretical and methodological research. abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Yaroslavl, 2002. 20 p.
11. Klimov E. A. [The “panic” hypothesis and the development of the psychologist]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology], 1992, no. 3, pp. 3–12.
12. Liders A. G. *Psikhologicheskii trening s podrostkami* [Psychological training with adolescents]. Moscow, 2001. 256 p.
13. Mazilov V. A. [Academic psychology and practical psychology, their relationship: past, present, future]. In: Zhuravlev A. L., Yurevich A. V., eds. *Vzaimootnosheniya issledovatel'skoi i prakticheskoi psikhologii* [The relationship between research and practical psychology]. Moscow, 2015, pp. 91–145.
14. Pakhal'yan V. E. [Problems of training practical psychologists in the system of additional higher professional education]. In: *Professional'noe stanovlenie lichnosti v sovremennykh usloviyakh* [Professional development of personality in modern conditions]. Krasnoyarsk, 2013, pp. 7–13.
15. [Psychological service of education through the eyes of masters: 15 years later]. In: *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of practical educational psychology], 2004, no. 1, pp. 8–15.
16. Yurevich A. V. [Methodological liberalism in psychology]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2001, no. 5, pp. 3–18.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Забродин Юрий Михайлович – доктор психологических наук, профессор, консультант администрации Московского государственного психолого-педагогического университета;
e-mail: zabrodin_yuri@mail.ru

Пахальян Виктор Эдуардович – кандидат психологических наук, профессор, ведущий специалист Московской службы психологической помощи населению;
e-mail: vicp2007@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Yuri M. Zabrodin – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Advisor to the Administration of the Moscow State Psychological and Pedagogical University (Moscow State Pedagogical University);
e-mail: zabrodin_yuri@mail.ru

Victor E. Pakhalyan – Cand. Sci. (Psychology), Prof., Leading Psychologist of the Moscow Service for Psychological Assistance to the Population;
e-mail: vicp2007@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Забродин Ю. М., Пахальян В. Э. Методологические проблемы практической психологии и вопросы обеспечения качества работы психолога образования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 9–20.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-9-20

FOR CITATION

Zabrodin Yu. M., Pakhalyan V. E. Methodological problems of practical psychology and the issues of ensuring the quality of work of an educational psychologist. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 9–20.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-9-20

РАЗДЕЛ I.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-21-39

СМЫСЛ УГРОЗЫ И УГРОЗА СМЫСЛУ: МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ СИТУАЦИИ ПАНДЕМИИ COVID-19

Битюцкая Е. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Аналитический обзор и разработка психологической модели субъективного восприятия ситуации глобальной угрозы, связанной с пандемией COVID-19.

Процедура и методы. Проведён комплексный анализ: новые эмпирические данные о реагировании на ситуацию глобальной угрозы, появившиеся в период пандемии, рассматриваются в контексте теоретических подходов к пониманию угрозы базовым смыслам и способов совладания с угрозой. Создание и визуализация модели проводятся на основе метода системной динамики.

Результаты. Выделены составляющие восприятия (образа мира) в случае принятия и неприятия стремительных изменений ситуации глобальной угрозы. Процессы восприятия и совладания с угрозой показаны как циклические (а не линейные).

Теоретическая и/или практическая значимость. Определены факторы, позволяющие изменить восприятие ситуации, что может использоваться при разработке стратегий психологического консультирования людей, переживающих угрозу пандемии.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, восприятие угрозы, образ мира, восприятие, смысл, мониторинг, избегание, базовые (базисные) убеждения, тревога, неопределённость, субъективный контроль, копинг, переоценка

MEANING OF THREAT AND THREAT TO MEANING: MODELING THE PERCEPTION OF THE PANDEMIC COVID-19 SITUATION

E. Bityutskaya

*Lomonosov Moscow State University
11, str. 9 Mokhovaya ul., Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract

Aim. To give an analytical review and to develop a psychological model of human perception of the global threat situation associated with the COVID-19 pandemic.

© CC BY Битюцкая Е. В., 2020.

Methodology. A complex analysis is carried out: new empirical data on the response to the global threat situation, which appeared during the pandemic, are considered in the context of theoretical approaches to understanding the threat of basic meanings and ways of coping with the threat. The model is created and visualized using the system dynamics method.

Results. The components of the perceived threat in accepting and not accepting rapid changes in the global situation are highlighted. The processes of perception and coping with the threat are shown as cyclical (not linear).

Research implications. Factors that allow changing the perception of the situation are highlighted, which can be used in the development of strategies for psychological counseling of people experiencing the threat of a pandemic.

Keywords: pandemic, COVID-19, threat perception, image of the world, perception, meaning, monitoring, avoidance, basic beliefs, anxiety, uncertainty, perceived control, coping, reappraisal

Постановка проблемы

По данным психологических исследований, проведённых в разных странах, наиболее частые реакции на глобальную угрозу пандемии COVID-19 – тревога, депрессия, страх заразиться болезнью, симптомы посттравматического стресса [15; 20; 27; 30; 32; 35; 36; 38]. Причём в качестве причин такого реагирования зачастую рассматриваются внешние факторы: решения правительств разных стран, особенности оказания медицинской помощи, наличие лекарств и средств защиты от вируса и др. Такой (внешний) фокус связан с рядом методологических трудностей, среди которых – акцентирование эмпирических предикторов в ущерб разработке психологических моделей тревоги, причин её усиления и перехода в хронические формы [15]. Отметим, что в публикациях о пандемии на данный момент недостаточно внимания уделяется объяснению внутренних механизмов тревожных состояний, особенностей их динамики, а также анализу эффективности способов совладания с учётом краткосрочности / долгосрочности последствий.

Кроме того, интересен следующий факт: по результатам исследований в разных странах мира о тревожных переживаниях в период пандемии сообщают от 20 до 60% респондентов. Однако то, как переживает угрозу остальное население, которое не сообщает о тревоге, депрес-

сии и т. п., в большинстве публикаций не раскрывается. По нашим данным, полученным на основе качественного анализа описаний актуальной жизненной ситуации (1–30 апреля 2020 г.; разные города России; $n = 108$), 49% респондентов оценили происходящие в период пандемии жизненные изменения как желательные. Респонденты разных групп (оценивающие изменения как желательные и нежелательные) описывают одинаковые ограничения: свободы передвижения, общения и др., – при этом по-разному воспринимают жизненную ситуацию. В частности, принимающие изменения респонденты фокусируются на собственном развитии, извлечении пользы из сложившегося положения. В то же время не принимающие изменения люди придают большое значение психологическим и финансовым потерям из-за пандемии и не сообщают о приобретениях [10].

В данной работе проведён комплексный анализ: *новые эмпирические данные о реагировании на ситуацию глобальной угрозы*, появившиеся в период мирового кризиса (1), рассматриваются в контексте *теоретических подходов, объясняющих причины возникновения тревоги и способы совладания с угрозой* (2). Кроме того, определяются *ресурсы и позитивные варианты* восприятия жизненной ситуации во время пандемии (3), что могло бы определить возможности для психологической практики (консультирования и

психотерапии). При этом важно различать *ситуацию глобальной угрозы*¹, связанную с рисками для всего человечества, и *субъективное восприятие глобальной угрозы*. Последнее может быть адекватным или подвергаться искажениям. Так, относительно ситуаций глобальных рисков описаны иллюзии отдалённости, маловероятности, когнитивные искажения, отрицание возможности неблагоприятных событий в своей жизни [9].

Теоретические подходы к изучению угрозы смыслу

Основываясь на обзоре литературы, можно утверждать, что искажения и другие формы психологической защиты актуализируются, когда внешняя угроза (стрессор) воспринимается как *угроза базовым смыслам и убеждениям* человека.

Базовые (или базисные) убеждения – это представления индивида о мире и о себе, которые складываются в раннем возрасте, относительно устойчивы на протяжении жизни человека, имеют высокий уровень обобщённости и низкую степень осознанности [11]. Базовые убеждения сводятся к тезисам о доброжелательности, справедливости, подконтрольности мира, а также о ценности собственного Я, например: «Мой мир имеет смысл и согласованность»; «Я контролирую свою жизнь» [11; 21; 33]. Отметим, что во многих случаях представления о подконтрольности жизненных ситуаций, закономерности происходящих событий, возможности их предсказывать и планировать основываются на базовом представлении о стабильности мира [3]. В контексте анализа восприятия ситуации пандемии тема безопасного, стабильного и предсказуемого мира видится особенно важной, поскольку именно эти три составляющие убеждений оказываются под угрозой.

При описании функций базовых убеждений о мире отмечается, что они выступают своеобразной системой, позволяющей человеку: а) создавать основные жизненные смыслы и ориентиры; б) понимать свой опыт; в) целенаправленно действовать [5; 11; 21; 26]. Базовые убеждения являются основой для формирования «сетей целей» [37, р. 225] и мировоззрения [23]. В целом эта система определяет мотивы человека, его ожидания и способы взаимодействия с другими людьми и ситуациями, является стабильной составляющей образа мира.

Поддержание согласованности между базовыми убеждениями (смыслами) и актуальным опытом является важнейшей потребностью человека. В частности, такое соответствие является основой для оценки своей жизни как значимой [26]. Напротив, расхождение реальности со «смысловыми рамками» сопровождается «неприятным / аверсивным» возбуждением, тревогой [37, р. 225] и расценивается как «угроза смыслу» [26]. Угроза смыслу мотивирует разные варианты копинга по поддержанию смысла или созданию новых смыслов [26; 29].

Способы совладания с угрозой

Анализируя *способы совладания* с угрозой (как стрессором), отметим, что одной из широко применяемых типологий является разделение копинга на 2 крупных класса реакций, связанных с приближением к угрозе и избеганием её [см. обзоры: 33; 34; 37]. Так, С. Миллер выделяет 2 когнитивных стиля совладания с угрозой: мониторинг (monitoring) и притупление (blunting). Мониторинг – это поиск информации, мысленное сосредоточение на источнике стресса. Мониторинг связан с состоянием возбуждения, вызванным угрозой, что определяет мобилизацию сил и уверенность в преодолении. Однако в процессе мониторинга люди часто фокусируются на негативных аспектах угрожающего события. Это усиливает тревогу и создаёт сложности для исполь-

¹ В данном случае ситуация глобальной угрозы может быть рассмотрена как стрессор – фактор, который вызывает у человека стресс.

зования способов контроля эмоций. В то же время притупление определяется как избегание сведений о неприятностях, отвлечение внимания от них, чтобы уменьшить воспринимаемые сигналы угрозы и объективную опасность. В ряде работ показана положительная роль избегания (притупления и отвлечения) как копинг-стратегии, позволяющей эффективно снять (или не допустить) стрессовое напряжение [24]. Однако этот результат неоднозначен.

По мнению С. Рот и Л. Коэн, для оценки эффективности копинга необходимо учитывать: 1) когда она определяется; 2) насколько подконтрольна стрессовая ситуация; 3) каково соответствие между предпочитаемым стилем совладания и требованиями ситуации [33]. Так, копинг-стратегии отрицания (*rejection*) более адаптивны в краткосрочной временной перспективе (непосредственно после стрессового события). Копинг-стратегии, описывающие сосредоточение внимания на стрессоре (*attention*), более эффективны при учёте долгосрочных результатов [25]. Кроме того, избегание предпочтительнее в неконтролируемых условиях. В случае же, если имеется потенциальный контроль, более эффективно приближение (взаимодействие) с ситуацией. Это позволит человеку определить и использовать возможности ситуации [22; 33]. Важно учитывать также интенсивность угрожающего фактора, которая определяет степень осознания угрозы и своих копинговых усилий [26].

Метод исследования

Для решения задачи комплексного анализа восприятия ситуации пандемии в данной работе используется метод системной динамики. Этот метод разработан Дж. Форрестером и успешно применяется в экономике, медицине, управлении организациями, экологии и других науках. Системная динамика позволяет рассмотреть некоторый объект или явление как систему, характеризую-

щуюся нелинейным поведением. Важным преимуществом инструмента является определение принципов функционирования систем, имеющих: а) неочевидные процессы обратной связи¹; б) поведение, изменяющееся в течение времени. В целом это даёт возможность прогнозировать сценарии развития систем [6, с. 62, 63]. Применение метода направлено на разработку системно-динамической модели, иллюстрирующей составные элементы объекта и их связи.

При решении задач настоящего исследования метод системной динамики выбран потому, что позволяет: а) научно отразить сложные взаимосвязи компонентов восприятия ситуации угрозы и моделировать (прогнозировать) развитие процессов реагирования во времени; б) наглядно представить циклическую динамику, которая, согласно имеющимся немногочисленным данным, характеризует процессы переживания ситуаций стресса, угрозы, а также посттравматического стрессового расстройства [4; 31; 32]. Полученная системно-динамическая модель (в данном случае – качественная модель, основанная на причинно-следственных диаграммах) даёт возможность проанализировать факторы, определяющие усиление процессов (обозначаются в виде петель обратной связи **R**) и создающие балансировку системы, её устойчивость (балансирующие петли **B**). Кроме того, такой анализ помогает сфокусировать внимание на глубинных причинах происходящих процессов, выявить критические точки (рычаги), на которые следует воздействовать для решения проблемы, оценить последствия разных стратегий [6, с. 53, 78]. Основные элементы качественных моделей представлены на рисунке 1.

¹ Наличие обратной связи предполагает, что существует связь не только между причиной и следствием, но и следствие также может опосредованно влиять на причину.

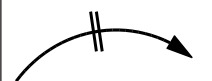
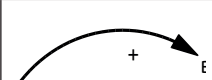
	Стрелка указывает на <i>причинно-следственную</i> связь между двумя переменными.
	Двойное перечёркивание означает наличие <i>эффекта запаздывания</i> .
	Знак положительной полярности возле стрелки означает, что две переменные, связанные стрелкой, <i>изменяются в одном и том же направлении</i> , т. е. повышение значения одной переменной ведёт к повышению значения другой, понижение значения одной переменной ведёт к понижению значения другой.
	Знак отрицательной полярности возле стрелки означает, что две переменные, связанные стрелкой, <i>изменяются в противоположном направлении</i> , т. е. повышение значения одной переменной ведёт к понижению значения другой, понижение значения одной переменной ведёт к повышению значения другой.
	Петли обратной связи: R – усиливающая петля, от англ. <i>Reinforcing</i> ; B – балансирующая петля, от англ. <i>Balancing</i> .

Рис. 1 / Fig. 1. Элементы качественной системно-динамической модели / Elements of a high-quality system-dynamic model

Источник: разработано Е. А. Бахановой [4, с. 48].

Системно-динамическая модель восприятия ситуации глобальной угрозы

Последовательно рассмотрим модель, «разобрав» её по частям, и завершим анализ рисунком итоговой системно-динамической модели, объединяющей все причинно-следственные диаграммы.

На рисунке 2 демонстрируется, что **расхождение реальности с базовыми убеждениями** о безопасном, стабильном, предсказуемом мире является одной из причин возникновения тревоги. К факторам, определяющим угрозу таким убеждениям в ситуации пандемии, относятся: особенности проявления вируса, с которыми ранее не сталкивалась наука, и связанные с этим высокая смертность, неизвестность хорошо действующих способов защиты [18]. Чувства безопасности лишают: угроза нехватки продовольствия и «медицинских» ресурсов, финансовый кризис, потеря работы [35].

Согласно прогнозам, мир после пандемии необратимо изменится. В ряде

источников обсуждается неминуемое появление «новых норм» образа жизни людей [18; 35]. Среди них – продолжение распространения вируса и связанные с этим меры социального дистанцирования; «постоянство изменений», переход многих сфер жизни общества в дистанционные форматы, усиление озабоченности людей относительно безопасности контактов из-за страха заражения и др. [35]. Люди, для которых важна стабильность мира, могут воспринимать вероятность изменений как угрозу.

На рисунке 2 показано, что при расхождении реальности с базовыми убеждениями о безопасном, стабильном, предсказуемом мире возникает защитный способ совладания **избегание**, функцией которого является недопущение угрожающей этим представлениям информации к осознанию. В целом это характеризует неготовность к изменениям. Петля **R1** моделирует усиление процесса: чем больше *расхождение реальности с базовыми убеждениями о мире*, тем больше

потребность их сохранить. Это усиливает вероятность избегания, недопущения реальности к осознанию, что связано с неготовностью к изменениям, которая увеличивает расхождение реальности с базовыми убеждениями о мире. Тем са-

мым демонстрируется, что актуализация психологической защиты (избегания) не приводит к разрешению противоречия, а напротив, в долгосрочной перспективе усиливает напряжение.

Рис. 2 / Fig. 2. Петли обратной связи R1, R2, B1. Расхождение реальности с базовыми убеждениями как причина тревоги и психологическая защита (феномен «зыбкого баланса») / Feedback loops R1, R2, B1. The discrepancy between reality and basic beliefs as a cause of anxiety and psychological defense (the phenomenon of “shaky balance”)

Кроме того, в ответ на расхождение реальности с базовыми убеждениями о мире возникает тревога, которая, в свою очередь, связана с избеганием, а далее – с неготовностью к изменениям (петля обратной связи R2, рис. 2). Балансирующая петля B1 характеризует краткосрочный положительный эффект, который возникает вследствие актуализации избегающего способа совладания. Чем сильнее тревога, тем больше вероятность избежания и недопущения реальности к осозна-

нию; далее усиление избегания уменьшает тревогу (первый цикл петли B1). Однако чем меньше тревога, тем меньше избегание, и чем меньше избегание, тем больше тревога (второй цикл петли B1). Модель описывает, что психологическая защита приносит кратковременный эффект облегчения, в случае же длительного использования тревога будет увеличиваться, что потребует усиления защиты.

Другой способ совладания с тревогой – **мониторинг** изменений ситуации

(рис. 3). Данная стратегия в общем виде используется для того, чтобы «замечать и использовать в своих интересах изменения ситуации, которые могли бы сделать её более контролируемой» [33, р. 813]. В ситуации пандемии мониторинг является одним из наиболее часто используемых способов совладания с тревогой: по данным российских исследователей, «два человека из трех следят за информацией о пандемии каждый день или чаще, а один человек из пятнадцати тратит на это большую часть дня» [15, с. 86]. Однако в ряде работ отмечается, что относительно ситуации с пандемией мониторинг не приводит к снижению тревоги. Несмотря на то, что постоянный просмотр новостей и социальных сетей используется в ситуации пандемии для ослабления бес-

покойства, в действительности такой способ «контрпродуктивен» и только «разжигает» тревожные состояния. Это объясняется ощущением неуправляемости жизни в результате информационной перегрузки и слухов [35], высоким процентом летальных исходов [18]. В рекомендациях о том, как преодолеть чувство подавленности, указывается на необходимость ограничить проверку новостей о пандемии в средствах массовой информации и снизить мониторинг социальных сетей [35].

Петля обратной связи **R3** на рисунке 3 читается следующим образом: с возрастанием *тревоги* повышается потребность контролировать ситуацию, а это, в свою очередь, связано с усилением отслеживания происходящего (*мониторинг из-*

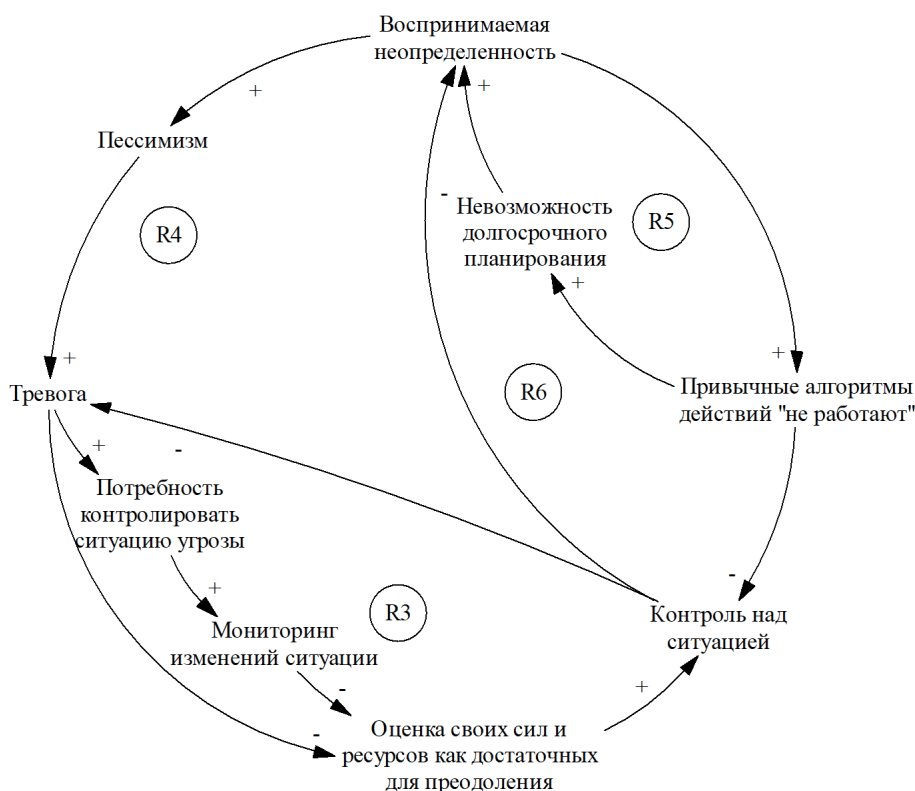

Рис. 3 / Fig. 3. Петли обратной связи R3–R6. Воспринимаемая неопределённость как причина тревоги и мониторинг как способ копинга / Feedback loops R3–R6. Perceived uncertainty as a cause of anxiety and monitoring as a way of coping

менений ситуации). Однако контроль над глобальной ситуацией, связанной с пандемией, невозможен (человек может контролировать только свою жизненную ситуацию), поэтому, чем больше мониторинг, тем меньше вероятность оценки своих сил и ресурсов как достаточных для преодоления и тем выше вероятность потери контроля над ситуацией. Далее это усиливает тревогу.

Ещё одна причина, вызывающая тревогу в ситуации пандемии, – **неопределённость**. Как было показано, часто причиной тревоги являются неопределённые сигналы, указывающие на возможное противоречие значимой цели [17]. Источниками неопределённости в ситуации пандемии являются: вероятность заражения вирусом, неизвестность, насколько долго продлится пандемия, и непонятность будущего [30; 35]. Многие противоречия связаны с особенностями природы самого вируса, сложностями прогнозирования масштабов заражения, эффективных мер борьбы и т. п. [18]. Кроме того, неопределённость в ситуации пандемии возникает из-за нарушений привычного жизненного ритма и распорядка дня [20; 28; 35], невозможности реализации готовых моделей для решения проблемы, сложности выработки более адаптивных ответов, которые могли бы учесть неопределённый и неоднозначный контекст [18]. Длительное переживание неизвестности последствий и сроков завершения периода самоизоляции вызывает появление пессимистичных реакций, скуки, уныния [35; 36].

Петля **R4** на рисунке 3 демонстрирует нарастание тревоги при пессимистичном восприятии неопределённости. Чем выше воспринимаемая неопределённость ситуации, тем больше вероятность пессимизма. Пессимизм и связанные с ним отрицательные прогнозы повышают уровень тревоги. С возрастанием тревоги снижаются оценка своих сил и ресурсов как достаточных для преодоления и субъективный контроль над ситуацией.

Далее это усиливает воспринимаемую неопределённость¹.

На рисунке 3 представлена также петля обратной связи **R5**, характеризующая сложности перестройки образа мира у людей с «жёсткими ожиданиями, чрезмерной степенью субъективной определённости» [7, с. 6]. Чем выше воспринимаемая неопределённость ситуации, тем больше вероятность того, что привычные алгоритмы действий «не работают». С этим связана невозможность долгосрочного планирования, что определяет усиление чувства неопределённости ситуации.

У человека, который не готов быстро перестроить свои способы мышления и программы поведения, невозможность применения готовых схем (когда привычные алгоритмы действий «не работают») вызовет ощущение потери контроля над ситуацией. Это также усиливает чувство неопределённости ситуации (петля **R6** на рис. 3).

Рассмотренные процессы имеют эффект усиления и моделируют нарастание тревоги. Фактором, балансирующим такую систему, является избегание, недопущение реальности к осознанию. Однако ослабление напряжения при актуализации этой копинг-стратегии может быть кратковременным. Ранее мы обозначили это как «зыбкий баланс» [4].

Далее проиллюстрируем «рычаги влияния», т. е. ресурсы, **факторы, позволяющие изменить восприятие** и эффективно совладать с угрозой в ситуации пандемии. Кроме того, анализируемые ниже части модели можно рассматривать как описание составляющих образа мира человека, оптимистично и позитивно воспринимающего трудности пандемии.

Важнейшими составляющими снижения пессимистичного переживания не-

¹ Ранее нами были выявлены связи личностной тревожности с оценкой своих ресурсов и с показателями оценки трудных жизненных ситуаций. Так, с повышением показателей тревожности усиливается тенденция воспринимать ситуацию как превышающую внутренние ресурсы, неподконтрольную и неопределённую [2].

определённости в ситуации пандемии являются особенности прогнозирования и планирования. Как было показано ранее, интолерантность к неопределённости и неприятие изменений связаны с тща-

тельным негибким планированием, а также с отрицательными прогнозами. В то же время принятие перемен характеризуется эскизными планами и ориентированностью на неопределённое будущее [3; 14].

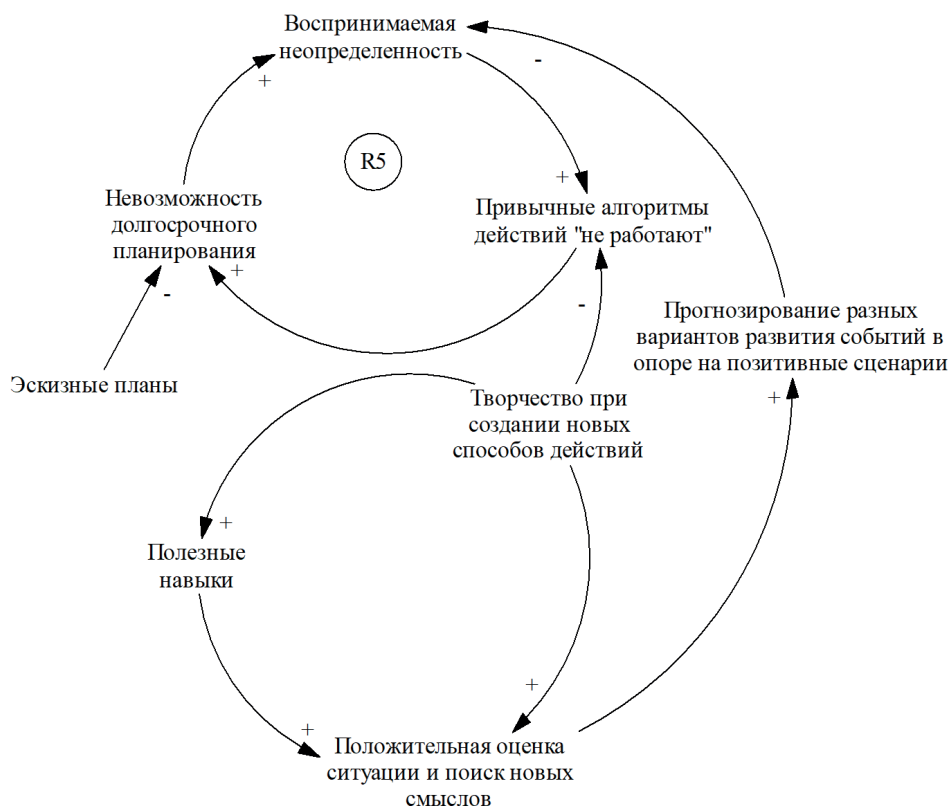

Рис. 4 / Fig. 4. Петля обратной связи R5 и рычаги влияния на воспринимаемую неопределённость / R5 Feedback loop and leverage on the perceived uncertainty

На рисунке 4 показано, что *прогнозирование разных вариантов развития событий в опоре на позитивные сценарии* снижает ощущение неопределённости, эскизные планы в ситуации пандемии позволяют справиться с невозможностью долгосрочного планирования, а творчество при создании новых способов действий позволяет изменить привычные алгоритмы действий. Кроме того, чем больше такого творчества, тем выше вероятность приобретения полезных навыков, с одной стороны, и положительной оценки ситуации, с другой.

На рисунке 5 демонстрируется, что *положительную оценку ситуации и поиск новых смыслов* определяют нахождение возможностей перестроить свою жизнь в новых условиях, творчество при создании новых способов действий, приобретение полезных навыков, поддержка социального окружения. Это подтверждается результатами нашего исследования [10]. 30% респондентов, сообщивших о желательности изменений в собственной жизни, описали ситуацию, сложившуюся в самоизоляции, как приобретение новых знаний и навыков, новых

форматов для своих профессиональных проектов, новых контактов, большей осознанности в отношении к жизни, понимания со стороны других людей. В 70% ответов таких респондентов отмечены цели «приближения»: достичь хоро-

шего здоровья, красоты, приобрести новые навыки, помочь людям, заботиться о близких и себе. Всё это свидетельствует о фокусировании на положительных аспектах ситуации и нахождении новых смыслов.

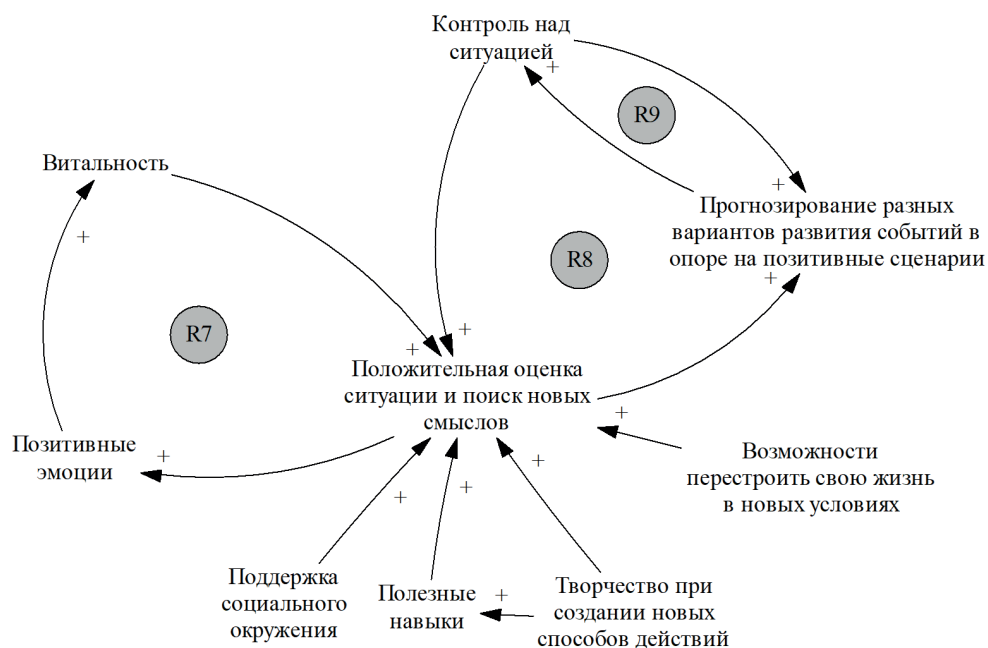

Рис. 5 / Fig. 5. Петли обратной связи R7–R9: связи положительной оценки ситуации с другими составляющими восприятия ситуации / Feedback loops R7–R9: connections of positive assessment of the situation with other components of perception of the situation

Петля R7 на рисунке 5 показывает связь положительной оценки, позитивных эмоций и витальности. Эта связь основывается на представлении о стенической функции положительных эмоций, усиливающих потребности и ощущаемые возможности (силы) для их достижения [13]. Косвенно об этом свидетельствует то, что участники нашего исследования, принимающие изменения, сообщают о целях повышения продуктивности, ориентации на максимальные достижения, на выполнение ещё больших объёмов работы, чем в период до пандемии (32% людей, сообщивших о высоко желательных жизненных изменениях в период пандемии) [10]. Петля R7 репрезенти-

рует следующий процесс: с усилением позитивных эмоций возрастает уровень субъективной витальности, что, в свою очередь, связано с положительной оценкой ситуации и поиском новых смыслов. Это увеличивает вероятность переживания позитивных эмоций. Петля обратной связи R8 показывает, что, чем выше положительная оценка ситуации, тем больше вероятность прогнозирования разных вариантов событий в опоре на позитивные сценарии, а это значимый фактор субъективного контроля над жизненной ситуацией, который также влияет на возможности прогнозирования (петля R9).

На рисунке 6 представлен «треугольник целевой активности», описывающий

взаимосвязи трёх компонентов восприятия ситуации: *контроля, прогнозирования, понимания*, – которые, взаимно усиливая друг друга, обеспечивают направленность внимания и действий на достижение цели (петли **R9**, **R10**, **R11**). Петля **R12** демонстрирует, что с повышением *оценки своих сил и ресурсов как достаточных для преодоления ситуации* увеличивается субъективный контроль над (своей жизненной)

ситуацией, что далее повышает вероятность *прогнозирования разных вариантов развития событий в опоре на позитивные сценарии*. Чем больше возможностей такого *прогнозирования*, тем выше (лучше) *понимание ситуации*, а это увеличивает *оценку своих сил и ресурсов как достаточных для преодоления ситуации*. Такое увеличение также происходит при использовании *поддержки социального окружения*.

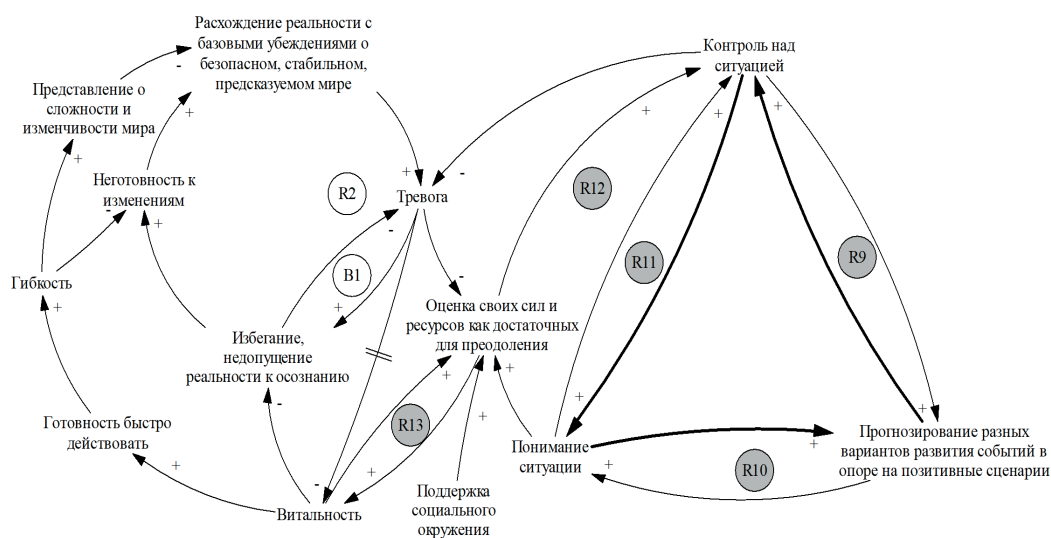

Рис. 6 / Fig. 6. Петли обратной связи R9–R11: «треугольник целевой активности»; петли обратной связи R12, R13 и рычаги влияния на угрозу базовым убеждениям / Feedback loops R9–R11: “triangle of target activity”; feedback loops R12, R13 and levers of influence on the threat to basic beliefs

На рисунке 6 показано, что повышение уровня *витальности* человека связано с повышением *оценки своих сил и ресурсов как достаточных для преодоления ситуации* (петля **R13**), а также – со снижением избегания. Обратная характеристика этой связи – предпочтение избегающих копинг-стратегий при понижении уровня витальности – объясняется стремлением экономить силы и ресурсы. Однако необходимо отметить кратковременность эффекта: психологическая защита позволяет аккумулировать ресурс на короткое время [25]. При длительном использовании избегания происходит, скорее, потеря ресурсов [16]. К этому же

приводит продолжающаяся тревога, которая поначалу действует мобилизующе, но со временем обусловит выгорание. На схеме стрелка от тревоги к витальности с эффектом запаздывания читается следующим образом: с возрастанием тревоги произойдёт снижение витальности в долгосрочной перспективе.

На рисунке 6 демонстрируется, что с увеличением уровня *витальности* повышается *готовность быстро действовать* в ситуации, а это связано с *гибкостью* действий и принятия решений. В свою очередь, *гибкость* – это важный компонент *представления о сложности и изменчивости мира*, с одной стороны,

и «рычаг» влияния на *неготовность к изменениям*, с другой. Фактором влияния на *расхождение реальности с базовыми убеждениями о безопасном, стабильном, предсказуемом мире* является *представление о сложности и изменчивости мира*. Как отмечает С. Д. Смирнов, сохранить

адекватность образа мира означает «принять многозначность мира» [14, с. 9].

На рисунке 7 представлены все рассмотренные варианты восприятия ситуации глобальной угрозы, связанной с пандемией, в виде итоговой системно-динамической модели.

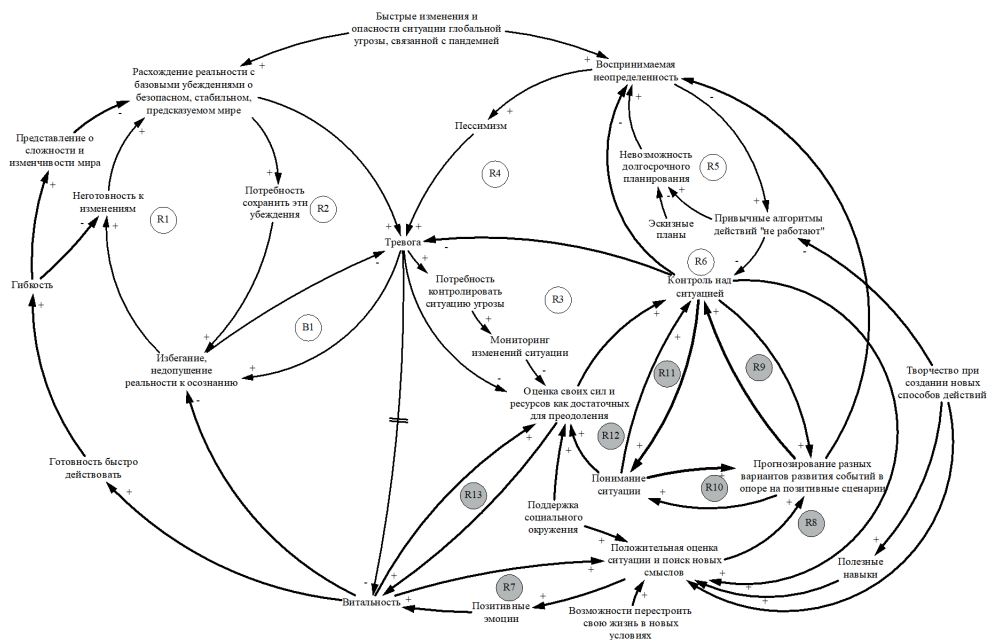

Рис. 7 / Fig. 7. Системно-динамическая модель восприятия ситуации глобальной угрозы / System-dynamic model of global threat perception

Обсуждение

На основе результатов недавних психологических исследований можно определить ситуацию пандемии COVID-19 как связанную с глобальными рисками и влекущую существенные изменения в жизни людей из разных стран. Как отмечает Г. М. Андреева, в ситуации социальных изменений образ мира людей перестраивается и на их деятельность влияет и изменившийся мир, и его изменившийся образ [1, с. 37]. Представленные в нашей модели типы восприятия глобальной угрозы даны в динамике и могут рассматриваться как стадии переживания, совладания с угрозой одного человека, а также как стратегии реагирования разных людей.

По результатам проведённого анализа к составляющим восприятия, которые описывают непринятие изменений, связанных с ситуацией пандемии, относятся: 1) отрицание (избегание) угрозы, характеризующееся потребностью сохранить убеждения о безопасном, стабильном и предсказуемом мире; 2) пессимистичная интерпретация неопределённой ситуации, при которой наделяются высокой значимостью отрицательные исходы, что побуждает мониторинг изменений и чувство потери субъективного контроля; 3) неготовность перестроить привычные алгоритмы действий в меняющихся условиях и невозможность долгосрочного планирования. Все три типа сопрово-

ждаются тревожными переживаниями, попытками удержать стабильность образа мира, ощущением невозможности его изменений. Психологической ценой этого является неадекватный (искажённый) образ ситуации.

К составляющим восприятия, которые характеризуют принятие изменений, относятся: 1) понимание ситуации, субъективный контроль, прогнозирование разных вариантов развития ситуации в опоре на позитивные сценарии («треугольник целевой активности»); 2) повышение уровня витальности, сочетающееся с готовностью быстро действовать, гибкостью решений и действий, оценкой своих сил и ресурсов как достаточных для преодоления; 3) положительная оценка ситуации и нахождение смыслов, определяющих возможности, что связано с творчеством, приобретением новых полезных навыков и позитивными эмоциями.

Перечисленные варианты лишь условно разделены как типы, модель демонстрирует взаимосвязи составляющих восприятия и возможности переходов от одного типа к другому. Это можно осуществить за счёт факторов изменения восприятия ситуации – «рычагов влияния» или точек перехода, что важно учитывать при разработке стратегий психологического консультирования.

Моделирование, выполненное в данной работе, показывает, что субъективный контроль снижается в случае мониторинга изменений глобальной угрозы. В то же время жизненная ситуация в условиях пандемии воспринимается как подконтрольная, если человек фокусируется на достижении собственных значимых посильных целей. Этот вывод сопоставим с исследованиями эффектов «целевых» состояний. Так, отмечается, что если в условиях «тревожной неопределённости» человеку удастся установить для себя «жизнеспособную» цель, то не имеющие отношения к цели стимулы утрачивают мотивационное значение. В то же время преобладают собственные перспективы

и импульсы к достижению цели [17]. При достижении значимых высоких целей, даже при дефиците ресурсов, происходит не только сохранение благоприятного психического состояния, но и увеличение продуктивности деятельности [16]. Ряд исследований показывает центральное значение целей для психологического благополучия человека [см. обзор: 8]. Причём в ситуации невозможности реализации намеченных ранее планов важными становятся отказ от целей, которые в изменённых условиях оказались недоступны, и готовность к смене целей [12].

В опоре на эти данные можно утверждать, что в ситуации пандемии наличие «жизнеспособной», адекватной происходящему цели является действенным способом наполнить сложный период (самоизоляции, карантина и т. п.) привлекательной для субъекта деятельностью. Причём этот способ отличается от «адаптивного восстановления» [35] тем, что восстановление предполагает ранее произошедшие разрушения. В то же время целевая активность не просто удерживает разрушение (внутреннего мира, базовых смыслов), но её можно признать благополучным выходом из сложных обстоятельств с долгосрочным позитивным эффектом.

Модель демонстрирует циклическое протекание рассмотренных процессов. В связи с этим возникает вопрос: каково объяснение такой динамики при переживании глобальной угрозы? В случаях тревожного переживания адаптивная функция цикличности (как повторения, воспроизведения), вероятно, состоит в том, чтобы принять необратимость изменений (и другие характеристики глобальной угрозы), подготовиться к действиям. При этом важно, что такая готовность предполагает запас сил и ресурсов, понимание, что делать в новой ситуации, изменение привычных установок и сложившихся связей. Необходимость такой перестройки образа мира для некоторых людей может потребовать долгого време-

ни. Циклическое протекание процесса, при котором на каждом новом витке происходят усиление положительной переоценки, нахождение новых смыслов ситуации, позволяет «выиграть» время. Это необходимо, чтобы встроить представления, которые изначально расходятся с убеждениями о мире, в свой образ мира.

Более сложные случаи связаны с такими вариантами переживания, когда положительная переоценка не появляется, а ригидный образ стрессовой ситуации навязчиво воспроизводится. Так, было показано, что навязчивое переживание сильной травмы отрицательно коррелирует с тенденцией к позитивной переоценке события [19]. В этих случаях психологическая помощь особенно необходима.

При ресурсном переживании трудностей циклические усиливающие процессы связаны со стенической функцией эмоций, положительной оценкой происходящего и сопровождаются увеличением витальности, приливом и избытком сил. Описанные ресурсные факторы и демонстрация того, как они связаны с состояниями тревоги и неопределённости, составляют новизну модели, поскольку большинство работ, появившихся в период пандемии, сосредоточены на рассмотрении негативных психологических последствий.

Выводы

1. Представленные в литературе данные позволяют выделить разноуровневые характеристики глобальной угрозы пандемии COVID-19, которые определяют её как стрессовый фактор: 1) особенности функционирования самого вируса и недостаточная изученность его проявлений; 2) возникновение изменений в разных сферах общества; 3) это на индивидуальном уровне связано с необходимостью перестраивать свой образ мира, поведение и жизненную ситуацию. Данная глобальная ситуация содержит характеристики и информацию, потенциально разрушающие представления

субъекта о безопасном, стабильном и предсказуемом мире. Кроме того, эту глобальную угрозу можно признать высокодинамичной ситуацией, что требует от человека дополнительных затрат ресурсов и усилий для адаптации к ней.

2. Разработанная модель показывает, что при схожих для разных людей характеристиках и ограничениях глобальной ситуации можно выделить различный *смысл угрозы*, характеризующий субъективное восприятие:

1) Переживание глобальной угрозы пандемии на индивидуальном уровне сопровождается тревогой и неприятием изменений в случаях, если: а) происходящее представляет *угрозу смыслам* как базовым убеждениям человека о безопасном, стабильном, предсказуемом мире; б) неопределённость глобальной ситуации воспринимается пессимистично. Придание большого значения отрицательным последствиям происходящего и попытки контролировать изменения глобальных процессов обуславливают мониторинг ситуации. Однако модель показывает, что этот способ не приводит к ощущению контроля, поскольку угроза пандемии представляет собой объективно высокоинтенсивный стрессор и не управляема усилиями конкретного человека. С другой стороны, снижение напряжения и облегчение состояния может достигаться за счёт актуализации избегания (игнорирования, отрицания рисков). Однако эффективность защитных стратегий краткосрочна. Представленная модель демонстрирует, что обе копинг-стратегии (мониторинг и избегание) в долгосрочной перспективе приведут к возрастанию негативных переживаний, истощению ресурсов человека.

2) «Выстраивание» личностных смыслов в соответствии с целями, которые можно реализовать в новых условиях, вызывают принятие и позитивное отношение к изменениям. Этому способствуют творчество и приобретение полезных навыков.

3. Ключевыми факторами, которые определяют изменение восприятия и эффективное совладание с угрозой, являются: 1) понимание ситуации, чувство контроля над происходящим, прогнозирование событий – составляющие восприятия ситуации при достижении значимой, адекватной условиям и своим возможностям цели; 2) представления об изменчивости мира и гибкость (действий, перестройки программ поведения); 3) позитивная (пере)оценка ситуации и нахождение новых смыслов. Эти факторы связаны с положительными эмоциями, чувством прилива сил и повышением уровня витальности.

4. В данной работе процессы восприятия угрозы и совладания с ней представлены с применением системной динамики: как циклические (а не линейные). Это позволяет проанализировать и спрогнозировать развитие переживания угрозы при разных стратегиях реагирования, а также рассмотреть этот процесс систем-

но – как совокупность составляющих восприятия ситуации, их связей и динамических характеристик.

Заключение

Системно-динамическая модель, представленная в данной работе, является концептуальной и основывается на обобщении новых эмпирических данных о глобальной угрозе, а также на существующих подходах к совладанию с угрозой. В дальнейшем эта модель может быть проверена на основе эмпирических данных.

Полученная модель позволяет понять механизмы, причинно-следственные связи и факторы изменения восприятия ситуации. В опоре на это видится возможным создание динамической модели психологического консультирования людей, по-разному переживающих ситуацию глобальной угрозы.

Статья поступила в редакцию 28.08.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.
2. Битюцкая Е. В. Особенности когнитивного оценивания трудных жизненных ситуаций при разных уровнях тревожности // Личность в экстремальных условиях. Вып. 2: сборник научных трудов: в 2 ч. Ч. 2 / науч. ред. А. В. Серый, М. С. Яницкий; под общ. ред. А. А. Бучек, Ю. Ю. Неяскиной, М. А. Фризен. Петропавловск-Камчатский, 2012. С. 17–27.
3. Битюцкая Е. В., Базаров Т. Ю. Особенности восприятия жизненных событий людьми с разными предпочитаемыми стилями реагирования на изменения // Вопросы психологии. 2019. № 3. С. 94–106.
4. Битюцкая Е. В., Баханова Е. А., Корнеев А. А. Моделирование процесса совладания с трудной жизненной ситуацией // Национальный психологический журнал. 2015. № 2. С. 41–55.
5. Караяни А. Г. Психологическая реабилитация участников боевых действий (Психология боевого стресса и стресс-менеджмента): учебное пособие. М., 2018. 152 с.
6. Каталевский Д. Ю. Основы имитационного моделирования и системного анализа в управлении: учебное пособие. М., 2011. 304 с.
7. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Луковицкая Е. Г. Диагностика толерантности к неопределённости. Шкалы Д. Маклейна. М., 2016. 60 с.
8. Леонтьев Д. А., Сучков Д. Д. Постановка и достижение целей как фактор психологического благополучия // Психологические исследования: [сайт]. 2015. Т. 8. № 44. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n44/300-leontiev44.html> (дата обращения: 01.07.2020).
9. Нестик Т. А., Журавлёв А. Л. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 128–138.
10. Особенности воспринимаемой жизненной ситуации в период пандемии / Е. В. Битюцкая, А. А. Херувимова, Т. И. Мирзамедова, А. К. Скворцова, А. А. Спицына // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен / отв. ред. А. Л. Журавлёв, М. А. Холодная, П. А. Сабадош. М., 2020. С. 1043–1050.
11. Падун М. А., Котельникова А. В. Психическая травма и картина мира. Теория, эмпирия, практика. М., 2012. 206 с.

12. Рассказова Е. И. Апробация русскоязычной версии шкалы отказа и смены цели // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2018. № 2. С. 100–117.
13. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М., 1981. 215 с.
14. Смирнов С. Д. Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределённости // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 5–13.
15. Тхостов А. III., Рассказова Е. И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2. С. 70–89.
16. Шапкин С. А. Методика изучения стратегий адаптации человека к стрессогенным условиям профессиональной деятельности // Проблемность в профессиональной деятельности: теория и методы психологического анализа / отв. ред. Л. Г. Дикая. М., 1999. С. 132–165.
17. Anxious Uncertainty and Reactive Approach Motivation (RAM) / I. McGregor, K. Nash, N. Mann, C. E. Phills // Journal of Personality and Social Psychology. 2010. № 99 (1). P. 133–147.
18. Durodié B. Handling Uncertainty and Ambiguity in the COVID-19 Pandemic // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. № 12 (S1). P. 61–62.
19. Geninet I., Marchand A. La recherche de sens à la suite d'un événement traumatique // Santé mentale au Québec. 2007. Vol. 32 (2). P. 11–35.
20. Horesh D., Brown A. D. Traumatic Stress in the Age of COVID-19: A Call to Close Critical Gaps and Adapt to New Realities // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. № 12 (4). P. 331–335.
21. Janoff-Bulman R. Shattered assumption: Towards a new psychology of trauma. New York, 1992. 256 p.
22. Kato T. Development of the Coping Flexibility Scale: Evidence for the coping flexibility hypothesis // Journal of Counseling Psychology. 2012. Vol. 59 (2). P. 262–273.
23. Koltko-Rivera M. E. The psychology of worldviews // Review of General Psychology. 2004. Vol. 8. P. 3–58.
24. Miller S. M. Cognitive informational styles in the process of coping with threat and frustration // Advances Behaviour Research and Therapy. 1989. Vol. 11. P. 223–234.
25. Mullen B., Suls J. The effectiveness of attention and rejection as coping styles: A meta-analysis of temporal differences // Journal of Psychosomatic Research. 1982. № 26 (1). P. 43–49.
26. Park C. L., George L. S. Lab- and Field-Based Approaches to Meaning Threats and Restoration: Convergences and Divergences // Review of General Psychology. 2018. Vol. 22 (1). P. 73–84.
27. Pedrozo-Pupo J. C., Pedrozo-Cortés M. J., Campo-Arias A. Perceived stress associated with COVID-19 epidemic in Colombia: an online survey [Электронный ресурс] // Cadernos de Saude Publica. 2020. № 36 (5). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32490918> (дата обращения: 01.07.2020).
28. Prime H., Wade M., Browne D. T. Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic // American Psychologist. 2020. Vol. 75. No. 5. P. 631–643.
29. Proulx T., Heine S. J. Death and black diamonds: Meaning, mortality, and the meaning maintenance model // Psychological Inquiry. 2006. No. 17. P. 309–318.
30. Public responses to the novel 2019 coronavirus (2019-nCoV) in Japan: Mental health consequences and target populations / J. Shigemura, R. J. Ursano, J. C. Morganstein, M. Kurosawa, D. M. Benedek // Psychiatry Clinical Neurosciences. 2020. No. 74 (4). P. 281–282.
31. Reciprocal processes in trauma and coping: Bidirectional effects over a four-year period / T. Jenzer, S. N. Meisel, C. R. Colder, J. P. Read // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. № 12 (2). P. 207–218.
32. Rivera R. M., Carballea D. Coronavirus: A Trigger for OCD and Illness Anxiety Disorder? [Электронный ресурс] // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. 2020. № 12 (S1). URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32496094> (дата обращения: 01.07.2020).
33. Roth S., Cohen L. Approach, avoidance, and coping with stress // American Psychologist. 1986. № 41. P. 813–819.
34. Searching for the structure of coping: A review and critique of category systems for classifying ways of coping / E. A. Skinner, K. Edge, J. Altman, H. Sherwood // Psychological Bulletin. 2003. Vol. 129 (2). P. 216–269.
35. Takieddine H., Tabbah S. Al. Coronavirus Pandemic: Coping with the Psychological Outcomes, Mental Changes, and the “New Normal” During and After COVID-19 // Open Journal of Depress Anxiety. 2020. No. 2. P. 7–19.

36. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence / S. K. Brooks, R. K. Webster, L. E. Smith, L. Woodland, S. Wessely, N. Greenberg, G. J. Rubin // *The Lancet*. 2020. Vol. 395. Iss. 10227. P. 912–920.
37. Threat and defense: From anxiety to approach / E. Jonas, I. McGregor, J. Klackl, D. Agroskin, I. Fritsche, C. Holbrook, M. Quirin // *Advances in experimental social psychology*. Vol. 49 / ed. J. M. Olson, M. P. Zanna. San Diego, CA: Elsevier, 2014. P. 219–286.
38. Umucu E., Lee B. Examining the impact of COVID-19 on stress and coping strategies in individuals with disabilities and chronic conditions // *Rehabilitation Psychology*. 2020. Vol. 65 (3). P. 193–198.

REFERENCES

1. Andreeva G. M. [Image of the world and / or the real world?]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2013, no. 3, pp. 33–43.
2. Bityutskaya E. V. [Features of cognitive assessment of difficult life situations at different levels of anxiety]. In: Seryj A. V., Yanickij M. S., sc. ed. *Lichnost' v ekstremal'nykh usloviyakh*. Vyp. 2. Ch. 2 [Personality in extreme conditions. Vol. 2. Pt. 2]. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2012, pp. 17–27.
3. Bityutskaya E. V., Bazarov T. Yu. [Features of perception of life events by people with different preferred styles of reaction to the changes]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2019, no. 3, pp. 94–106.
4. Bityutskaya E. V., Bakhanova E. A., Korneev A. A. [Modeling the process of coping with a difficult life situation]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2015, no. 2, pp. 41–55.
5. Karayani A. G. *Psikhologicheskaya reabilitatsiya uchastnikov boevykh deystviy (Psikhologiya boevogo stressa i stress-menedzhmenta)* [Psychological rehabilitation of combat participants (Psychology of combat stress and stress management)]. Moscow, 2018. 152 p.
6. Katalevsky D. Yu. *Osnovy imitacionnogo modelirovaniya i sistemnogo analiza v upravlenii* [Fundamentals of simulation modeling and system analysis in management]. Moscow, 2011. 304 p.
7. Leont'ev D. A., Osin E. N., Lukovitskaya E. G. *Diagnostika tolerantnosti k neopredelyonnosti. Shkaly D. Maklejna* [Diagnostics of tolerance to uncertainty. D. McLane Scales]. Moscow, 2016. 60 p.
8. Leont'ev D. A., Suchkov D. D. [Setting and achieving goals as a factor of psychological well-being]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2015, vol. 8, no. 44. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n44/300-leontiev44.html> (accessed: 07.01.2020).
9. Nestik T. A., Zhuravlev A. L. [Attitude to global risks: socio-psychological analysis]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2018, vol. 39, no. 1, pp. 128–138.
10. Bityutskaya E. V., Heruvimova A. A., Mirzamedova T. I., Skvorcova A. K., Spicyna A. A. [Features of the perceived life situation during the pandemic]. In: Zhuravlev A. L., Kholodnaya M. A., Sabadosh P. A., ex. eds. *Sposobnosti i mental'nye resursy cheloveka v mire global'nykh peremen* [Abilities and mental resources of a person in the world of global changes]. Moscow, 2020, pp. 1043–1050.
11. Padun M. A., Kotelnikova A. V. *Psichicheskaya travma i kartina mira. Teoriya, empiriya, praktika* [Mental trauma and the picture of the world. Theory, empiricism, practice]. Moscow, 2012. 206 p.
12. Rasskazova E. I. [Testing the Russian version of the scale of failure and goal change]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology], 2018, no. 2, pp. 100–117.
13. Simonov P. V. *Emotsional'nyi mozg* [Emotional brain]. Moscow, 1981. 215 p.
14. Smirnov S. D. [Predictive orientation of the world image as a basis for dynamic uncertainty control]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2016, vol. 37, no. 5, pp. 5–13.
15. Tkhostov A. Sh., Rasskazova E. I. [Psychological content of the alarm and prevention in the situation of infodemy: protection against coronavirus or “vicious circle” of anxiety?]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2020, vol. 28, no. 2, pp. 70–89.
16. Shapkin S. A. [Methodology for studying strategies of human adaptation to stressful conditions of professional activity]. In: Dikaya L. G., ex. ed. *Problemnost' v professional'noy deyatel'nosti: teoriya i metody psikhologicheskogo analiza* [Problems in professional activity: theory and methods of psychological analysis] Moscow, 1999, pp. 132–165.
17. McGregor I., Nash K., Mann N., Phillips C. E. Anxious Uncertainty and Reactive Approach Motivation (RAM). In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 2010, no. 99 (1), pp. 133–147.

18. Durodié B. Handling Uncertainty and Ambiguity in the COVID-19 Pandemic. In: *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020, no. 12 (S1), pp. 61–62.
19. Geninet I., Marchand A. La recherche de sens à la suite d'un événement traumatique. In: *Santementale au Quebec*, 2007, vol. 32 (2), pp. 11–35.
20. Horesh D., Brown A. D. Traumatic Stress in the Age of COVID-19: A Call to Close Critical Gaps and Adapt to New Realities. In: *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020, no. 12 (4), pp. 331–335.
21. Janoff-Bulman R. Shattered assumption: Towards a new psychology of trauma. New York, 1992. 256 p.
22. Kato T. Development of the Coping Flexibility Scale: Evidence for the coping flexibility hypothesis. In: *Journal of Counseling Psychology*, 2012, vol. 59 (2), pp. 262–273.
23. Koltko-Rivera M. E. The psychology of worldviews. In: *Review of General Psychology*, 2004, vol. 8, pp. 3–58.
24. Miller S. M. Cognitive informational styles in the process of coping with threat and frustration. In: *Advances Behaviour Research and Therapy*, 1989, vol. 11, pp. 223–234.
25. Mullen B., Suls J. The effectiveness of attention and rejection as coping styles: A meta-analysis of temporal differences. In: *Journal of Psychosomatic Research*, 1982, no. 26 (1), pp. 43–49.
26. Park C. L., George L. S. Lab- and Field-Based Approaches to Meaning Threats and Restoration: Convergences and Divergences. In: *Review of General Psychology*, 2018, vol. 22 (1), pp. 73–84.
27. Pedrozo-Pupo J. C., Pedrozo-Cortés M. J., Campo-Arias A. Perceived stress associated with COVID-19 epidemic in Colombia: an online survey. In: *Cadernos de Saude Publica*, 2020, no. 36 (5). Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32490918> (accessed: 01.07.2020).
28. Prime H., Wade M., Browne D. T. Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic. In: *American Psychologist*, 2020, vol. 75, no. 5, pp. 631–643.
29. Proulx T., Heine S. J. Death and black diamonds: Meaning, mortality, and the meaning maintenance model. In: *Psychological Inquiry*, 2006, no. 17, pp. 309–318.
30. Shigemura J., Ursano R. J., Morganstein J. C., Kurosawa M., Benedek D. M. Public responses to the novel 2019 coronavirus (2019-nCoV) in Japan: Mental health consequences and target populations. In: *Psychiatry Clinical Neurosciences*, 2020, no. 74 (4), pp. 281–282.
31. Jenzer T., Meisel S. N., Colder C. R., Read J. P. Reciprocal processes in trauma and coping: Bidirectional effects over a four-year period. In: *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020, vol. 12 (2), pp. 207–218.
32. Rivera R. M., Carballea D. Coronavirus: A Trigger for OCD and Illness Anxiety Disorder? In: *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020, no. 12 (S1). Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32496094> (accessed: 01.07.2020).
33. Roth S., Cohen L. Approach, avoidance, and coping with stress. In: *American Psychologist*, 1986, no. 41, pp. 813–819.
34. Skinner E. A., Edge K., Altman J., Sherwood H. Searching for the structure of coping: A review and critique of category systems for classifying ways of coping. In: *Psychological Bulletin*, 2003, vol. 129 (2), pp. 216–269.
35. Takieddine H., Tabbah S. Al. Coronavirus Pandemic: Coping with the Psychological Outcomes, Mental Changes, and the “New Normal” During and After COVID-19. In: *Open Journal of Depress Anxiety*, 2020, no. 2, pp. 7–19.
36. Brooks S. K., Webster R. K., Smith L. E., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. J. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. In: *The Lancet*, 2020, vol. 395, iss. 10227, pp. 912–920.
37. Jonas E., McGregor I., Klackl J., Agroskin D., Fritsche I., Holbrook C., Quirin M. Threat and defense: From anxiety to approach. In: Olson J. M., Zanna M. P., eds. *Advances in experimental social psychology*. Vol. 49. San Diego, CA, Elsevier, 2014, pp. 219–286.
38. Umucu E., Lee B. Examining the impact of COVID-19 on stress and coping strategies in individuals with disabilities and chronic conditions. In: *Rehabilitation Psychology*, 2020, vol. 65 (3), pp. 193–198.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00838 «Когнитивные, эмоциональные, поведенческие составляющие образа трудной жизненной ситуации».

Выражаем благодарность профессору МГУ имени М. В. Ломоносова Д. Н. Кавтарадзе за обсуждение возможностей метода системной динамики для моделирования психологических процессов и M.Sc. in System Dynamics (магистру системной динамики) Е. А. Бахановой за ценные рекомендации при разработке настоящей модели.

ACKNOWLEDGEMENTS

The reported study was funded by RFBR, project number 20-013-00838 "Cognitive, emotional, behavioral components of the image of a difficult life situation".

I express my gratitude to D. N. Kavtaradze, Professor of Lomonosov Moscow State University for discussing the possibilities of the method of system dynamics for modeling psychological processes and to E. A. Bakhanova, M.Sc. in System Dynamics for valuable recommendations in the development of this model.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Битюцкая Екатерина Владиславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: bityutskaya_ew@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina V. Bityutskaya – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of General Psychology, Faculty of Psychology; Lomonosov Moscow State University;
e-mail: bityutskaya_ew@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Битюцкая Е. В. Смысл угрозы и угроза смыслу: моделирование восприятия ситуации пандемии COVID-19 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 21–39.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-21-39

FOR CITATION

Bityutskaya E. V. Meaning of threat and threat to meaning: modeling the perception of the pandemic COVID-19 Situation. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 21–39.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-21-39

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-40-50

ОНТОГЕНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ РЕФЛЕКСИИ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ

Каяшева О. И.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Выявление предпосылок и специфики развития рефлексии в онтогенезе человека.

Процедура и методы. Применялись теоретические методы исследования. На основе теоретического анализа работ отечественных и зарубежных авторов по проблеме рефлексии определены её предпосылки в довербальный период, в период дошкольного детства и характеристики рефлексии на следующих возрастных этапах.

Результаты. Выявлены предпосылки развития рефлексии; отмечено, что в младшем школьном возрасте актуализируются познавательный и коммуникативный типы рефлексии, в подростковом и юношеском – личностная рефлексия. Период зрелости характеризуется актуализацией различных типов и видов рефлексии в жизнедеятельности субъекта.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье предложен краткий анализ предпосылок и особенностей развития рефлексии на различных возрастных этапах до периода поздней зрелости.

Ключевые слова: самосознание, рефлексия, самопознание, самопонимание, возрастное развитие, онтогенез

ONTOGENETIC ASPECTS OF HUMAN REFLECTION DEVELOPMENT: THEORETICAL ANALYSIS OF THE PROBLEM

O. Kayasheva*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To identify the prerequisites and specifics of the reflection development in human ontogenesis.

Methodology. Theoretical research methods were used. Based on the theoretical analysis of the works of domestic and foreign authors on the problem of reflection, its prerequisites in the pre-verbal period, during preschool childhood and the characteristics of reflection at the following age stages are determined.

Results. Prerequisites for the reflection development are singled out; cognitive and communicative reflection is noted to actualize at junior school age, while personal reflection – at teen-age. The period of maturity is characterized by the actualization of various types and kinds of reflection in the subject's vital activity.

Research implications. The article offers a brief analysis of the prerequisites and features of the reflection development at various age stages up to the period of late maturity.

Keywords: self-awareness, reflection, self-knowledge, self-understanding, age development, ontogenesis

Введение

Научные основы изучения рефлексии в отечественной психологии были заложены Л. С. Выготским, в зарубежной психологии – Д. Дьюи и А. Бузманом [1; 14]. Первоначально категория рефлексии разрабатывалась в рамках исследований мышления и интеллекта (Ж. Пиаже, С. Л. Рубинштейн, М. А. Холодная и др. [13; 17; 22]), затем оформилась как вполне самостоятельный научный предмет. Единого определения рефлексии в настоящее время не существует, что объясняется различием теоретико-методологических подходов, направленностью исследований на определённые возрастные этапы и др. Рефлексия понимается в различных контекстах: как субъективная, генетически поздняя форма существования психического [13], как психологический ресурс саморазвития личности [8], как категория метапроцессов [6] и др.

Рефлексия человека изучается в социальных и естественных науках, данный феномен позволяет выйти за границы субъективных представлений и обратиться к самоанализу и познанию мира, к выявлению значимого скрытого контекста. Рефлексия в зарубежных исследованиях представляется как многозначный термин, понимается как интеллектуальная составляющая, необходимая для выполнения сложных задач, как способность человека и др. Особое значение в психологических исследованиях приобретают рефлексия, непосредственно связанная с самим субъектом, его переживаниями, ощущениями, и рефлексия, направленная на объект, на его познание [21]. В зарубежной психологии, как и в отечественной, актуальны междисциплинарные тенденции исследования рефлексии. Математическая модель рефлексии В. Лефевра была привнесена в психологию, социологию и другие науки [10].

Качественное содержание рефлексии определяется её формой, типом, видом и возрастано-психологическими характери-

стиками самого человека. Развитие рефлексии представляет собой длительный и непрерывный процесс. Рефлексия выполняет важную регулирующую функцию, способствуя познанию и пониманию своего внутреннего психического мира, других людей и сложного окружающего мира. Функции рефлексии – проектирование и моделирование – обеспечивают успешную учебную и профессиональную деятельность человека; смыслотворческая функция рефлексии позволяет решать сложные экзистенциальные вопросы. Рефлексия нужна субъекту для самоанализа, самооценки, самоидентификации, осуществления самокритики и т. д., что необходимо для осуществления эффективной жизнедеятельности человека [6; 7; 14].

Онтогенетические аспекты становления рефлексии остаются недостаточно изученными в психологической науке, основное внимание обращается на отдельные возрастные этапы, прежде всего младший школьный, подростковый и юношеский возраст. Сложности представляет определение самой категории рефлексии и различных контекстов её изучения – в сфере самосознания и деятельности личности. Рефлексия проходит через ряд этапов, связанных со сложными качественными изменениями во всех психических сферах человека. Рефлексия отличается спецификой, обусловленной возрастной сензитивностью, социальной ситуацией развития, ведущей деятельностью и уровнями развития психических функций [5]. Возрастные этапы, через которые проходит человек, характеризуются преобладанием различных типов и видов рефлексии, при этом возрастные кризисы становятся узловыми моментами, определяющими дальнейшее развитие рефлексии [5].

Мы полагаем, что необходимо дополнительное теоретическое исследование проблемы рефлексии относительно предпосылок и специфики её развития на всех этапах онтогенеза человека, что опреде-

лило **цель** нашего исследования. **Задачи** исследования: выявление предпосылок развития рефлексии в пренатальном периоде, младенческом, раннем и дошкольном возрасте; определение особенностей развития рефлексии в младшем школьном, подростковом и юношеском возрасте и в период зрелости. Для достижения обозначенной цели и решения поставленных задач нами применялись **теоретические методы** – анализ, сравнение и обобщение исследований отечественных и зарубежных авторов по проблеме рефлексии. Основным методом стал теоретический анализ, необходимый для определения актуальности изучаемой проблемы, её разработанности в отечественной и зарубежной психологии и дальнейших перспектив изучения.

Процедура исследования. Исследование проводилось в три этапа. На первом этапе использовался теоретический анализ научных трудов представителей отечественной и зарубежной психологии по проблеме рефлексии, проводились обобщение и сравнение теоретических концепций и методологической практики, которые позволили нам выявить основные направления изучения проблемы рефлексии. На втором этапе на основе теоретического анализа выявлены основные предпосылки развития рефлексии в пренатальном, младенческом, раннем и дошкольном возрасте. На третьем этапе проведён теоретический анализ онтогенетических аспектов развития рефлексии от младшего школьного возраста до поздней зрелости, подведены основные выводы и определены дальнейшие перспективы исследования проблемы рефлексии.

Научная новизна исследования состоит в том, что ранее не изучался пренатальный период как один из периодов становления предпосылок развития рефлексии человека, были проанализированы основные онтогенетические аспекты развития рефлексии на всех возрастных этапах. Обращено внимание на значение

поздней зрелости как периода глубинных качественных изменений рефлексии в её экзистенциальных и духовных аспектах.

Рефлексия в данном исследовании понимается как сложный многокомпонентный психологический феномен, претерпевающий сложные качественные изменения на каждом возрастном этапе развития в зависимости от решаемых субъектом внутренних (самопознание, самопонимание и др.) или внешних задач (в учебной, профессиональной деятельности и др.).

Результаты исследования

1. Предпосылки развития рефлексии. Первичные формы рефлексивного сознания мало исследованы и относятся к довербальному периоду психического развития человека. Предпосылки рефлексии закладываются до возникновения первых форм самосознания человека [5] и связаны с телесным опытом индивида [12; 16].

Можно предположить, что предпосылки рефлексии закладываются ещё в период пренатального развития. В связи со спецификой пренатального периода, высокой уязвимостью плода и влиянием данного периода на дальнейшее становление личности его считают кризисным [11]. Сложность изучения психического развития пренейта способствует выходу данной проблемы в контекст философских и этических изысканий.

На двадцать девятой неделе у пренейта, уже характеризующегося высокой активностью, отмечается способность к дифференциации и запоминанию информации, которую он получает извне [3]. Организм матери является средой для развития ребёнка, поступающие из внешнего мира стимулы опосредуются её организмом. Шестимесячный плод предпочитает другим звукам человеческую речь, в дальнейшем слово окажет особое значение при построении внутреннего мира ребёнка и осуществлении сложных когнитивных изменений [15]. Высокая сензитивность к речи отмечается в мла-

денческом и раннем возрасте. Выявлена преемственность между нейробиологическими характеристиками плода и психологическими характеристиками ребёнка в дальнейшем (темпераментом, поведенческими проблемами, просоциальным поведением и др.) [19].

Пренейт располагает всем необходимым человеческим потенциалом, и, предположительно, зарождение рефлексии происходит ещё в пренатальный период. Пренейт получает свой первый субъективный чувственный опыт, который станет основой для становления личности [11]. Пренатальное воздействие неблагоприятной среды оказывает влияние на развитие плода посредством физиологических внутриутробных механизмов. Отмечается высокая чувствительность пренейта к состоянию матери. Депрессия, тревога, состояние хронического стресса приводят к гормональным изменениям в организме женщины и, соответственно, в организме плода [18; 19].

Телесный опыт является определяющей предпосылкой для дальнейшего развития рефлексии. Благодаря телесному опыту становится возможным психическое развитие ребёнка [12; 16]. Телесность «лежит в основе ментальной презентации пространства и времени» [12, с. 5], являющейся «базисом наивысших проявлений субъектности» [12, с. 6]. Телесный опыт освоения знаний присутствует у человека на всех возрастных этапах [12] и позволяет отделить себя от окружающего мира, от других людей, почувствовать собственные границы. Первый опыт взаимодействия со своим телом приходится на пренатальный период, который может дополняться уникальным опытом тактильного взаимодействия со своим близнецом.

В младенческом и раннем возрасте телесный опыт является во многом определяющим и связанным с взаимодействием со значимыми взрослыми. Первая связь устанавливается у значимого взрослого с новорождённым, с которым постепенно формируется определённое рефлексив-

ное поведение [5]. Комплекс оживления становится показателем устанавливающейся эмоциональной связи ребёнка с родителем. Возникшая общность ребёнка и матери как новообразование младенчества выступает предпосылкой для дальнейшего самопознания личности [1; 11]. Привязанность важна для дальнейшего психического развития ребёнка. В постнатальном периоде развитие ребёнка обусловлено влиянием типа родительского поведения и особенностями ухода [18]. Появление ходьбы в конце первого года жизни способствует расширению возможностей ребёнка в познании окружающего мира и началу психологического отделения от матери.

Непрерывность и взаимообусловленность вербального и невербального развития отмечаются в период младенчества и в раннем детстве. Осознание себя представляет постепенный процесс. Речевой взрыв, наблюдаемый у детей на втором году жизни, показывает переход ребёнка от довербального уровня к вербальному и подчёркивает взаимосвязь когнитивного и речевого развития [15], становится основой для самопознания личности.

Активное познание окружающего мира происходит в раннем возрасте через предметную деятельность, появившиеся первые примитивные игры позволяют ребёнку перейти к другим видам игры, включая сюжетно-ролевую игру в дошкольном возрасте. Ребёнок научается сравнивать свои действия с действиями взрослого человека, подражание необходимо для активного когнитивного, эмоционального и двигательного развития ребёнка. Наглядно-действенное мышление раннего возраста способствует развитию в дошкольном возрасте наглядно-образного мышления, предполагающего наличие внутреннего плана действия, оперирования образами, и словесно-логического мышления на последующем возрастном этапе [5; 20].

Первичное выделение ребёнком себя из мира происходит ещё на уровне пред-

сознания. Дифференциация Я от не-Я и понимание существования другого представляет собой сложный процесс. Совместное бытие ребёнка со взрослым в период детства способствует возникновению уникального пространства, пригодного для освоения культурной формы, т. е. ребёнок приобретает способность к рефлексии, способность быть предметом мысли и деятельности [5].

Рефлексивная деятельность появляется к концу раннего возраста и связана с прохождением ребёнком кризиса трёх лет. Осознание себя как субъекта деятельности и расширение сферы своей активности способствуют становлению у ребёнка рефлексии. В раннем возрасте остаются недоступными важные аспекты рефлексии – способность к адекватной самооценке, самокритике, самоанализу и др. [5; 20]. Рост самостоятельности и независимости от взрослого помогает развитию способности к саморефлексии ребёнка.

Дошкольный возраст характеризуется появлением творческого воображения и сюжетно-ролевой игры, необходимых для становления рефлексии ребёнка. В игре ребёнок познаёт себя и мир во всех его проявлениях, познаёт границы возможного и невозможного, социально приемлемого и неприемлемого. Сформировавшаяся иерархия мотивов лежит в основе первых волевых действий ребёнка. Становится доступной произвольная регуляция психических процессов и двигательной сферы [1; 20]. Уровень когнитивного развития ребёнка в старшем дошкольном возрасте раскрывает возможности для рефлексивного мышления, осознания своих действий и развития самоконтроля. К концу дошкольного возраста у ребёнка формируются все предпосылки для познавательной рефлексии, необходимой для успешного обучения в школе, а также формируются способности к решению поставленных учебных задач [2; 13; 20].

2. Онтогенез рефлексии в младшем школьном, подростковом и юношеском

возрасте. Согласно В. В. Давыдову, рефлексия может пониматься как важный компонент теоретического мышления и предполагает обращение ребёнка к собственному способу действия и выявление его оснований [2]. Развитие рефлексии происходит в учебной деятельности и зависит от методики обучения, организации учебного сотрудничества детей в процессе общения, психологических особенностей обучающихся и других факторов.

Рефлексия, направленная на внешний мир и его познание (т. е. интеллектуальная рефлексия), становится возрастным новообразованием в младшем школьном возрасте [2]. Интеллектуальная рефлексия способствует произвольной регуляции человеком своей умственной деятельности, выражается в её контроле и поиске адекватных ситуации стратегий переработки информации, в планировании дальнейших действий [2; 17]. Рефлексия позволяет критично оценивать свои мыслительные действия, выявлять ошибки и находить решения задач. Младший школьник способен оценивать свою деятельность и соотносить успехи в обучении с результатами других детей, отмечается способность к самоанализу.

Рефлексия является основой теоретического мышления младшего школьника, отмечаются уровни рефлексии – формальная, содержательная и смешанная (неустойчивая) рефлексия. Ученики с формальным уровнем рефлексии составляют большинство учеников с первого по четвёртый классы, для них характерны эмпирическое мышление и опора на внешние, несущественные условия задачи. Содержательная рефлексия (опора на обобщённые, внеситуативные ориентиры, на рассуждения и размышления, нахождение общего принципа решения задачи и пр.) наименее представлена во всех группах детей с первого по четвёртый классы, что связано со стихийностью формирования содержательной рефлексии в школе и отсутствием необходимых

условий. К четвёртому классу только 25% учащихся достигают уровня содержательной рефлексии, у 12,5% школьников рефлексия отсутствует [4].

Сотрудничество как совместная деятельность ребёнка с другими участниками образовательного процесса способствует развитию не только познавательной рефлексии, но и коммуникативной рефлексии. Основы коммуникативной рефлексии (или межличностной рефлексии) возможно развивать у ребёнка в период дошкольного детства в игровой деятельности; образцы для взаимодействия с другими людьми дошкольнику предлагают значимые взрослые и другие дети. В младшем школьном возрасте коммуникативная рефлексия связана со способностью понимать ситуации межличностного общения, давать оценку себе и другим людям в межличностном общении. Коммуникативная рефлексия необходима не только для познания, но и для регуляции поведения и развития младшего школьника.

Ряд исследователей предполагает, что подростковый возраст является сензитивным периодом для становления личностной рефлексии (Г. Г. Кравцов, О. И. Каяшева и др.), другие же отмечают, что юность показывает себя как наиболее благоприятный возраст (И. Н. Семенов, М. Ю. Двоглазова и др.) [7; 14]. Личностная рефлексия, в отличие от интеллектуальной, направлена на самого человека, на его самопознание и способствует самопониманию, адекватной самооценке и принятию необходимых решений по саморазвитию и коррекции имеющихся психологических проблем. На специально организованных тренингах и занятиях спортивного типа возможно целенаправленное развитие личностной рефлексии у обучающихся подросткового возраста [7; 14].

В период пубертата возможно проявление неконструктивной рефлексии, что связано с различными факторами: с негативными семейными установка-

ми, с индивидуально-психологическими особенностями подростка, трудными ситуациями в школе [7] и др. Аналогию можно провести с типом рефлексивного отношения – интроспекцией, характеризующейся чрезмерной сосредоточенностью человека на своём состоянии, переживаниях, и квазирефлексией (второй тип рефлексивного отношения), которая может иметь негативные последствия в связи с уходом человека от реальной жизненной ситуации в неактуальные, посторонние размышления [9].

В юношеском возрасте (соотносящемся со «студенческим возрастом») человек проходит сложный кризис индивидуализации. Личностная и интеллектуальная рефлексии необходимы для обеспечения дальнейшей индивидуализации и профессиональной успешности в выбранной деятельности. Личностная рефлексия обуславливает активное исследование человеком самого себя, что в полной мере проявляется, в том числе, в проблемных учебных ситуациях, в которых обучающийся принимает решения и осознаёт ответственность за них как будущий профессионал. Развитие личностной рефлексии обеспечивает снижение внутренней конфликтности личности и способствует её интеграции. Интеллектуальная рефлексия дополняет личностную рефлексия и предполагает осмысление человеком проблемной ситуации и осуществление операциональных преобразований, зависящих от содержания задачи. Повышение продуктивности мышления будущего профессионала происходит за счёт активизации интеллектуальной и личностной рефлексии [5; 7; 17].

Студенческий возраст является сензитивным периодом для становления экзистенциальной рефлексии, характеризующейся поиском и нахождением смысла жизни. Экзистенциальная активность личности непосредственно связана с феноменом экзистенциальной рефлексии, способствующей в ситуации жизненного кризиса не только осмыслению, но и пе-

реосмыслению экзистенциального опыта и открытию экзистенциальных смыслов. Студенческий возраст стал плодотворным для исследования различных видов и типов рефлексии. Среди них отметим профессиональную рефлексию в связи с освоением обучающимися новой для них жизненной сферы, необходимым для успешного перехода во взрослую жизнь [5; 7; 14]. Непосредственное влияние на профессиональное становление оказывает системная рефлексия, позволяющая выйти за пределы конкретной ситуации и, используя механизм диссоциации, увидеть со стороны всех участников взаимодействия и выявить основные причины возникновения противоречий. Саморефлексивная деятельность человека способствует развитию его самосознания и необходимых навыков в профессиональной практике [7; 22].

Открытым остаётся вопрос арефлексии (отсутствия необходимого самоконтроля и сосредоточенности на внешнем интенциональном объекте деятельности [9]) в юношеском и на более поздних возрастных этапах. Обусловленное внешними обстоятельствами поведение и импульсивность осложняют процесс профессиональной подготовки и повышают риски социально-психологической дезадаптации человека в трудных жизненных ситуациях. Необходимость развития рефлексии в данном контексте является очевидной.

3. Рефлексия в зрелом возрасте.

Рефлексия в период зрелости менее изучена, чем в других возрастах. В зрелости возрастают социальные требования к человеку в различных сферах деятельности и его успешность во многом связана с уровнем развития различных видов и типов рефлексии. Для субъекта остаются важными ранее описанные нами типы рефлексии: интеллектуальная, личностная и коммуникативная. Особое место занимает экзистенциальная рефлексия, поскольку период зрелости сопряжён со сложными кризисами, связанными с из-

менениями представлений о самом себе, других людях, мире, с появлением новых глубинных смыслов жизни, нового отношения к смерти, к своему бытию и т. д.

Кооперативная рефлексия (необходима для проектирования совместной деятельности субъектов и осуществления их совместных действий) в зрелом возрасте позволяет выйти за пределы конкретной ситуации и занять объективную позицию по отношению к уже выполненным деятельности и к новым проектируемым [6; 14]. Данный тип рефлексии актуален для управленческой деятельности и всех видов деятельности, где необходимы проектирование и ориентация на конкретный результат осуществляемой деятельности (спорт и др.).

Учитывая высокий уровень активности субъекта в период зрелости, необходимо обратить внимание на профессиональную рефлексию, которая позволяет соотносить возможности человека с требованиями профессии, ставить ему перед собой реалистичные цели и задачи, планировать деятельность и получать желаемый профессиональный результат [7; 11]. Рефлексия человеком собственных личностных характеристик влияет на выполняемую им профессиональную деятельность, позволяет корректировать взаимодействие с другими людьми. В профессиональной деятельности изучается феномен педагогической рефлексии, способствующий повышению качества обучения, управлению и контролю над педагогическим процессом, эффективно-му подбору необходимых методов, техник и приёмов обучения с учётом психологических особенностей учеников или студентов и т. д.

М. В. Клементьева описала феномен биографической рефлексии в связи с саморазвитием личности, понимаемой как «рефлексия, направленная на осмысление и самоанализ индивидуальной жизни человека» [8, с. 14]. Данная рефлексия решает задачи, связанные с периодом зрелости, способствует осознанию

себя как взрослого человека и собственного бытия, выбору жизненных целей и обретению новых смыслов, успешному преодолению различных кризисов. От 25 до 45 лет данная рефлексия выступает средством саморегуляции личности и её борьбы с онтологической тревогой, после 45 лет – психологическим ресурсом, необходимым для смыслообразования. Жизненный опыт человека – основа для обретения мудрости в период поздней зрелости, и биографическая рефлексия является необходимым психологическим ресурсом для экзистенциально-личностного развития человека [8]. Исследуются виды рефлексии по «временному» принципу, близкие биографической рефлексии: ситуативная, ретроспективная (анализ и оценка прошлого) и перспективная (анализ, оценка, планирование и конструирование предстоящей деятельности) рефлексии [6].

На поздних этапах онтогенеза продолжается развитие субъектности человека, что включает в себя и развитие экзистенциальной рефлексии, которая приобретает особое содержание, связанное с раскрытием глубинных смыслов относительно собственной прожитой жизни, значения жизни и смерти как взаимодополняющих и взаимозависимых явлений бытия, места различных событий в своей жизни и др. Безусловно, необходимы дополнительное исследование особенностей рефлексии в период поздней зрелости, выявление качественных изменений личностной, межличностной, интеллектуальной и других типов и видов рефлексии. Помимо этого необходимо обратить внимание на духовный тип рефлексии [14], который, как и экзистенциальная рефлексия, способствует интеграции личности в период сложных необратимых психофизиологических изменений.

Заключение

Отмечаются следующие контексты понимания рефлексии: как особого метапроцесса, интегрирующего все сферы

личности; как компонента самосознания; как деятельности; как компонента мышления; как способности человека; как психологического ресурса личности (ресурс саморазвития, творческий ресурс и т. д.) и др. Существуют различные классификации рефлексии. По типам рефлексии условно разделяют на личностную, коммуникативную (межличностную), кооперативную, интеллектуальную, дополнительно в исследованиях изучаются экзистенциальная, духовная, саногенная и другие типы рефлексии. Виды рефлексии различают по «временному» принципу, по сферам деятельности человека и т. д.

Первые предпосылки развития рефлексии появляются в период пренатального развития и определяются полученным телесным опытом пренейта, спецификой его взаимодействия с матерью и её психоэмоциональным состоянием в течение беременности. Овладение собственным телом в условиях постнатального периода позволяет получить новый опыт и построить новую систему отношений со значимым взрослым. Появление возможностей самостоятельного передвижения преобразует социальную ситуацию развития ребёнка, расширяет возможности для дальнейшего развития рефлексии.

Возникновение речи и самосознания к концу раннего детства способствует развитию рефлексии ребёнка. Благоприятная среда, в которой оказался ребёнок, обуславливает принятие самого себя и возникновение сотрудничества со значимым взрослым, что активизирует развитие рефлексии. Отдельные аспекты рефлексии становятся доступными для ребёнка с конца дошкольного детства.

В младшем школьном возрасте требуются познавательная и коммуникативная рефлексии, необходимые для успешного овладения ребёнком учебной деятельностью и сотрудничества с одноклассниками и педагогами. В подростковом и юношеском возрасте ведущая роль принадлежит личностной рефлексии, способствующей интеграции лич-

ности, самопознанию и пониманию себя посредством взаимодействия с другими людьми, в том числе, в трудных жизненных ситуациях. В данных возрастах необходимо обращать внимание на уровни развития типов рефлексии в связи с их ролью в жизнедеятельности человека.

В период зрелости, помимо ранее актуализированных типов рефлексии, важную роль играют экзистенциальная, кооперативная и профессиональная рефлексии. В отдельных исследованиях обращено внимание на биографическую рефлексию, направленную на решение задач периода зрелости и тесно связанную с видами рефлексии по «временному» принципу.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в изучении особенностей развития рефлексии в период зрелости по причине высокой социальной активности субъекта в данный период и важности результатов его деятельности в различных сферах жизнеосуществления. Недостаточно изучена рефлексия поздней зрелости, понимаемой в ряде исследований как «период регресса» личности, но, с нашей точки зрения, как период сложных рефлексивных перестроек и ориентации личности на экзистенциально-значимые и духовные аспекты бытия.

Статья поступила в редакцию 24.08.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. М., 2018. 224 с.
2. Давыдов В. В. Психологическая теория учебной деятельности и методов начального обучения, основанных на содержательном обобщении. Томск, 1992. 114 с.
3. Добряков И. В. Перинатальная психология. СПб., 2015. 352 с.
4. Долинская Т. И. Развитие рефлексии мышления младших школьников // Мир науки. 2017. Т. 5. № 6.
5. Дорофеева Н. В. Онтогенетические особенности рефлексивного развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. 2008. Вып. 2. С. 228–238.
6. Карпов А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М., 2004. 424 с.
7. Каяшева О. И. Развитие личностной рефлексии клиентов в процессе психологического консультирования и психокоррекции. СПб., 2015. 273 с.
8. Климентьева М. В. Биографическая рефлексия как ресурс саморазвития взрослых людей // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12. № 1. С. 14–23.
9. Леонтьев Д. А., Осин Е. Н. Рефлексия «хорошая» и «дурная»: От объяснительной модели к дифференциальной диагностике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
10. Лефевр В. Рефлексия. М., 2003. 496 с.
11. Петросьян С. Н. Пренатальный и перинатальный периоды развития ребёнка как кризисный этап становления личности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2016. № 3 (183). С. 114–122.
12. Ребеко Т. А. Телесный опыт в структуре индивидуального знания. М., 2015. 271 с.
13. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб., 2019. 713 с.
14. Семенов И. Н. Теоретические основы изучения роли рефлексии в процессах самости в трансдисциплинарном контексте человекознания // Мир психологии. 2018. № 3 (95). С. 7–24.
15. Сергиенко Е. А. Становление сознания: эволюционные и онтогенетические перспективы // Мир психологии. 2018. № 2 (94). С. 89–103.
16. Тхостов А. Ш. Психология телесности. М., 2002. 287 с.
17. Холодная М. А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2019. 334 с.
18. Bleker L. S., Rooij S. R. de, Roseboom T. J. Prenatal Psychological Stress Exposure and Neurodevelopment and Health of Children [Электронный ресурс] // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2019. № 16 (19). URL: <https://read.qxmd.com/read/31569453/prenatal-psychological-stress-exposure-and-neurodevelopment-and-health-of-children> (дата обращения: 01.08.2020).

19. Predicting child temperament and behavior from the fetus / J. A. Dipietro, K. Voegtline, K. P. Heather, K. A. Costigan // *Development and Psychopathology*. 2018. № 30 (03). P. 855–870.
20. Leontiev A. N. Mental Development in Early Childhood // *Культурно-историческая психология*. 2020. Vol. 16. № 2. P. 118–124.
21. Marsico G., Ruggieri R.A., Salvatore S. Reflexivity and Psychology. Yearbook of Idiographic Science Series Vol. 6. Charlotte NC: InfoAge Publishi, 2015. 395 p.
22. Piaget J. *Studies in Reflecting Abstraction*. New York, 2001. 341 p.

REFERENCES

1. Vygotsky L. S. *Voprosy detskoj psikhologii* [Issues of child psychology]. Moscow, 2018. 224 p.
2. Davydov V. V. *Psikhologicheskaya teoriya uchebnoi deyatel'nosti i metodov nachal'nogo obucheniya, osnovannykh na sodержatel'nom obobshchenii* [Psychological theory of learning activities and methods of primary education based on meaningful generalization]. Tomsk, 1992. 114 p.
3. Dobryakov I. V. *Perinatal'naya psikhologiya* [Perinatal psychology]. St. Petersburg, 2015. 352 p.
4. Dolinskaya T. I. [Development of reflection of thinking in younger students]. In: *Mir nauki* [The world of science], 2017, vol. 5, no. 6.
5. Dorofeeva N. V. [Ontogenetic features of reflexive development]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12* [Bulletin of Saint Petersburg University. Series 12], 2008, no. 2, pp. 228–238.
6. Karpov A. V. *Psikhologiya refleksivnykh mekhanizmov deyatel'nosti* [Psychology of reflexive mechanisms of activity]. Moscow, 2004. 424 p.
7. Kayasheva O. I. *Razvitie lichnostnoi refleksii klientov v protsesse psikhologicheskogo konsul'tirovaniya i psikhokorreksii* [Development of personal reflection of clients in the process of psychological counseling and psycho-correction]. St. Petersburg, 2015. 273 p.
8. Kliment'eva M. V. [Biographical reflection as a resource for self-development of adults]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology], 2016, vol. 12, no. 1, pp. 14–23.
9. Leont'ev D. A., Osin E. N. ["Good" and "bad" reflection. From an explanatory model to differential diagnosis]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 2014, vol. 11, no. 4, pp. 110–135.
10. Lefebvre V. *Refleksiya* [Reflection]. Moscow, 2003. 496 p.
11. Petros'yan S. N. [Prenatal and perinatal periods of a child]. In: *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 3: Pedagogy and Psychology], 2016, no. 3 (183), pp. 114–122.
12. Rebeko T. A. *Telesnyi opyt v strukture individual'nogo znaniya* [Body experience in the structure of individual knowledge]. Moscow, 2015. 271 p.
13. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of General psychology]. St. Petersburg, 2019. 713 p.
14. Semenov I. N. [Theoretical Foundations of Studying the Role of Reflection in the Processes of the Self in the Trans-disciplinary Context of Human Science]. In: *Mir psikhologii* [The world of psychology], 2018, no. 3 (95), pp. 7–24.
15. Sergienko E. A. [The formation of consciousness: evolutionary and ontogenetic perspectives]. In: *Mir psikhologii* [The world of psychology], 2018, no. 2 (94), pp. 89–103.
16. Tkhostov A. Sh. *Psikhologiya telesnosti* [The psychology of physicality]. Moscow, 2002. 287 p.
17. Kholodnaya M. A. *Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya* [The psychology of intelligence. Research paradoxes]. Moscow, 2019. 334 p.
18. Bleker L. S., Rooij S. R. de, Roseboom T. J. Prenatal Psychological Stress Exposure and Neurodevelopment and Health of Children. In: *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2019, no. 16 (19). Available at: <https://read.qxmd.com/read/31569453/prenatal-psychological-stress-exposure-and-neurodevelopment-and-health-of-children> (accessed: 01.08.2020).
19. Dipietro J. A., Voegtline K., Heather K. P., Costigan K. A. Predicting child temperament and behavior from the fetus. In: *Development and Psychopathology*, 2018, no. 30 (03), pp. 855–870.
20. Leontiev A. N. Mental Development in Early Childhood. In: *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-Historical Psychology], 2020, vol. 16, no. 2, pp. 118–124.
21. Marsico G., Ruggieri R.A., Salvatore S. Reflexivity and Psychology. Yearbook of Idiographic Science Series Vol. 6. Charlotte NC: InfoAge Publishi, 2015. 395 p.
22. Piaget J. *Studies in Reflecting Abstraction*. New York, 2001. 341 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Каяшева Ольга Игоревна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологического консультирования Московского государственного областного университета;
e-mail: art1230@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Kayasheva – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., the Department of psychological counseling, Moscow Region State University;
e-mail: art1230@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Каяшева О. И. Онтогенетические аспекты развития рефлексии человека: теоретический анализ проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 40–50.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-40-50

FOR CITATION

Kayasheva O. I. Ontogenetic aspects of human reflection development: theoretical analysis of the problem. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 40–50.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-40-50

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-51-62

АНАЛИЗ СВЯЗИ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ

Мишина М. М., Сложеникина Т. П.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Исследование посвящено психологическому благополучию государственных служащих как малоизученному явлению.

Цель. Изучение взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей государственных служащих различных должностей.

Процедура и методы. В статье рассматривается связь показателей индивидуально-психологических особенностей государственных гражданских служащих, проанализированная с помощью опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф (в адаптации Т. Д. Шевеленковой, Т. П. Фесенко). Исследована оценка собственного благополучия государственными гражданскими служащими с помощью линейной корреляции Спирмена по показателям: автономность, компетентность, позитивные отношения, жизненные цели, самопринятие, личностный рост. Дана оценка различий индивидуально-психологических особенностей государственных служащих, занимающих разные должности, которая проанализирована с помощью однофакторного дисперсионного анализа и апостериорного сравнения по методу LSD.

Результаты. Анализ связи показателей индивидуально-психологических особенностей государственных служащих при помощи линейной корреляции Спирмена выявил взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей государственных служащих различных должностей (старший государственный таможенный инспектор, главный государственный таможенный инспектор, начальник отдела / отделения, заместители начальника отдела). Исследовалась связь показателей индивидуально-психологических особенностей государственных служащих: позитивные отношения с другими, принятие себя (оценка собственной жизни), автономия (ориентир на собственные убеждения), компетентность (понимание смысла событий, дающее возможность для контроля окружающей среды, связанная со способностью управлять своей жизнью), цели, личностный рост и самореализация. Связь показателей индивидуально-психологических особенностей государственных служащих определила, что их субъектная позиция меняется в зависимости от должности, что оказывает влияние на психологическое благополучие, которое зависит от опыта, компетентности, личностного развития.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты анализа психологического благополучия могут быть использованы для своевременной диагностики профессионального выгорания государственных служащих. Разработка программ личностного роста гражданских служащих даст им возможность высокопрофессионально выполнять свои должностные обязанности.

Ключевые слова: профессия, субъект профессиональной деятельности, государственные гражданские служащие, психологическое благополучие, индивидуально-психологические особенности

ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN CIVIL SERVANTS' INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING

M. Mishina, T. Slozhenikina

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation

Abstract

The study focuses on the psychological well-being of civil servants as a little-studied phenomenon.

Aim. To analyze personal characteristics of psychological well-being participants actively included in popular social networks.

Methodology. The article deals with the relationship of indicators of individual psychological characteristics of state civil servants, analyzed using the questionnaire "Scale of Psychological well-being" by K. Riff (adapted by T. D. Shevelenkova, T. P. Fesenko). The assessment of their own well-being by state civil servants using Spearman's linear correlation on the following indicators: autonomy, competence, positive relationships, life goals, self-acceptance, personal growth. The assessment of differences in individual psychological characteristics of civil servants holding different positions is given, which is analyzed using one-factor analysis of variance and a posteriori comparison using the LSD method.

Results. Analysis of the relationship of indicators of individual psychological characteristics of civil servants using Spearman's linear correlation revealed the relationship of individual psychological characteristics of civil servants of various positions (senior state customs inspector, chief state customs inspector, head of department / department, deputy heads of department). The relationship of indicators of individual psychological characteristics of civil servants was studied: positive relationships with others, self-acceptance (assessment of one's own life), autonomy (orientation to one's own beliefs), competence (understanding the meaning of events, giving an opportunity to control the environment, related to the ability to manage one's own life), goals, personal growth and self-realization. The relationship of indicators of individual psychological characteristics of civil servants determined that their subjective position changes depending on the position, which has an impact.

Research implications. The results of the psychological well-being can be used for timely diagnosis of civil servants' job burnout. The development of civil servants' personal growth programs will make it possible for them to fulfill their functions most efficiently.

Keywords: occupation, subject of professional work, civil servants, psychological well-being, individual-psychological characteristics

Постановка проблемы

Изменения, происходящие в России, рассчитаны на повышение эффективности работы государственной службы и государственных служащих, что связано с уровнем развития их личностных качеств (готовность к быстрому темпу жизни, грамотность в принятии управленческих решений, ответственность, быстрое усвоение новых информационных технологий).

Малоизученная с психологической точки зрения категория «государственные служащие» требует осмысления, так

как работа государственных служащих нередко связана с особым риском и напряжённостью, что влияет на уровень их внутреннего благополучия, поэтому важной задачей является исследование психологического благополучия государственных служащих как субъектов профессиональной деятельности.

Исследование благополучия государственных служащих построено в основном на субъектно-деятельностном подходе, что описано в исследованиях К. А. Абульхановой-Славской [1],

Б. Г. Ананьева [2], А. В. Брушлинского [4], А. А. Деркача [5], А. Н. Леонтьева [10], В. Н. Мясищев [11], Д. Н. Узнадзе [13], В. К. Шабельникова [14].

Авторы по-разному трактуют «психологическое благополучие», понятие, введённое Е. Динер [18; 19], связывают его со счастьем и разделяют концепции счастья на эвдемонистическую (К. Рифф [20; 21], М. Селигман [12]) и гедонистическую (Н. Бредберн [17]), говоря о счастье как о благоприятной деятельности. Проблема благополучия дифференцирует теоретические положения: «субъективное благополучие» (гедонистические исследования), «психологическое благополучие» (эвдемонистические исследования), – которые связаны с различными социальными, демографическими, индивидуально-психологическими особенностями личности [9]. Становление воли и волевых качеств личности в онтогенезе исследовала Т. И. Шульга, в том числе в своей работе «Некоторые итоги развития проблемы воли и волевой регуляции в исследованиях научной школы» [16]. В процессе профессиональной деятельности происходит формирование индивидуально-психологических качеств личности государственных служащих.

«Одним из критериев особенностей развития выступает уровень профессиональной пригодности субъекта в своём деятельностном (степень трудовой продуктивности, надёжности) и субъективном (степень удовлетворённости конкретным трудом) выражении» [3, с. 110].

Деятельность государственных служащих по содержанию является аналитической, опирающейся на правовую базу. «Все эти претензии, предъявляемые к государственным служащим, связаны с необходимостью соответствующей подготовки и высокой значимости их деятельности» [6, с. 43].

Государственный служащий, деятельность которого лежит в сфере управления, является субъектом управленческой деятельности, в которой востребованы

профессиональные знания, умения, навыки и наличие определённых индивидуально-психологических качеств личности, определяющих эффективность профессиональной деятельности. Опыт управления даёт государственному служащему высокий профессиональный и социальный статус. Динамически развивающаяся профессиональная деятельность государственного служащего нацелена на его саморазвитие и самосовершенствование [2].

«Акмеологическая наука рассматривает профессиональное развитие как движение к высшему оптимальному уровню. Акмеологи подчёркивают субъектный, индивидуальный характер профессионального развития, в котором имеет место специфическое соотношение потенциального и актуального. Акмеология не сопоставляет последовательные стадии профессионального развития, а выявляет наличную стадию в сопоставлении с идеалом, перспективой» [8, с. 2]. Проблема субъектности, структура Я-концепции включают наличие способностей к быстрому действию в связи с возникшей ситуацией [6].

Психологические ресурсы личности государственных служащих должны обеспечивать их психологическое благополучие: «Прямые эффекты заключаются в том, что личностные ресурсы непосредственно связаны с показателями психологического благополучия и мотивации, что уже само по себе говорит о том, что высокий уровень личностных ресурсов предполагает наличие высоких показателей благополучия, удовлетворённости и мотивации. Опосредованный эффект личностных ресурсов проявляется в том случае, когда личностные ресурсы влияют не на сами переменные психологического благополучия, а на связи психологического благополучия с другими переменными» [7, с. 14].

Объект исследования: индивидуально-психологические особенности государственных служащих.

Предмет исследования: связь показателей индивидуально-психологических особенностей государственных служащих различных должностей (старший государственный таможенный инспектор, главный государственный таможенный инспектор, начальник отдела / отделения, заместитель начальника отдела).

Цель: проанализировать взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей государственных служащих различных должностей (старший государственный таможенный инспектор, главный государственный таможенный инспектор, начальник отдела / отделения, заместитель начальника отдела).

Гипотезы исследования: субъектная позиция государственных служащих в зависимости от должности изменяется, что влияет на их психологическое благополучие, которое зависит от опыта, компетентности, личностного развития и наличия определённых индивидуально-психологических качеств.

Методы исследования

С целью анализа связи показателей индивидуально-психологических особенностей государственных служащих различных должностей с благополучием был применён многофакторный опросник, определяющий уровень психологического благополучия, а также его составляющих. Автор теста – Кэрол Рифф (Carol D. Ryff), версия Т. Д. Шевеленковой и Т. П. Фесенко [15].

Далее был проведён анализ взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей государственных служащих при помощи линейной корреляции Спирмена. Кроме того, была дана оценка различий индивидуально-психологических особенностей государственных служащих, занимающих неодинаковые должности, при помощи однофакторного дисперсионного анализа и апостериорного сравнения групп по методу LSD.

Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы Microsoft

Excel, и они были проанализированы и обработаны в программе SPSS Statistics 21.0.

Эмпирическая база исследования. В исследовании связи индивидуально-психологических особенностей государственных гражданских служащих с их психологическим благополучием приняли участие 98 человек, которые были разделены по следующим критериям: возрасту (возраст участников исследования составил от 25 до 65 лет), полу, стажу государственной службы (стаж работы в диапазоне от 1 года до 25 лет).

Результаты исследования

Мера линейной связи между случайными величинами дана в анализе связи показателей индивидуально-психологических особенностей государственных служащих в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что основные характеристики в большей степени связаны со стажем. Показано, что «Стаж» связан с возрастом и с показателем «Личностный рост», т. е., чем больше стаж, тем выше личностный рост. «Личностный рост» коррелирует, в свою очередь, с показателем «Позитивные отношения» ($p < 0,05$), что означает: чем выше личностный рост, тем позитивнее складываются отношения государственных служащих с окружающими. Показатель «Автономия» коррелирует также с показателями «Управление средой» и «Личностный рост» ($p < 0,05$), что говорит о респондентах как о самостоятельных и независимых единицах, обладающих властью (в основном это относится к заместителям и начальникам отделов) и компетенцией в управлении, контролирующими всю внешнюю деятельность и обладающих чувством непрекращающегося развития. Показатель «Самопринятие» коррелирует с показателем «Управление средой», что подтверждается фактом позитивного отношения к себе, наличия знаний, которые дают правильные решения проблем.

Для изучения оценки различий индивидуально-психологических особенно-

Таблица 1 / Table 1

Анализ связи показателей индивидуально-психологических особенностей государственных служащих при помощи линейной корреляции Спирмена / Analysis of the relationship of civil servants' individual psychological characteristics indices using Spearman's linear correlation

	возраст	стаж	позитивные отношения	автономия	управление средой	личностный рост	цели в жизни	самопринятие	психологическое благополучие	реактивная тревожность	личностная тревожность	стресс
возраст	1,000	,677*	-,073	-,072	,078	,111	,029	-,025	-,002	,078	,028	-,129
стаж	,677*	1,000	-,033	,064	,156	,211*	,096	-,092	,095	,158	,102	-,022
позитивные отношения	-,073	-,033	1,000	,169	,082	,383**	,021	-,077	,469**	-,252**	-,219*	-,155
автономия	-,072	,064	,169	1,000	,369**	,354**	,343**	,140	,627**	-,236**	-,203*	-,184*
управление средой	,078	,156	,082	,369**	1,000	,473**	,511**	,254**	,711**	-,160	-,212*	-,341**
личностный рост	,111	,211*	,383**	,354**	,473**	1,000	,445**	,173	,741**	-,254**	-,193*	-,147
цели в жизни	,029	,096	,021	,343**	,511**	,445**	1,000	,481**	,735**	-,171	-,259	-,222*
самопринятие	-,025	-,092	-,077	,140	,254**	,173	,481**	1,000	,511**	,004	-,123	-,017
психологическое благополучие	-,002	,095	,469**	,627**	,711**	,741**	,735**	,511	1,000	-,289**	-,319**	-,295**

**Корреляция значима на уровне 0,01; *корреляция значима на уровне 0,05

стей государственных служащих использовался однофакторный дисперсионный анализ (табл. 2).

Факторный анализ показателей определил, что шкалы «Положительное отношение» (60,64), «Автономия» (57,29) и «Управление средой» (60,67), «Цели в жизни» (64,29), «Самопринятие» (60,58) в целом воспроизводятся, т. е. все пункты этих шкал имеют положительные факторные нагрузки на соответствующие группы.

В результате исследования связи индивидуально-психологических особенностей государственных гражданских служащих с благополучием было определено, что психологическое благополучие

не имеет резких отклонений от нормы. В целом государственные служащие имеют доверительные отношения с сотрудниками, у них достаточно высокий уровень эмпатии, что позволяет осуществлять эффективную деятельность (табл. 3).

Наличие корреляционных связей между шкалами «Личностный рост», «Цель в жизни», «Самопринятие» ($p < 0,05$) подтверждает взаимозависимость представлений респондентов о социальной реальности. У государственных служащих существует психологическое благополучие, которое связано с оценкой своего поведения и профессионального развития, включая как положительные, так и отрицательные качества.

Таблица 2 / Table 2

Оценка различий индивидуально-психологических особенностей государственных служащих, занимающих разные должности, при помощи однофакторного дисперсионного анализа / Assessment of differences in individual psychological characteristics of civil servants holding different positions using one-factor variance analysis

Показатель	Должность	Размер	Среднее
возраст	старший государственный таможенный инспектор	29	35,86
	главный государственный таможенный инспектор	30	39,47
	начальник отдела	30	41,60
	Всего	89	39,01
стаж	старший государственный таможенный инспектор	29	6,48
	главный государственный таможенный инспектор	30	9,10
	начальник отдела	30	12,00
	Всего	89	9,22
позитивные отношения	старший государственный таможенный инспектор	29	61,72
	главный государственный таможенный инспектор	30	58,93
	начальник отдела	30	61,30
	Всего	89	60,64
автономия	старший государственный таможенный инспектор	29	54,90
	главный государственный таможенный инспектор	30	58,87
	начальник отдела	30	58,03
	Всего	89	57,29
управление средой	старший государственный таможенный инспектор	29	58,28
	главный государственный таможенный инспектор	30	60,47
	начальник отдела	30	63,20
	Всего	89	60,67
личностный рост	старший государственный таможенный инспектор	29	59,34
	главный государственный таможенный инспектор	30	59,57
	начальник отдела	30	61,03
	Всего	89	59,99
цели в жизни	старший государственный таможенный инспектор	29	62,55
	главный государственный таможенный инспектор	30	63,77
	начальник отдела	30	66,50
	Всего	89	64,29

Показатель	Должность	Размер	Среднее
самопринятие	старший государственный таможенный инспектор	29	60,55
	главный государственный таможенный инспектор	30	60,43
	начальник отдела	30	60,77
	Всего	89	60,58
психологическое благополучие	старший государственный таможенный инспектор	28	357,79
	главный государственный таможенный инспектор	30	362,03
	начальник отдела	30	370,83
	Всего	88	363,68
реактивная тревожность	старший государственный таможенный инспектор	29	31,48
	главный государственный таможенный инспектор	30	27,90
	начальник отдела	30	31,83
	Всего	89	30,39
личностная тревожность	старший государственный таможенный инспектор	29	41,10
	главный государственный таможенный инспектор	30	41,63
	начальник отдела	30	39,53
	Всего	89	40,75
стресс	старший государственный таможенный инспектор	29	106,38
	главный государственный таможенный инспектор	30	125,23
	начальник отдела	30	112,23
	Всего	89	114,71

Таблица 3 / Table 3

Показатели однофакторного дисперсионного анализа показателей благополучия государственных служащих / Indicators of one-factor variance analysis of civil servants' well-being indices

Зависимая переменная	Источник дисперсии	Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	p-значение
возраст	между группами	494,874	2	247,437	2,355	,101
	внутри групп	9036,115	86	105,071		
	общая	9530,989	88			
стаж	между группами	449,564	2	224,782	5,696	,005
	внутри групп	3393,941	86	39,464		
	общая	3843,506	88			
позитивные отношения	между группами	134,535	2	67,267	,845	,433
	внутри групп	6843,960	86	79,581		
	общая	6978,494	88			

Окончание табл. 3

Зависимая переменная	Источник дисперсии	Сумма квадратов	df	Средний квадрат	F	p-значение
автономия	между группами	257,282	2	128,641	2,063	,133
	внутри групп	5363,123	86	62,362		
	общая	5620,404	88			
управление средой	между группами	359,491	2	179,745	2,730	,071
	внутри групп	5662,060	86	65,838		
	общая	6021,551	88			
личностный рост	между группами	50,104	2	25,052	,457	,634
	внутри групп	4710,885	86	54,778		
	общая	4760,989	88			
цели в жизни	между группами	242,365	2	121,183	1,905	,155
	внутри групп	5472,039	86	63,628		
	общая	5714,404	88			
самопринятие	между группами	1,712	2	,856	,014	,987
	внутри групп	5433,906	86	63,185		
	общая	5435,618	88			
психологическое благополучие	между группами	2589,243	2	1294,622	1,418	,248
	внутри групп	77623,848	85	913,222		
	общая	80213,091	87			
реактивная тревожность	между группами	283,128	2	141,564	,842	,434
	внутри групп	14458,108	86	168,118		
	общая	14741,236	88			
личностная тревожность	между группами	71,439	2	35,719	,216	,806
	внутри групп	14191,123	86	165,013		
	общая	14262,562	88			
стресс	между группами	5518,844	2	2759,422	,359	,700
	внутри групп	661603,561	86	7693,065		
	общая	667122,404	88			

Примечание: Переменные, по которым имеются значимые различия между группами ($p < 0,05$), выделены в таблице жирным курсивом

На рисунке 1 изображены диаграммы переменных, по которым имеются различия между группами государственных служащих, включая стаж и должность. Субъектная позиция государственных служащих, имеющих различные должности, по-разному определяет их психологическое благополучие: чем больше стаж, тем выше уровень психологического благополучия, чем меньше стаж, тем ниже уровень психологического благополучия.

Апостериорное сравнение государственных служащих в зависимости от их должностей по методу LSD позволило

проверить равенство среднего значения между несколькими выборками: стажем и должностью (старший государственный таможенный инспектор / начальник отдела) – и выделить группу выборки с одинаковым средним значением (табл. 4).

Коэффициент корреляции по показателю «Самооценка» оказался на уровне $r = 5,52\%$, $p < 0,001$, что говорит о высоко значимой корреляционной связи (субъектная позиция государственных служащих в зависимости от должности изменяется, и это влияет на их психологическое благополучие).

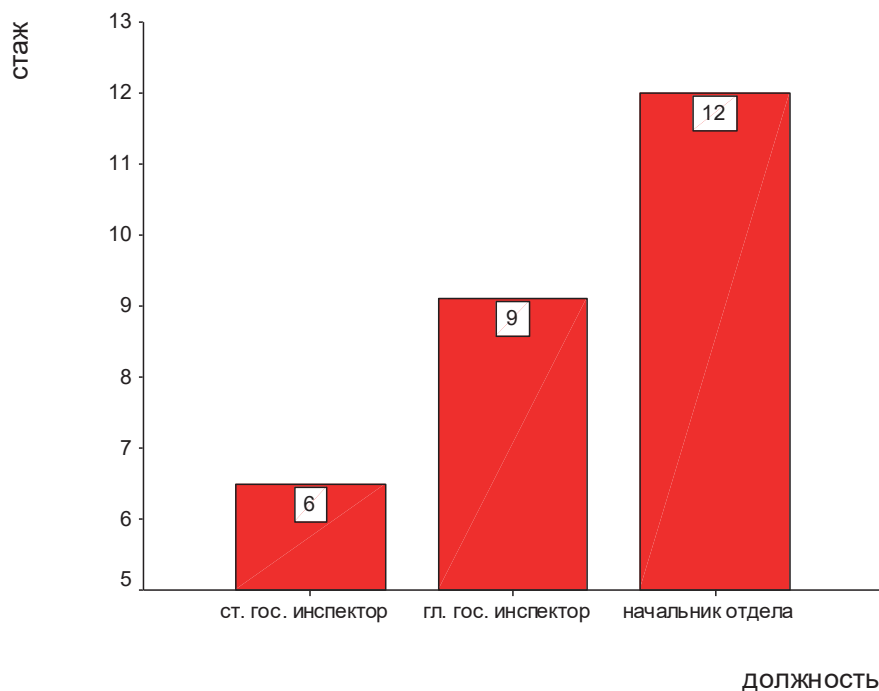

Рис. 1 / Fig. 1. Показатели благополучия государственных служащих, по которым имеются значимые различия с учётом должностей / Indicators of civil servants' well-being for which there are significant differences when positions are taken into account

Таблица 4 / Table 4

Апостериорное сравнение государственных служащих в зависимости от их должностей по методу LSD / Aposterior comparison of civil servants' dependence on their positions using the LSD method

Зависимая переменная	(I) должность	(J) должность	Разница между средними (I-J)	p-значение
стаж	начальник отдела	ст. таможенный инспектор	5,52*	,001

* Имеются значимые различия между группами на уровне 0,05.

Выводы

Анализ взаимосвязи индивидуально-психологических особенностей государственных служащих различных должностей говорит о связи показателей: «Автономия» ($p = 57,29$) и «Управление средой» ($p = 60,67$); «Личностный рост» ($p = 61,03$) и «Цели в жизни» ($p = 64,29$).

Шкала «Цели в жизни» показывает,

что для начальников отделов и их заместителей выраженным оказался показатель «Управление средой»: преобладает власть, выражены компетенция в управлении, контроль деятельности, организация условий труда, интерес, чёткая постановка цели.

Главные и старшие государственные таможенные инспекторы склонны к са-

моразвитию, они видят профессиональные перспективы, ценят опыт и новизну, видят и анализируют собственные возможности.

Субъектная позиция государственных служащих в зависимости от должности изменяется в различной степени, что показано выше, и, соответственно, влияет на их психологическое благополучие, которое зависит от опыта, компетентности, личностного развития и наличия определённых индивидуально-психологических качеств.

Заключение

Проанализирована взаимосвязь индивидуально-психологических особенностей государственных служащих различных должностей (старший государственный таможенный инспектор, главный государственный таможенный инспектор, начальник отдела / отделения, заместители начальника отдела).

Связь между показателями индивидуально-психологических особенностей государственных служащих и их опытом можно охарактеризовать следующим образом: чем больше опыт и компетентность государственного служащего, тем больше он удовлетворён своим положением, что происходит благодаря трудолюбию и развитию своих профессиональных качеств. Начальники отделов / заместители доверяют коллегам, они способны к рефлексии и имеют более высокий уровень психологического благополучия.

Субъектная позиция государственных служащих в зависимости от должности меняется, что оказывает влияние на их психологическое благополучие, которое зависит от опыта, компетентности, личностного развития и наличия определённых индивидуально-психологических качеств.

Статья поступила в редакцию 06.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., 1991. 299 с.
2. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977. 379 с.
3. Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности. М., 2001. 511 с.
4. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994. 109 с.
5. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионализма. М., Воронеж, 2004. 752 с.
6. Дубовицкая А. В. Проблемы формирования кадрового потенциала государственной и муниципальной службы в современных условиях // Мир науки и инноваций. 2015. № 2. С. 63–66.
7. Иванова Т. Ю. Функциональная роль личностных ресурсов в обеспечении психологического благополучия: дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 194 с.
8. Исаева А. С. Психолого-акмеологическое сопровождение профессионального развития инспектора таможенной службы: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 23 с.
9. Карапетян Л. В. Психологическая концепция эмоционально-личностного благополучия: автореф. дис. ... докт. психол. наук. Екатеринбург, 2019. 48 с.
10. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М., 1983. 320 с.
11. Мясищев В. Н. Психология отношений: Избранные психологические труды. М., 2004. 400 с.
12. Селигман М. Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М., 2006. 368 с.
13. Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб., 2001. 416 с.
14. Шабельников В. К. Проблема субъектности в логике культурно-исторического подхода // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 57. URL: <http://psystudy.ru/index.php/pum/2018v11n57/1527-shabelnikov57.html> (дата обращения: 02.11.2020).
15. Шевеленкова Т. Д., Фесенко Т. П. Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–121.
16. Шульга Т. И. Некоторые итоги развития проблемы воли и волевой регуляции в исследованиях научной школы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 1. С. 8–21.
17. Bradburn N. The Structure of Psychological well-being. Chicago, 1969. 320 p.

18. Diener E. Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. № 68. P. 653–663.
19. Diener E. Subjective well-being // *Psychological Bulletin*. 1984. № 95. P. 542–575.
20. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 57. P. 1069–1081.
21. Ryff C. D. The structure of psychological well-being revisited // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 69. P. 719–727.

REFERENCES

1. Abul'khanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow, 1991. 299 p.
2. Anan'ev B. G. *O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiya* [On problems of modern anthropology]. Moscow, 1977. 379 p.
3. Bodrov V. A. *Psikhologiya professional'noi prigodnosti* [Psychology of professional suitability]. Moscow, 2001. 511 p.
4. Brushlinsky A. V. *Problemy psikhologii sub'ekta* [Problems of psychology of the subject]. Moscow, 1994. 109 p.
5. Derkach A. A. *Akmeologicheskie osnovy razvitiya professionalizma* [Acmeological foundations for the development of professionalism]. Moscow, Voronezh, 2004. 752 p.
6. Dubovitskaya A. V. [Problems of the formation of human resources of the state and municipal service in modern conditions]. In: *Mir nauki i innovatsii* [The world of science and innovation], 2015, no. 2, pp. 63–66.
7. Ivanova T. Yu. *Funktsional'naya rol' lichnostnykh resursov v obespechenii psikhologicheskogo blagopoluchiya: dis. ... kand. psikhol. nauk* [The functional role of personal resources in ensuring psychological well-being: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2016. 194 p.
8. Isaeva A. S. *Psikhologo-akmeologicheskoe soprovozhdenie professional'nogo razvitiya inspektora tamozhennoi sluzhby: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological and acmeological support of professional development of the customs inspector: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Rostov-on-don, 2009. 23 p.
9. Karapetyan L. V. *Psikhologicheskaya kontseptsiya emotsional'no-lichnostnogo blagopoluchiya: avtoref. dis. ... doct. psikhol. nauk* [Psychological concept of emotional and personal well-being: abstract of D. thesis in Psychological sciences]. Ekaterinburg, 2019. 48 p.
10. Leont'ev A. N. *Izbrannye psikhologicheskie proizvedeniya* [Selected psychological works]. Moscow, 1983. 320 p.
11. Myasishchev V. N. *Psikhologiya otnoshenii: Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Relationship Psychology: Selected Psychological Works]. Moscow, 2004. 400 p.
12. Seligman M. *Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyi vzglyad na schast'e i smysl zhizni* [New Positive Psychology: A Scientific Look at Happiness and the Meaning of Life]. Moscow, 2006. 368 p.
13. Uznadze D. N. *Psikhologiya ustanovki* [Psychology installation]. St. Petersburg, 2001. 416 p.
14. Shabel'nikov V. K. [The problem of subjectivity in the logic of the cultural-historical approach]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2018, vol. 11, no. 57, URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n57/1527-shabelnikov57.html> (accessed: 02.11.2020).
15. Shevelenkova T. D., Fesenko T. P. [Psychological well-being of the individual]. In: *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics], 2005, no. 3, pp. 95–121.
16. Shul'ga T. I. [Some results of the development of the problem of will and volitional regulation in the research of the scientific school]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology], 2020, no. 1, pp. 8–21.
17. Bradburn N. *The Structure of Psychological well-being*. Chicago, 1969. 320 p.
18. Diener E. Cross-cultural correlates of life satisfaction and self-esteem. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995, no. 68, pp. 653–663.
19. Diener E. Subjective well-being. In: *Psychological Bulletin*, 1984, no. 95, pp. 542–575.
20. Ryff C. D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological wellbeing. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1989, vol. 57, pp. 1069–1081.
21. Ryff C. D. The structure of psychological well-being revisited. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995, vol. 69, pp. 719–727.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мишина Марина Михайловна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: mishinamm@yandex.ru

Сложеникина Татьяна Петровна – аспирант кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: slognaja@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina M. Mishina – Dr. Sci. (Psychology), Professor of General and Educational Psychology, Moscow Region State University.
e-mail: mishinamm@yandex.ru

Tatyana P. Slozhenikina – Postgraduate student, Department of General and pedagogical psychology, Moscow Region State University.
e-mail: slognaja@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мишина М. М., Сложеникина Т. П. Анализ связи индивидуально-психологических особенностей государственных гражданских служащих с психологическим благополучием // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 51–62.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-51-62

FOR CITATION

Mishina M. M., Slozhenikina T. P. Analysis of the relationship between civil servants' individual psychological characteristics and psychological well-being. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 51–62.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-51-62

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-63-74

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ МОРАЛЬНОЙ СВОБОДЫ ПОДРОСТКОВ В РАЗЛИЧНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ УСЛОВИЯХ

Молчанов С. В., Алмазова О. В.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сравнительный анализ использования механизмов морального самооправдания подростками в различных этнокультурных условиях.

Процедура и методы. Была использована методика отчуждения моральной ответственности С. Мур (в адаптации Я. А. Ледовой и др.). В исследовании приняли участие 731 подросток от 13 до 18 лет из России и Азербайджана.

Результаты. В зависимости от интенсивности использования механизмов моральной свободы выделены три типа «моральной свободы» («пассивные пользователи», «активные пользователи», «стратегия искажения образа жертвы»); установлены предпочитаемые механизмы самооправдания. Выявлены кросс-культурные различия в применении механизмов морального самооправдания для выборки в целом и для гендерных групп.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные результаты расширяют представления о кросс-культурной специфике поведения подростков в условиях морального выбора и могут быть использованы в практических программах личностного роста подростков.

Ключевые слова: подростковый возраст, моральное развитие, механизмы морального самооправдания, стратегии моральной свободы, кросс-культурное исследование

FEATURES OF USING TEENAGERS' MECHANISMS OF MORAL FREEDOM IN VARIOUS ETHNO-CULTURAL CONDITIONS

S. Molchanov, O. Almazova

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
11, str. 9, Mokhovaya ul., Moscow 125009, Russian Federation*

Abstract

Aim. To perform the comparative analysis adolescents' use of moral self-justification mechanisms in various ethno-cultural conditions.

Methodology. The method of moral responsibility alienation by S. Moore was used (adapted by Ya. A. Ledovaya et al.). 731 teenagers, aged from 13 to 18, from Russia and Azerbaijan took part in the study.

© CC BY Молчанов С. В., Алмазова О. В., 2020.

Results. Taking into consideration the intensity of the moral freedom strategies use, three types of “moral freedom” (“passive users”, “active users”, “strategy of distorting the victim’s image”) are singled out; moral self-justification mechanisms preferred by adolescents are established. Cross-cultural differences in the application of moral self-justification mechanisms are revealed both for the sample as a whole and for gender groups.

Research implications. The research results develop the ideas of cross-cultural peculiarities of adolescents’ behavior in moral choice conditions. The results can be used in adolescents’ personal development programs.

Keywords: adolescence, moral development, moral self-justification mechanisms, moral freedom strategies, cross-cultural study

Введение

Культурные факторы оказывают влияние на моральные суждения, ценности и моральное поведение. Межкультурные различия в морали могут быть столь же существенными и важными, как и межсоциальные различия, поскольку культуры существенно различаются в продвижении и передаче моральных суждений и моделей поведения. Культурные факторы включают религию, социальную экологию и регулирующие социальные институты [4]. Такая вариативность в сочетании с универсальностью моральных конструктов позволит уточнить положения нормативных теорий морального развития.

В рамках социокогнитивной теории А. Бандура выделил компоненты системы саморегуляции морального поведения: самонаблюдение, оценку на основе соотнесения своего поведения с моральными стандартами и самореагирование, позволяющее изменить поведение в случае необходимости [9]. Самонаблюдение обеспечивает понимание мотивов и содержания собственных поступков, сравнительный анализ даёт понимание адекватности выбранной модели поведения в отношении моральных норм, самореагирование обеспечивает возможность положительного или отрицательного подкрепления при соответствии или нарушении моральных норм. В условиях нарушения моральных норм возникает задача защиты моральной идентичности, которая может быть решена за счёт активизации механизмов морального самооправдания, выступающих как социокогнитивные процессы, позво-

ляющие человеку оправдать своё аморальное поведение с целью сохранения позитивной самооценки и самоуважения [8]. Моральное самооправдание возникает в ответ на противоречие между должным и значимым, с одной стороны, и значимым, но противоположным должному поведением – с другой [5]. Механизмы морального самооправдания понимаются как тенденция к оправданию действий, приносящих вред другому, с целью сохранения самооценки и минимизации индивидуальной ответственности за причинение вреда другому [10].

В условиях информационного общества, когда снижается уровень внешнего социального контроля над выполнением моральных норм в коммуникации в подростковом сообществе и в значительной мере возрастает значение самоконтроля, проблема применения механизмов морального отчуждения и самооправдания, позволяющих оправдать моральную трансгрессию, при сохранении высокой самооценки и моральной идентичности приобретает особую актуальность. Исследование применения механизмов морального самооправдания подростками осуществлялось в контексте изучения их роли в генезисе девиантного поведения, в частности буллинга. На основе метаанализа было установлено, что моральное самооправдание положительно связано с буллингом [13]. Причинами невмешательства и отстранения личности от принятия ответственности за буллинг становятся моральное оправдание как признание ситуации буллинга

несерьёзной, обвинение жертвы, передача ответственности учителям и друзьям жертв, более низкий социальный статус, чем у преследователя, лояльность друга к агрессору, страх свидетелей [12]. На материале испанской выборки подростков было выявлено, что типы морального самооправдания взаимосвязаны с восприятием кибербуллинга и кибервиктимизации. В частности, восприятие буллинга его жертвами может способствовать активации определённых механизмов морального отчуждения, таких как речевой эвфемизм, искажение последствий или сравнение как оправдание собственных действий [11]. Изучение факторов обращения подростков к моральному самооправданию показало, что комбинация ранних факторов риска семейного отвержения, дисгармоничного воспитания, асоциального окружения, а также механизмы морального самооправдания повышают вероятность антисоциального поведения мальчиков [14]. В исследовании использовали групповое моделирование траектории для изучения стабильности и изменений морального самооправдания. Обнаружено, что относительно стабильное обращение к моральному самооправданию в подростковом возрасте снижается на протяжении периода от 14 до 20 лет. При этом принадлежность к группе предсказывала актуальное и будущее антисоциальное поведение, даже с учётом пола [17].

Выявлена связь уровня развития морального сознания и готовности пользователей интернета юношеского возраста к соблюдению базовых этических норм коммуникации в интернет-общении. Так, в случае низкого уровня развития морального сознания респонденты считают возможным нарушение таких моральных норм интернет-коммуникации, как персональная ответственность за действия в сети, конфиденциальность, уважение партнёра и неприкосновенность личной жизни, даже при признании значимости этих норм [3]. Однако способы мораль-

ного самооправдания, к которым прибегают подростки, чтобы обеспечить моральную свободу при нарушении норм медиа-коммуникации, предметом исследования не стали.

Культуры представляют собой динамичные социальные системы, в которых внутрикультурное разнообразие и внутрииндивидуальные вариации психосоциальных ориентаций в разных сферах жизнедеятельности определяют широкую вариативность. Растущая глобализация и культурный плюрализм общества, вовлечённость в кибермир, выходящий за пределы времени, расстояния, места и национальных границ, требуют расширения масштабов кросс-культурного анализа. В центре внимания оказываются вопросы о том, как национальные и глобальные силы взаимодействуют, формируя природу культурной жизни, включая моральные установки и паттерны поведения [10]. Существуют ли принципиальные различия в механизмах моральной свободы в различных культурных группах, либо эти различия носят только количественный характер? Так, в ряде исследований была выявлена связь между моральным самооправданием и антисоциальным поведением у подростков в различных этнокультурных и социальных группах – в большой нормативной выборке итальянских мальчиков и девочек в возрасте 10–15 лет [9], в американской выборке афроамериканцев в возрасте 9–14 лет [16], а также в американской выборке несовершеннолетних правонарушителей мужского пола в возрасте 13–18 лет [15].

Вариативность моральных принципов и ориентиров в современном обществе может быть рассмотрена на разных уровнях: мультикультурности [2; 4], поликонфессиональности общества, включая атеистические установки, разнообразии социально-экономических слоёв населения [18], эффективности системы социального контроля правонарушений и следования моральным стандартам [1]. Представляется, что в современном мире

сами мультикультурность, мультирелигиозность и вариативность социально-экономических групп населения являются достаточно универсальными условиями жизнедеятельности в рамках различных государств. Вместе с тем глобализация, включая общедоступность информационных потоков интернета, выступающего сегодня для подростков важным институтом социализации, усиливает тенденции нивелирования этнокультурных различий в моральной оценке жизненных событий и собственного поведения в ситуации морального конфликта и нарушения моральных норм. Выявление как общих тенденций реализации стратегий морального самооправдания подростков, так и их специфики в условиях этнокультурных различий на основе сравнительного исследования позволит уточнить детерминанты морального поведения и действие механизмов моральной свободы в координатах универсального – культурно-вариативного.

Цель и задачи исследования

Целью настоящего исследования стало изучение особенностей использования механизмов моральной свободы посредством морального самооправдания подростками в различных этнокультурных условиях. Задачи исследования включали: 1) анализ выраженности использования подростками механизмов моральной свободы и выделение типов «моральной свободы»; 2) изучение особенностей применения подростками механизмов морального самооправдания в зависимости от этнокультурных условий; 3) выявление гендерных особенностей применения механизмов морального самооправдания в этнокультурных группах.

Методики и выборка

Выраженность использования механизмов моральной свободы определялась с помощью методики отчуждения моральной ответственности С. Мур, выделяющей предпочитаемые механизмы

морального самооправдания, включая моральное оправдание, речевой эфемеризм, оправдательное сравнение, распределение ответственности, диффузию ответственности, искажение последствий, дегуманизацию жертвы, атрибуцию вины [7]. В опроснике на каждый из восьми механизмов морального самооправдания приходилось 3 вопроса. Выраженность каждого механизма считалась как среднее арифметическое оценок по соответствующим вопросам.

В исследовании приняли участие подростки в количестве 731 человека в возрасте от 13 до 18 лет ($M = 15,6$; $SD = 1,0$), учащиеся общеобразовательных учреждений из России и Азербайджана. Среди них 415 (56,8%) юношей и 316 (43,2%) девушек. 572 человека (78,2%) выборки составили подростки из России, а 159 (21,8%) – из Азербайджана.

Результаты

Особенности предпочтений типов моральной свободы в подростковом возрасте

При помощи корреляционного анализа было выявлено, что оценки выраженности всех механизмов моральной свободы связаны между собой (r – от 0,3 до 0,6, $p < 0,05$, коэффициент корреляции Пирсона), а это косвенно говорит о внутренней связности рассматриваемого конструкта.

Воспользовавшись кластерным анализом (метод К-средних), на основе результатов проведения опросника С. Мур (выраженность всех восьми механизмов морального самооправдания) респонденты были разделены на 3 группы (кластера). Центры кластеров представлены в таблице 1.

При применении однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) было установлено, что имеются значимые различия в оценках всех механизмов самооправдания у респондентов из разных кластеров ($p < 0,001$). В связи с чем в дальнейшем мы можем говорить о «типах» моральной свободы (самооправдания).

Таблица 1 / Table 1

Центры кластеров – распределения респондентов по степени выраженности механизмов морального самооправдания / Cluster centers – data distribution in preferences of moral self-justification mechanisms

Тип / Механизм самооправдания	1 тип	2 тип	3 тип
Моральное оправдание	2,6	3,5	4,4
Речевой эвфемизм	2,0	2,9	3,9
Оправдательное сравнение	1,7	2,1	3,0
Распределение ответственности	2,0	2,6	3,4
Диффузия ответственности	1,8	2,7	4,0
Искажение последствий	1,7	2,5	3,7
Дегуманизация жертвы	2,9	4,4	4,8
Атрибуция вины	2,7	3,8	4,3
Кол-во респондентов (в %)	27,9%	42,1%	30,0%

Тип 1 (27,0% респондентов) проявляет наименьшую активность в использовании механизмов морального самооправдания. В случаях использования чаще всего прибегают к моральному сравнению и стратегиям искажения образа жертвы (дегуманизация жертвы, атрибуция вины). Обозначим эту группу как группу, неактивно использующую стратегии морального самооправдания («пассивные пользователи»).

Тип 2 (44,3% участников исследования) демонстрирует средний уровень использования механизмов морального самооправдания. Наиболее популярными являются стратегии искажения образа жертвы: дегуманизация и атрибуция вины. Обозначим эту группу как группу, ориентированную на искажение образа жертвы (группа, реализующая стратегию «искажения образа жертвы»).

Тип 3 (28,7% подростков) активнее остальных групп респондентов использует все механизмы морального самооправдания. Обозначим эту группу как группу активных пользователей стратегиями морального самооправдания («активные пользователи»).

Отметим, что анализ возможных вариантов стратегий моральной свободы, проводимый нами ранее на другой вы-

борке подростков, также обнаружил три описанных выше варианта. При некоторой вариативности в количественном распределении респондентов по разным типам / стратегиям моральной свободы сохраняется общая тенденция: самая многочисленная группа – группа, реализующая стратегию «искажения образа жертвы», в группы активных и пассивных пользователей количество распределяется примерно поровну [6].

Кросс-культурный анализ особенностей предпочтений механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте

В части исследования, посвящённой сравнению выраженности механизмов моральной свободы, приняли участие 307 подростков от 13 до 18 лет ($M = 15,5$; $SD = 1,39$) из России (148 человек) и Азербайджана (159 человек). Из них 125 юношей и 182 девушки. Выборки из разных стран были сделаны неразличимыми по полу, типу образовательных учреждений и возрасту.

В таблице 2 приведены средние и стандартные отклонения выраженности всех механизмов морального самооправдания в целом по выборке, отдельно для подростков из России и Азербайджана,

и результат проверки различий между оценками респондентов из разных стран (t-критерий для независимых выборок).

И для российских, и для азербайджанских подростков самыми выраженными являются механизмы «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины» и «моральное оправдание», реже всего они прибегают к «оправдательному сравнению». Механизмы «речевой эвфемизм» и «дегуманизация жертвы» значимо чаще используются подростками из Азербайджана, чем из России, а механизм «атрибуция вины», напротив, значимо чаще используется подростками из России, чем подростками из Азербайджана.

Кросс-культурный анализ межполовых различий в предпочтении механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте

В таблице 3 представлены средние и стандартные отклонения оценок всех механизмов МСО раздельно для девушек и юношей из России и Азербайджана.

В России у юношей выраженность всех механизмов морального самооправдания, кроме «дегуманизация жертвы», «оправдательное сравнение» и «распределение

ответственности», значимо выше, чем у девушек (t-критерий, $p < 0,05$). Тогда как в Азербайджане девушки значимо чаще, чем юноши, используют «речевой эвфемизм» (t-критерий, $p < 0,05$), по другим механизмам различий нет.

В таблице 4 представлены результаты проведённого одномерного дисперсионного анализа (два фактора – пол и возраст). Для некоторых механизмов морального самооправдания можно отметить, что значимо пересечение двух факторов – пола и страны, что означает, что выраженность механизмов самооправдания определяется не только страной или полом, но и взаимодействием этих двух факторов.

Интенсивность использования механизмов «моральное оправдание» и «речевой эвфемизм» юношами и девушками значимо различаются в России и Азербайджане (в России оценки выше у юношей, а в Азербайджане – у девушек).

В таблице 5 представлено распределение подростков из разных стран по типам МСО.

При помощи критерия χ^2 установлено, что нет связи между страной и попаданием подростков в определённый тип МСО ($\chi^2 = 1,257$ при $p = 0,533$, сила эффекта

Таблица 2 / Table 2

Средние и стандартные отклонения оценок выраженности механизмов моральной свободы у всей выборки подростков из России и Азербайджана, результат проверки различий / Average and standard deviations in esteems of moral self-justification mechanisms preferences in all samples of adolescents from Russia and Azerbaijan

Выборка / Механизм самооправдания	Все		Россия		Азербайджан		Различия	
	M	SD	M	SD	M	SD	t	P
Моральное оправдание	3,60	1,23	3,51	1,30	3,68	1,18	-1,210	0,227
Речевой эвфемизм	3,18	1,18	2,99	1,23	3,35	1,11	-2,707	0,007
Оправдательное сравнение	2,47	1,02	2,48	1,04	2,46	1,01	0,134	0,894
Распределение ответственности	2,73	1,16	2,78	1,15	2,68	1,18	0,756	0,450
Диффузия ответственности	2,99	1,17	2,85	1,18	3,11	1,15	-1,867	0,063
Искажение последствий	2,81	1,14	2,94	1,16	2,70	1,11	1,874	0,062
Дегуманизация жертвы	4,57	1,40	4,11	1,37	4,96	1,32	-5,429	<0,001
Атрибуция вины	3,75	1,19	3,90	1,07	3,63	1,28	1,968	0,005

Таблица 3 / Table 3

Средние и стандартные отклонения оценок выраженности механизмов моральной свободы у девушек и юношей из России и Азербайджана, результат проверки различий / Average and standard deviations in esteems of moral self-justification mechanisms preferences in all samples of young women and men from Russia and Azerbaijan

Выборка / Механизм самооправдания	Россия				Азербайджан			
	Юноши		Девушки		Юноши		Девушки	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Моральное оправдание	3,90	1,37	3,16	1,13	3,61	1,33	3,72	1,10
Речевой эвфемизм	3,09	1,30	2,90	1,16	3,10	1,16	3,48	1,07
Оправдательное сравнение	2,42	0,97	2,55	1,11	2,38	1,07	2,50	0,98
Распределение ответственности	2,73	1,30	2,83	1,00	2,53	1,14	2,75	1,19
Диффузия ответственности	2,93	1,33	2,78	1,04	2,97	1,11	3,17	1,17
Искажение последствий	2,98	1,07	2,91	1,25	2,61	1,23	2,74	1,05
Дегуманизация жертвы	4,11	1,39	4,10	1,36	4,72	1,42	5,09	1,26
Атрибуция вины	4,03	1,08	3,78	1,07	3,67	1,37	3,60	1,24

Таблица 4 / Table 4

Результаты одномерного дисперсионного анализа оценок по всем механизмам МСО (факторы – пол и страна) / Results of unidimensional variance analysis for all moral self-justification mechanisms (factors – sex and country)

Выборка / Механизм самооправдания	Пол		Страна		Пол x страна	
	F	P	F	P	F	P
Моральное оправдание	4,630	0,032	0,817	0,367	8,447	0,004
Речевой эвфемизм	0,428	0,514	4,390	0,037	4,055	0,045
Оправдательное сравнение	1,077	0,300	0,118	0,731	0,002	0,967
Распределение ответственности	1,371	0,243	0,983	0,322	0,184	0,669
Диффузия ответственности	0,037	0,847	2,302	0,130	1,562	0,212
Искажение последствий	0,051	0,821	3,977	0,047	0,511	0,475
Дегуманизация жертвы	1,142	0,286	23,921	<0,001	1,333	0,249
Атрибуция вины	1,128	0,289	3,528	0,061	0,395	0,530

Таблица 5 / Table 5

Распределение подростков из разных стран по типам моральной свободы / Distribution of adolescents from different countries according to preference of moral freedom strategies

Тип МСО / Пол	Пассивные пользователи	Искажение образа жертвы	Активные пользователи	Всего
Россия	20,6%	44,1%	35,3%	100,0%
Азербайджан	15,7%	45,3%	39,0%	100,0%
Всего	18,0%	44,7%	37,3%	100,0%

та V Cramer's -0,065), т. е. нет значимых различий в попадании в определённый тип использования механизмов моральной свободы у подростков из России и Азербайджана.

В таблицах 6 и 7 представлено распределение юношей и девушек из разных стран по типам морального самооправдания.

Таблица 6 / Table 6

Распределение юношей из России и Азербайджана по типам моральной свободы / Distribution of young men from Russia and Azerbaijan according to preference of moral freedom strategies

Тип МСО / Пол	Пассивные пользователи	Искажение образа жертвы	Активные пользователи	Всего
Россия	20,0%	38,5%	41,5%	100,0%
Азербайджан	19,2%	51,9%	28,8%	100,0%
Всего	19,7%	44,4%	35,9%	100,0%

Таблица 7 / Table 7

Распределение девушек из России и Азербайджана по типам моральной свободы / Distribution of young women from Russia and Azerbaijan according to preference of moral freedom strategies

Тип МСО / Пол	Пассивные пользователи	Искажение образа жертвы	Активные пользователи	Всего
Россия	21,1%	49,3%	29,6%	100,0%
Азербайджан	14,0%	42,1%	43,9%	100,0%
Всего	16,9%	44,9%	38,2%	100,0%

При помощи критерия χ^2 установлено, что нет связи между страной и попаданием юношей в определённый тип ($\chi^2 = 2,483$ при $p = 0,289$, сила эффекта V Cramer's -0,146). Нет значимых различий в попадании в определённый тип использования механизмов моральной свободы у юношей из России и Азербайджана.

При помощи критерия χ^2 установлено, что есть связь между страной и попаданием девушек в определённый тип ($\chi^2 = 4,877$ при $p = 0,043$, сила эффекта V Cramer's -0,215). Девушки из России значимо чаще являются «пассивными» и значимо реже «активными» пользователями механизмами моральной свободы, чем девушки из Азербайджана.

Обсуждение результатов

Наше исследование было направлено на изучение особенностей использования механизмов моральной свободы посредством морального самооправдания подростками в различных этнокультурных условиях. Мы предположили, что в ходе информационной социализации будут реализованы два противоположно направленных процесса. С одной стороны, нивелирование влияния этнокультурных условий на моральное развитие в силу глобализации, открытости и доступности информационного пространства, презентующего подросткам различных этнокультурных групп одну и ту же палитру разнообразия моральных стандартов и образцов поведения. С другой – про-

цесс усвоения традиционного содержания моральных установок и норм поведения через сложившуюся этнокультурную практику воспитания и социализации. Таким образом, задача развития, выступающая для подростка как личностный выбор значимой системы моральных норм, будет реализована с учётом особенностей этнокультурных условий. На примере сравнительного анализа применения подростками механизмов морального самооправдания в различных этнокультурных условиях мы получили подтверждение сложного характера становления моральной саморегуляции личности в координатах универсального возрастного и культурно-специфического развития. Универсальное находит выражение в приверженности подростков таким механизмам, как «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины» и «моральное оправдание», при устойчивом выделении трёх типов стратегий морального самооправдания, где центральное место занимает стратегия искажения образа жертвы. Культурно-специфическое связано с общей направленностью стратегий морального самооправдания, предпочитаемых азербайджанской и российской выборкой. Для азербайджанской выборки более приоритетны «речевой эвфемизм» и «дегуманизация жертвы», направленные на обесценивание нарушения моральной нормы. Для российских подростков – «атрибуция вины» как акт ретрибутивной справедливости и отчуждения права на моральную защиту за совершённые действия по принципу «око за око». Выявлена также большая активность в применении механизмов морального самооправдания девушками азербайджанской выборки по сравнению с российской. Это может объясняться более жёсткими требованиями к женщинам по соответствию принятым в обществе моральным стандартам, что и обуславливает большую интенсивность морального самооправдания азербайджанскими респондентками. По резуль-

татам исследования обнаружена также специфика гендерных различий в зависимости от этнокультурных условий, что отразилось во взаимодействии двух факторов – пола и страны, применительно к механизмам морального оправдания и речевого эвфемизма. Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о влиянии этнокультурного фактора на интенсивность обращения к различным стратегиям и механизмам морального самооправдания подростковой выборки в целом и гендерных групп в частности при существенном сходстве общей картины применения механизмов морального самооправдания в подростковом возрасте.

Выводы

1. Применение механизмов морального самооправдания подростками в различных этнокультурных условиях характеризуется как общими чертами, так и особенностями. Общее заключается в выделении трёх типов моральной свободы, различающихся частотой обращения к моральному самооправданию; в выраженности стратегии искажения образа жертвы посредством дегуманизации и атрибуции вины; в предпочтении таких механизмов самооправдания, как «дегуманизация жертвы», «атрибуция вины» и «моральное оправдание».

2. Кросс-культурные различия в применении механизмов морального самооправдания нашли проявления в том, что «речевой эвфемизм» и «дегуманизация жертвы» значимо чаще используются азербайджанскими подростками, а механизм «атрибуция вины» – российскими. Гендерная специфика проявления кросс-культурных различий обнаружена в факте большей активности использования механизмов морального самооправдания девушками из азербайджанской выборки по сравнению с российскими.

3. Выявлено опосредование гендерных различий этнокультурными условиями. Специфика гендерных различий заключается в том, что в российской

выборке гендерные различия ярко выражены и интенсивность применения всех механизмов морального самооправдания у юношей выше, чем у девушек. Исключение составляют «дегуманизация жертвы», «оправдательное сравнение» и «распределение ответственности», где

различия незначимы. В азербайджанской выборке гендерные различия сглажены, вместе с тем девушки значимо чаще, чем юноши, используют «речевой эвфемизм».

Статья поступила в редакцию 25.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Аронсон Э. Общественное животное. Введение в социальную психологию. СПб., 2006. 416 с.
2. Берри Д., Пуртинга А., Сигалл М. Кросс-культурная психология. Исследования и применение. Харьков, 2007. 530 с.
3. Карабанова О. А., Георгиевская М. А. Представления об этических нормах Интернет-общения у пользователей юношеского возраста с различным уровнем развития морального сознания // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 4. С. 107–125.
4. Мацумото Д. Психология и культура. СПб., 2003. 718 с.
5. Молчанов С. В. Моральное самооправдание как миф «моральной свободы» личности // Национальный психологический журнал. 2019. № 3 (35). С. 60–70.
6. Молчанов С. В., Алмазова О. В. Особенности использования механизмов морального самооправдания в подростковом и юношеском возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2020. № 3. С. 147–165.
7. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения / Я. А. Ледовая, Р. В. Тихонов, О. Н. Боголюбова, Е. В. Казенная, Ю. Л. Сорокина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16: Психология. Педагогика. 2016. Вып. 4. С. 23–39.
8. Bandura A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ, 1986. 167 p.
9. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning / A. Bandura, C. Barbaranelli, G. V. Caprara, C. Pastorelli // Child Development. 1996. № 67 (3). P. 1206–1222.
10. Bandura A. Social cognitive theory in cultural context // Applied Psychology: An International Review. 2002. № 51 (2). P. 269–290.
11. Cuadrado-Gordillo I., Fernández-Antelo I. Analysis of moral disengagement as a modulating factor in adolescents' perception of cyberbullying // Frontiers in Psychology. 2019. № 28. P. 12–22.
12. Forsberg C., Thornberg R., Samuelsson M. Bystanders to bullying: Fourth- to seventh-grade students' perspectives on their reactions // Research Papers in Education. 2014. № 29. P. 557–576.
13. Gini G., Pozzoli T., Hymel S. Moral disengagement among children and youth: A meta-analytic review of links to aggressive behavior // Aggressive Behavior. 2014. № 40. P. 56–68.
14. Hyde L. W., Shaw D. S., Moilanen K. L. Developmental precursors of moral disengagement and the role of moral disengagement in the development of antisocial behavior // Journal of Abnormal Child Psychology. 2010. № 38. P. 197–209.
15. Mulford W., Silins H., Leithwood K. A. Educational leadership for organisational learning and improved student outcomes. New York, Springer, 2004. 282 p.
16. The moral disengagement scale: extension with an American minority sample / J. Pelton, M. Gound, R. Forehand, G. Brody // Journal of Psychopathology and Behavior Assessment. 2004. № 26. P. 31–39.
17. Stability and change of moral disengagement and its impact on aggression and violence in late adolescence / M. Paciello, R. Fida, C. Tramontano, C. Lupinetti, G. V. Caprara // Child Development. 2008. № 79. P. 1288–1309.
18. Smetana J. G., Campione-Barr N., Metzger A. Adolescent development in interpersonal and societal contexts // Annual Review Psychology. 2006. № 57. P. 255–284.

REFERENCES

1. Aronson E. *Obshchestvennoe zhivotnoe. Vvedenie v sotsial'nuyu psikhologiyu* [Public animal. Introduction to social psychology]. St. Petersburg, 2006. 416 p.
2. Berri D., Purtinga A., Sigall M. *Kross-kul'turnaya psikhologiya. Issledovaniya i primeneniye* [Cross-cultural psychology. Research and application]. Kharkiv, 2007. 530 p.

3. Karabanova O. A., Georgievskaya M. A. [Ideas about the ethical norms of the Internet communication among adolescent users with different levels of moral consciousness development]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology], 2019, no. 4, pp. 107–125.
4. Matsumoto D. *Psikhologiya i kul'tura* [Psychology and culture]. St. Petersburg, 2003. 718 p.
5. Molchanov S. V. [Moral self-justification as the myth of “moral freedom” of the individual]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2019, no. 3 (35), pp. 60–70.
6. Molchanov S. V., Almazova O. V. [Features of using the mechanisms of moral self-justification in adolescence and pre-adult age]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology], 2020, no. 3, pp. 147–165.
7. Ledovaya Ya. A., Tikhonov R. V., Bogolyubova O. N., Kazennaya E. V., Sorokina Yu. L. [Alienation of moral responsibility: psychological construct and methods of its measurement]. In: *Vestniki Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletins of St. Petersburg University. Series 16: Psychology. Pedagogy], 2016, no. 4, pp. 23–39.
8. Bandura A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs, NJ. 1986. 167 p.
9. Bandura A., Barbaranelli C., Caprara G. V., Pastorelli C. Multifaceted Impact of Self-Efficacy Beliefs on Academic Functioning. In: *Child Development*, 1996, no. 67 (3), pp. 1206–1222.
10. Bandura A. Social cognitive theory in cultural contest. In: *Applied Psychology: An International Review*, 2002, no. 51 (2), pp. 269–290.
11. Cuadrado-Gordillo I., Fernández-Antelo I. Analysis of moral disengagement as a modulating factor in adolescents' perception of cyberbullying. In: *Frontiers in Psychology*, 2019, no. 28, pp. 12–22.
12. Forsberg C., Thornberg R., Samuelsson M. Bystanders to bullying: Fourth- to seventh-grade students' perspectives on their reactions. In: *Research Papers in Education*, 2014, no. 29, pp. 557–576.
13. Gini G., Pozzoli T., Hymel S. Moral disengagement among children and youth: A meta-analytic review of links to aggressive behavior. In: *Aggressive Behavior*, 2014, no. 40, pp. 56–68.
14. Hyde L. W., Shaw D. S., Moilanen K. L. Developmental precursors of moral disengagement and the role of moral disengagement in the development of antisocial behavior. In: *Journal of Abnormal Child Psychology*, 2010, no. 38, pp. 197–209.
15. Mulford W., Silins H., Leithwood K. A. Educational leadership for organisational learning and improved student outcomes. New York, Springer, 2004. 282 p.
16. Pelton J., Gound M., Forehand R., Brody G. The moral disengagement scale: extension with an American minority sample. In: *Journal of Psychopathology and Behavior Assessment*, 2004, no. 26, pp. 31–39.
17. Paciello M., Fida R., Tramontano C., Lupinetti C., Caprara G. V. Stability and change of moral disengagement and its impact on aggression and violence in late adolescence. In: *Child Development*, 2008, no. 79, pp. 1288–1309.
18. Smetana J. G., Campione-Barr N., Metzger A. Adolescent development in interpersonal and societal contexts. In: *Annual Review Psychology*, 2006, no. 57, pp. 255–284.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-013-00823 А. «Личностные и когнитивные факторы использования подростками механизмов морального самооправдания девиантного поведения (буллинга и кибербуллинга) в условиях информационной социализации».

ACKNOWLEDGMENTS

The work is executed at financial support of the Russian Foundation for basic research, project No. 19-013-00823 A. “Personal and cognitive factors of moral self-justification mechanisms of deviant behavior (bullying and cyber bullying) in process of informational socialization in adolescence”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Молчанов Сергей Владимирович – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: s-molch2001@mail.ru

Алмазова Ольга Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова;
e-mail: almaz.arg@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey V. Molchanov – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., associate professor of the Department of developmental psychology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: s-molch2001@mail.ru;

Olga V. Almazova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., associate professor of the Department of developmental psychology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: almaz.arg@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Молчанов С. В., Алмазова О. В. Особенности использования механизмов моральной свободы подростков в различных этнокультурных условиях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 63–74.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-63-74

FOR CITATION

Molchanov S. V., Almazova O. V. Features of using teenagers' mechanisms of moral freedom in various ethno-cultural conditions. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 63–74.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-63-74

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-75-81

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ВРАЧЕЙ К ВОЗНИКНОВЕНИЮ ПАНДЕМИИ

Овсяник О. А.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель. Выявить особенности адаптации врачей к возникновению пандемии после прохождения острой стадии эпидемии.

Процедура и методы. Автором проведён опрос по авторской методике, определяющей специфику адаптации врачей г. Москвы в период пандемии по истечению 2,5 месяцев после начала эпидемии. В исследовании приняли участие врачи, работающие в «красной зоне» с больными, контактирующие с заражёнными, и врачи, ожидающие работы в «красной зоне».

Результаты. Проведённый опрос показал, что врачи испытывают тревогу по поводу эпидемии COVID-19. Более высокий показатель тревоги присутствует у врачей в возрасте 35–40 лет, а низкий – у врачей 50–60 лет. На фоне низкого показателя тревожности врачи, находящиеся в резерве, констатируют у себя депрессию. Врачам нужна психологическая помощь, но они не хотят обращаться за помощью к психологам и предпочитают принятые в обществе средства снятия стресса.

Теоретическая и/или практическая значимость. Автору удалось обновить сведения об особенностях адаптации врачей к эпидемии COVID-19 относительно врачей, работающих в мегаполисе с максимальным количеством инфицированных больных.

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, эпидемия, врачи, адаптация, красная зона, психологическое состояние

SOCIO-PSYCHOLOGICAL SPECIFIC OF DOCTORS' ADAPTION TO THE PANDEMIC

O. Ovsyanik*Moscow State Regional University**24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation***Abstract.**

Aim. To identify the peculiarities of doctors' adapting to the emergence of the pandemic after passing through the acute stage of the epidemic.

Methodology. The author conducted a survey on the author's method, determining the specifics of Moscow doctors' adaptation 2.5 months since the beginning of the epidemic. The participants of the research were: the doctors working in the "red zone" and contacting the infected people, as well as the doctors waiting for their turn to work there.

Results. The survey showed that the doctors worry about the COVID-19 epidemic. The anxiety rate is higher among the doctors aged 35–40, and it is lower among those who are in their 50–60s. Despite having low anxiety rate, the doctors in reserve state that they suffer from depression. Doctors need

psychological care but they don't want to ask psychologists for help and prefer to resort to the anti-stress means widely-spread in the society.

Research implications. The author managed to update the information about the peculiarities of doctors' adaptation to the COVID -19, relative to the doctors working in the metropolis with the maximum number of infected patients.

Keywords: pandemic, COVID-19, epidemic, doctors, adaptation, red zone, psychological state

Введение

Новое инфекционное заболевание COVID-19 оказалось страшнее, чем предполагали медицинские работники, работающие в инфекционных отделениях, тем более к ним оказались не готовы медицинские работники иных отделений, не связанных с инфекциями.

Период вспышки COVID-19, который, по подсчётам врачей, должен был быть не более пары месяцев, продлился более чем на полгода и вызвал много смертей молодых и относительно здоровых людей. Конечно, многие врачи оказались не готовы к такому повороту событий, к перепрофилированию и работе в красной зоне в качестве инфекционистов или реаниматологов, так как они являются специалистами иных направлений: хирурги, гинекологи и др.

Возникли условия, когда одновременно присутствует ряд факторов, оказывающих влияние на их психическое здоровье:

- 1) беспрецедентная потенциально угрожающая жизни ситуация с неопределённой продолжительностью;
- 2) широкомасштабные карантинные меры во всех крупных городах, которые, по сути, ограничивают жителей пребыванием в своих домах;
- 3) неопределённый инкубационный период вирусной инфекции и её возможная бессимптомная передача;
- 4) сообщения о нехватке медицинских средств защиты;
- 5) неустойчивый информационный фон с переизбытком противоречивой информации;
- 6) неопределённость, связанная с влиянием коронавирусной инфекции COVID-19 на экономическую ситуацию в стране [5].

Данные обстоятельства провоцируют экзистенциальный кризис, обостряют проблемы жизни и смерти [1]. Врачам в экстренном порядке приходится психологически адаптироваться к изменившимся условиям, потому что, по мнению С. Тэйлора, пандемия – это, по сути, психологическое явление [6]. Она вызвана не только заражением людей, но и распространением вируса, напрямую обусловленным поведением человека, вызывает панику и растерянность [3].

Рассматривая пандемию как социально-психологическое явление, О. А. Ульянова выделила этапы изменений психики врачей:

1. Индивидуальное осмысление и оценка степени угрозы воздействия пандемии на каждого человека, его близких и родных.
 2. Осознание происходящего, принятие ситуации, мобилизация, психологическое напряжение и готовность к возможным вызовам.
 3. Психологическое преодоление как индивидуальный и коллективный способ взаимодействия с экстремальной ситуацией в соответствии с её логикой, жизненной значимостью и социально-психологическими возможностями человека и общества.
 4. Стабилизация и постепенное возвращение к прежнему образу жизни, но с качественными психологическими, экзистенциальными новообразованиями, предполагающими изменение системы мотивационно-ценностных, смысловых ориентиров, краткосрочного и долгосрочного жизненного планирования [6].
- На начальном этапе возникновения пандемии медицинские работники в большинстве случаев выказывали: боязнь

заражения себя, своих близких, коллег, чувство неуверенности в себе, стигматизацию, потерю контроля над ситуацией, высокие уровни стресса, симптомы тревоги и депрессии, которые способствовали снижению желания работать и возникновению мыслей об увольнении. Возникающие проблемы с психическим здоровьем у медицинских работников в период эпидемий могут иметь долгосрочные последствия. При этом в качестве факторов, препятствующих возникновению проблем с психическим здоровьем, у врачей часто возникает агрессия как реакция на бессилие [4].

Большое значение в адаптации врачей к ситуации пандемии имеют их собственное состояние здоровья, их гормональный фон, подверженность возрастным изменениям и психологические особенности [2], а также их психологическое благополучие [7; 8; 9; 10].

Результаты авторского исследования

Для выявления особенностей адаптации врачей к условиям пандемии после её подъёма и стабилизации ситуации нами был проведён опрос врачей по авторской методике. В исследовании приняли участие 70 врачей г. Москвы в возрасте от 35 до 60 лет, из них 42,9% женщины и 48,1 – мужчины. Работали в «красной зоне» – 40%, работали с пациентами, контактными с заражёнными COVID-19 – 35,7%, и были готовы встретить больных с COVID-19 (находились в резерве) – 24,3%. Врачи, работающие в «красной зоне», находились в стационаре круглосуточно, врачи, работающие с контактными пациентами, проживали в гостинице и не контактировали с родственниками, и врачи-резервисты проживали дома с семьёй. На период опроса пандемия в России была объявлена уже 2,5 мес., и врачи успели частично адаптироваться к новой для них ситуации. Так как никто из врачей на период опроса не переболел COVID-19, риск заражения у них сохранялся.

На вопрос «*Ощущаете ли вы тревогу по поводу пандемии?*» все врачи отметили её наличие, причём за своё здоровье переживали только 21,4%, за здоровье своих близких – 85,7%, за здоровье пациентов – 60%, за изменение эпидемиологической обстановки в городе – 61,4%. Достоверных различий в группах врачей не наблюдалось. Причём более высокий показатель тревожности наблюдался у врачей в возрасте 35–40 лет, а низкий – у врачей 50–60 лет. Врачи, имеющие большой стаж работы и привыкшие рисковать на рабочем месте, считают ситуацию с пандемией штатной. Они мало верят в то, что заболеют, если будут иметь надёжные средства защиты и соблюдать санитарные нормы. С их слов, тревожность по поводу серьёзности заболевания и неизвестности лечения снизилась, и ситуация медленно изменяется в позитивном направлении.

Состояние депрессии констатировали у себя 28,6% человек, из которых 80% были в резерве на работе в «красной зоне». Вероятнее всего, состояние неизвестности и ожидания является для врачей более стрессовым, чем нахождение в непосредственной близости от больных. Больше всего огорчает врачей, работающих с инфицированными или потенциально инфицированными, отсутствие родных и близких рядом и необходимость проживать далеко от дома уже продолжительное время.

На вопрос «*Изменилось ли ваше психическое состояние после начала объявления пандемии*» были даны следующие ответы: у 72,2% оно осталось неизменным, у 14,3% оно выросло и у 13,5% оно уменьшилось.

Ситуация оказания помощи больным считается врачами штатной, и их беспокоят лишь изменение обычного ритма жизни и неудобство от вынужденного ношения средств индивидуальной защиты (потеющие очки, памперсы, отсутствие индивидуализации из-за костюмов и др.). Уменьшение смертных случаев заболевания работающих в «красной зоне»,

со слов врачей, внушает оптимизм и удовлетворённость от выполненной работы, что компенсирует полученные неудобства.

На вопрос о *способе снятия стресса* 58,6% опрошенных указали алкоголь, 51,4% указали сон, 47,1% указали табакокурение, употребление успокаивающих средств указали 31,4% врачей, занятия спортом – 17,1%. Врачи используют известные им привычные стереотипные способы снятия напряжения. Спортм занимаются молодые врачи, а вот в остальных способах выявленных возрастных закономерностей не выявлено. Из опрошенных врачей никто не общался с психологом или психиатром по личным вопросам – слабо верят в иную непроверенную помощь. Они сами привыкли контролировать ситуацию и считают, что умеют справляться с ней.

Врачи вынуждены жить оторванными от близких или в ожидании этого расставания, иметь бытовые неудобства и при этом оказывать психологическую помощь пациентам и коллегам, а также их родственникам, звонящим по телефону. Переизбыток общения и невозможность жить привычной жизнью повышают уже имеющееся состояние эмоционального выгорания.

Многих врачей огорчает разное отношение к медицинским работникам. Если в других странах врачей считают героями, то в России они испытывают влияние потребительского экстремизма со стороны населения и государства и низкое уважение социума к представителям своей профессии.

Потребность врачей в психологической помощи указали 90% опрошенных, при этом готовых пойти к психологу сейчас оказалось всего 30,2%. Остальные ссылались на занятость и на потребность встречи с близкими, которые им окажут психологическую помощь. С ними никогда не работал психолог, и они скептически относятся к такого рода помощи. Привычка контролировать ситуацию и

вера в медицинские препараты в данном случае являются определяющими. Однако они считают, что психолог нужен пациентам и их родственникам, и самого психолога врачи рассматривают как помощника в оказании помощи.

Основным ресурсом психологического благополучия опрошенные врачи считают: обеспечение средствами индивидуальной защиты на рабочем месте – 92,9%; поддержку руководства – 61,4%; поддержку близких и друзей – 78,6%; обращение к религии – 4,2%; правовую поддержку – 11,4%; достойное отношение общества – 25,7%; физическую активность – 19,3%; материальную поддержку – 22,9%.

Врачи констатируют состояние несправедливости в организациях и нуждаются в поощрении руководства, в оценке их как специалистов администрацией больницы и государством. Им хочется продемонстрировать бескорыстность и укорить тех, кто не уважает труда медицинского работника. Врачи разочарованы в религии всех конфессий и иронически шутят по поводу неё. Материальная поддержка оказывается не лишней, но для врачей, работающих в столице, она менее существенна по отношению к зарплате, чем в регионах.

На вопрос «*Чем врачи будут заниматься после окончания пандемии?*» были получены следующие ответы: продолжать работать планируют 70%, пойдут в отпуск 21,4%, затрудняются ответить 8,5%.

Врачи, работающие в «красной зоне», не считают эту работу подвигом и не относят её к наказанию. Большая часть врачей, трудящихся в «красной зоне», не работали обычно с инфекционными и реанимационными больными, поэтому этот вид деятельности для них не привычен и не желателен. Они хотели бы вернуться к своим привычным обязанностям и работать в той сфере, где они более компетентны. Они не считают, что пандемия их как-то поменяла. В их понимании они просто выполняют свою работу.

Заключение

В новых реалиях, изменившихся после появления пандемии вируса, возникла необходимость адаптироваться к новым социально-медицинским условиям жизни. Именно врачам приходится брать на себя ответственность для решения проблемы эпидемии и лечения больных, но так как такая эпидемия впервые достигла мирового масштаба и все оказались к ней не готовы, врачам первым необходимо адаптироваться к новой ситуации, которая вызывает серьёзные психологические проблемы, нуждающиеся в изучении. Учёт особенностей адаптации на примере врачей г. Москвы поможет организовать условия их жизнедеятельности.

Выводы.

1. После объявления пандемии врачи оказались на переднем крае борьбы с заболеванием, и именно от их работы во многом зависело её течение. Первоначально это было очень неожиданно и вызвало растерянность.

2. Врачи испытывают тревогу по поводу эпидемии COVID-19, и это состояние, с их точки зрения, с момента наступления эпидемии не поменялось у большинства. При этом большая часть из них переживает за здоровье своих близких, эпидемиологическую обстановку,

своих больных и меньше всего за себя. Более высокий показатель тревоги присутствует у врачей в возрасте 35–40 лет, а низкий у врачей 50–60 лет.

3. Врачи в целом имеют низкий уровень депрессии, однако состояние депрессии испытывают врачи, находящиеся в резерве.

4. Врачи считают, что им нужна психологическая помощь, но предпочитают снимать стресс алкоголем, табакокурением, сном, не хотят обращаться за помощью к психологам и не верят в её эффективность.

5. Основным ресурсом психологического благополучия врачи считают обеспечение средствами индивидуальной защиты на рабочем месте, поддержку руководства, близких и друзей. Меньше всего они надеются на религию, правовую и материальную поддержку со стороны государства и изменение отношения к ним со стороны граждан.

6. Врачи в своём большинстве не считают свою работу особенной, сверхтрудной и заслуживающей особого поощрения. После окончания пандемии они и дальше будут продолжать работать и оказывать помощь людям на рабочем месте.

Статья поступила в редакцию 06.08.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова О. В., Шестерня П. А. Стратегия и направления организации медико-психологической помощи в пост-пандемийный период // Сибирское медицинское обозрение. 2020. № 3 (123). С. 1–5.
2. Овсяник О. А. Психологические особенности адаптации женщин к физиологическим изменениям организма // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 1. С. 283–288.
3. Профессиональное выгорание, симптомы эмоционального неблагополучия и дистресса у медицинских работников во время эпидемии COVID-19 / С. С. Петриков, А. Б. Холмогорова, А. Ю. Суроегина, О. Ю. Микита, А. П. Рой, А. А. Рахманова // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 2 (108). С. 8–45.
4. Проявление агрессивного поведения в процессе социально-психологической адаптации личности / О. А. Овсяник, Л. Э. Зотова, Т. И. Шульга, Н. В. Сидячева // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 1. С. 36–47.
5. Структура тревожных переживаний, ассоциированных с распространением – COVID-19: данные онлайн-опроса / М.Ю. Сорокин, Е.Д. Касьянов, Г.В. Рукавишников, О.В. Макаревич, Н.Г. Незнанов, Н.Б. Лутова, Г.Э. Мазо // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2020. № 3. С. 77–84.
6. Ульянова О. А. Социально-психологические риски для человека и общества в условиях панде-

- мии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. 2020. № 2 (52). С. 46–54.
7. Psychological Impact of the COVID-19 Pandemic on Health Care Workers in Singapore / Benjamin Y Q Tan, Nicholas W S Chew, Grace K H Lee, Mingxue Jing, Yihui Goh, Leonard L L Yeo, Ka Zhang, Howe-Keat Chin, Aftab Ahmad, Faheem Ahmed Khan, Ganesh Napoleon Shanmugam, Bernard P L Chan, Sibi Sunny, Bharatendu Chandra, Jonathan J Y Ong, Prakash R Paliwal, Lily Y H Wong, Renarebecca Sagayanathan, Jin Tao Chen, Alison Ying Ying Ng, Hock Luen Teoh, Cyrus S Ho, Roger C Ho, Vijay K Sharma // Free PMC article. *Ann Intern Med*;173(4): 317-320. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32251513/> (дата обращения: 06.04.2020).
 8. Public perceptions and experiences of social distancing and social isolation during the COVID-19 pandemic: A UK-based focus group study [Электронный ресурс] / S. N. Williams, Ch. J. Armitage, T. Tampe, K. Dienes // Free PMC article *BMJ Open*. 2020 Jul 20;10(7): e039334. doi: 10.1136/bmjopen-2020-039334. URL: <https://doi.org/10.1101/2020.04.10.20061267> (дата обращения: 20.07.2020).
 9. Taylor S. *The Psychology of Pandemics: Preparing for the Next Global Outbreak of Infectious Disease*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2019. 178 p.
 10. Xiang Y.-T. Timely mental health care for the 2019 novel coronavirus outbreak is urgently needed [Электронный ресурс] // *The Lancet Psychiatry*. 2020. № 7. URL: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30046-8](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30046-8) (дата обращения: 07.07.2020).

REFERENCE

1. Volkova O. V., Shesternya P. A. [Strategy and directions of the organization of medical and psychological care in the post-pandemic period]. In: *Sibirskoe meditsinskoe obozrenie* [Siberian Medical Review], 2020, no. 3 (123), pp. 1–5.
2. Ovsyanik O. A. [Psychological features of women]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2012, no. 1, pp. 283–288.
3. Petrikov S. S., Kholmogorova A. B., Suroegina A. Yu., Mikita O. Yu., Roy A. P., Rakhmanova A. A. [Occupational burnout, symptoms of emotional distress and distress in healthcare workers during the COVID-19 epidemic]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2020, vol. 28, no. 2 (108), pp. 8–45.
4. Ovsyanik O. A., Zotova L. E., Shulga T. I., Sidyacheva N. V. [Manifestation of aggressive behavior in the process of social and psychological adaptation of the personality]. In: *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Contemporary studies of social problems (electronic scientific journal)], 2015, no. 1. pp. 36–47.
5. Sorokin M. Yu., Kasyanov E. D., Rukavishnikov G. V., Makarevich O. V., Makarebich O.V., Nezvanov N.G., Lutova N.B., Mazo G.E. *Struktura trevoznykh perezhivaniy, assotsirovannykh s rasprostraneniem – COVID-19: dannye onlain-oprosa* [The structure of anxious experiences associated with the spread of the COVID-19: data of the online survey]. In: *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta* [Bulletin of the Russian State Medical University], 2020, № 3, pp. 77–84.
6. Ulyanova O. A. [Socio-psychological risks for individuals and society in a pandemic]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series Pedagogy and Psychology], 2020, no. 2 (52), pp. 46–54.
7. Psychological Impact of the COVID-19 Pandemic on Health Care Workers in Singapore / Benjamin Y Q Tan, Nicholas W S Chew, Grace K H Lee, Mingxue Jing, Yihui Goh, Leonard L L Yeo, Ka Zhang, Howe-Keat Chin, Aftab Ahmad, Faheem Ahmed Khan, Ganesh Napoleon Shanmugam, Bernard P L Chan, Sibi Sunny, Bharatendu Chandra, Jonathan J Y Ong, Prakash R Paliwal, Lily Y H Wong, Renarebecca Sagayanathan, Jin Tao Chen, Alison Ying Ying Ng, Hock Luen Teoh, Cyrus S Ho, Roger C Ho, Vijay K Sharma // Free PMC article. *Ann Intern Med*;173(4): 317-320. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32251513/> (accessed: 06.04.2020).
8. Public perceptions and experiences of social distancing and social isolation during the COVID-19 pandemic: A UK-based focus group study [Электронный ресурс] / S. N. Williams, Ch. J. Armitage, T. Tampe, K. Dienes // Free PMC article *BMJ Open*. 2020 Jul 20;10(7): e039334. doi: 10.1136/bmjopen-2020-039334 URL: <https://doi.org/10.1101/2020.04.10.20061267> (accessed: 20.07.2020).
9. Taylor S. *The Psychology of Pandemics: Preparing for the Next Global Outbreak of Infectious Disease*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2019. 178 p.

10. Xiang Y.-T. Timely mental health care for the 2019 novel coronavirus outbreak is urgently needed. In: *The Lancet Psychiatry*, 2020, no. 7. Available at: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30046-8](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30046-8) (accessed: 07.07.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Овсяник Ольга Александровна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: ovsianik@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Ovsyanik – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof. of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University,
e-mail: ovsianik@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Овсяник О. А. Социально-психологические особенности адаптации врачей к возникновению пандемии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 75–81.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-75-81

FOR CITATION

Ovsyanik O. A. Socio-psychological specific of doctors' adaption to the pandemic. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 75–81.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-75-81

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-82-98

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ДАННЫЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сидячева Н. В., Губанов А. В., Зотова Л. Э.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявление социально-психологических детерминант психологического самочувствия респондентов в период пандемии.

Процедура и методы. В исследовании приняли участие жители России, Германии, Италии и Голландии. Данные получены на основании ответов респондентов на 95 вопросов анкеты, разработанной Цюрихским университетом прикладных наук. В содержание анкеты входили не-стандартизированные и стандартизированные шкалы.

Результаты. Выявлено, что психологическое самочувствие респондентов в период пандемии значимо связано с возрастом, условиями проживания и профессиональной деятельности, жизнестойкостью. Выявлены детерминанты психологического самочувствия респондентов, к которым относятся размер площади проживания, жизнестойкость и удовлетворённость респондентов удалённой работой. Существуют культурно-национальные особенности в выраженности перечисленных детерминант.

Теоретическая и/или практическая значимость исследования заключается в выявлении универсальных детерминант и их культурно-национальных особенностей в период пандемии. Результаты исследования могут быть использованы при оказании психологической помощи населению, а также представляют интерес для организации процесса управления удалённой работой сотрудников.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, самоизоляция, психологическое самочувствие, социально-психологические детерминанты, жизнестойкость, удовлетворённость удалённой работой, размер жилья, культурно-национальная специфика

SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF PSYCHOLOGICAL WELL-BEING DURING THE COVID-19 PANDEMIC: DATA FROM AN INTERNATIONAL STUDY

N. Sidyacheva., A. Gubanov, L. Zotova

Moscow Region State University

24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, Moscow Region, 141014, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the socio-psychological determinants of the psychological well-being of respondents during a pandemic.

Methodology. The study involved residents of Russia, Germany, Italy and Holland. The data were obtained on the basis of respondents' answers to 95 questions of the questionnaire developed by the Zurich University of Applied Sciences. The content of the questionnaire included non-standardized and standardized scales.

Results. It was revealed that the psychological well-being of respondents during a pandemic is significant with age, living conditions and resilience. The determinants of psychological well-being of the respondents were identified, which include the size of the area of residence, resilience and satisfaction of respondents with remote work. There are cultural and national characteristics in the severity of the listed determinants.

Research implications. The theoretical and practical significance of the study lies in identifying universal determinants and their cultural and national characteristics during the pandemic. The results of the research can be used in providing psychological assistance to the population, and are also of interest for organizing the process of managing the remote work of employees.

Keywords: covid-19 pandemic, lockdown, psychological well-being, socio-psychological determinants, resilience, satisfaction from remote work, size of living space, cultural and national specifics

Введение

Современное человечество столкнулось с вызовом такого масштаба, который трудно сопоставить с каким-либо событием нескольких последних десятилетий. Пандемия COVID-19 затронула каждого вне зависимости от пола, национальности, места проживания, вероисповедания, цвета кожи, принадлежности к социальной страте.

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию, вызванную новым типом коронавируса, последовавшая вслед за этим вынужденная самоизоляция в корне изменила обычный уклад жизни и профессиональной деятельности людей, отразившись на их самочувствии, взглядах, способах обустройства своей повседневной жизни. Произшедшие изменения не могли остаться без внимания психологов, и, несмотря на достаточно небольшой временной период, прошедший с этой даты, международное научное психологическое сообщество успело живо откликнуться на вызов времени.

Обзор отечественных и зарубежных исследований позволяет выделить четыре основных направления, в рамках которых рассматривается данная проблема:

1. Изменения в *психологических характеристиках и поведении* человека в период вынужденной самоизоляции в связи с пандемией коронавируса.

Так, И. О. Логинова констатировала снижение устойчивости жизненного

мира, отсутствующее или ситуативное рефлексивное отношение к собственной жизни, изменение в негативную сторону фона настроения населения [6]; В. В. Макаров отмечает повышение уровня тревоги и панических реакций [7]; Н. В. Чистякова и П. С. Фролова отмечают затруднения респондентов в принятии жизненно-важных решений на фоне неопределённой жизненной перспективы [19]; на повышение уровня психопатологической симптоматики указывают О. М. Бойко, Т. И. Медведева, С. Н. Ениколопов, О. Ю. Воронцова, О. Ю. Казьмина [3; 10]; П. Ву, Х. Лиу, Й. Фанг, Б. Фан, С. Фуллер, И. Литвак и др. изучали проблему длительности стрессового и депрессионного влияния эпидемий и установили, что это влияние может длиться до трёх лет, а во многих случаях приводит к устойчивой зависимости от алкоголя или наркотиков [30]; С. Мазза, Е. Рисци, С. Бионди исследовали подверженность различных групп населения стрессу и депрессии в зависимости от личностных свойств, гендерной принадлежности, накопленных медицинских проблем и других характеристик [24].

2. Эффекты влияния ситуации вынужденной самоизоляции на изменения в *учебно-профессиональной деятельности*.

Пандемия в корне поменяла условия профессиональной деятельности и обучения. Как отмечает международное агентство BATCh Architectura, в ближайшие 12–18 месяцев мы увидим пере-

мены, которые при прочих условиях заняли бы 5–10 лет. Произошедшие изменения в сфере образования и трудовой деятельности описали Н. С. Крамаренко [4], Н. В. Сидячева, Л. Э. Зотова [13], Г. В. Абрамян, Г. Р. Катасонова [1], Л. Б. Шнейдер [20], Н. В. Самоукина [12] и др. А. Босар исследовала проблемы, связанные с массовым переходом населения на удалённую работу, в частности возможные причины стрессов и методы их предупреждения работниками [21]. К. Прасад, Р. Ваидя и др. отмечают, что рабочий стресс и удалённая работа связаны с уровнем психологического благополучия сотрудников организаций [26]. В. Шулте перечисляет ряд достоинств дистанционного режима работы и считает, что она повышает производительность трудовой деятельности и делает более комфортабельным образ жизни работающих [28].

3. Значение условий окружающей среды как фактора психологической поддержки личности в нестабильных условиях.

На изменения в восприятии человеком социальной и природной среды во время пандемии указывала Н. К. Гаврильева [2]; в исследовании Е. И. Первичко, О. В. Митиной, О. Б. Степановой, Ю. Е. Конюховской, Е. А. Дорохова отмечается, что люди с небольшим денежным доходом имеют наибольший уровень стресса и тревожности в период пандемии [8]; недостатки современной урбанистической модели расселения в период пандемии рассматривает А. Г. Фарков [16]; В. Шулте указывает на важную роль условий проживания человека в достижении эффективности дистанционной работы [28].

4. О роли психотерапевтической помощи населению как в период пандемии, так и в ближнем и отдалённом будущем говорил В. В. Макаров [7], на необходимость организованного цифрового мониторинга психологического состояния общества указывают О. С. Дейнека, Г. С. Мельник, Л. Н. Духанина, А. А. Максименко [11];

организацию дистанционной психологической поддержки населению в период самоизоляции рассматривали О. Е. Крахмалева, К. Н. Кузьмина, И. М. Ермолова [5].

Другой модус в рассмотрении проблемы влияния ситуации самоизоляции в период пандемии на личность заключается в дихотомии её *позитивного / негативного воздействия*.

Ряд учёных отмечает позитивную роль пандемии как события, дающего новые возможности для человека и общества (В. В. Макаров, А. Д. Похилько, Н. М. Шабашова), как осознания нового опыта и укрепления ценности человеческого общения (Е. А. Сорокоумова, Е. Б. Пучкова, Л. В. Темнова) [7; 9; 14]. Ситуация самоизоляции, по мнению А. Э. Хасуева, обращает человека к самому себе как в физическом, так и в философском контексте [18]; Ю. Н. Феденок и В. Н. Буркова рассматривают социальную изоляцию как акт гражданского альтруизма [17].

В то же время О. А. Ульянина рассматривает пандемию как ситуацию социально-психологических рисков, которые следует принять как данность сегодняшнего дня [15]; для Ж. Фиедорович пандемия – блокатор базовых потребностей людей [22].

Внимательное рассмотрение вышеописанных научных направлений позволяет констатировать, что целый ряд социально-психологических детерминант оказывает влияние на психологическое самочувствие человека в период пандемии. При этом они могут иметь различную степень нагрузки на человека, формировать континуум самочувствия от благоприятного до неблагоприятного и во многом определять степень потребности человека в психологической помощи. У людей существует огромный индивидуальный потенциал в способности сопротивляться социальной изоляции и стрессу, учитывая сочетание различных детерминант: возраста, пола, состояния

здоровья, уровня жизнестойкости, удовлетворённости качеством жилья, местом проживания, возможности работать дистанционно, удовлетворённости от такой формы работы, степени получения поддержки от коллег и руководителя и т. д.

По мере накопления психологического знания о влиянии ситуации пандемии на жизнь человека возрастает интерес к комплексным и межнациональным исследованиям, позволяющим выявлять как общие, так и частные (с учётом культурно-национальной специфики страны) детерминанты, определяющие самочувствие человека в этой нестандартной ситуации.

В частности, предпринятое нами исследование касается сразу трёх основных направлений изучения эффектов пандемии: психологических характеристик личности, особенностей профессиональной деятельности в удалённом режиме и роли окружающей среды как фактора психологической поддержки личности в нестабильных условиях.

Целью предпринятого исследования стали выявление социально-психологических детерминант, влияющих на психологическое самочувствие личности в период самоизоляции в условиях пандемии, и оценка культурно-национальной специфики изучаемой проблемы.

В ходе исследования ставились следующие **задачи**:

- 1) выявление общих социально-психологических детерминант, влияющих на психологическое состояние респондентов в условиях пандемии;
- 2) выявление культурно-национальной специфики влияния социально-психологических детерминант на самочувствие представителей различных стран в период пандемии.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось в 4 странах – в России, Германии, Италии и Голландии в апреле 2020 г. Респондентам было предложено заполнить опросник,

разработанный Цюрихским университетом прикладных наук (Zurich University of Applied Sciences). Опросник направлен на респондентов, осуществляющих профессиональную деятельность в режиме удалённой работы. В связи с эпидемиологической обстановкой анкеты респондентам предъявлялись в электронной форме. Необходимо отметить, что опрос проводился на начальном периоде самоизоляции, в ситуации отсутствия соответствующего диагностического инструментария, и разработанный опросник является одним из первых созданных для скрининга психологического самочувствия личности в период пандемии. В организации исследования также принимали участие Третий университет Рима (Universita Roma Tre), Университет прикладных наук Ханзе (Hanze University of Applied Sciences) и Московский государственный областной университет.

Суммарно в тестировании приняли участие 646 человек. Однако не всегда данные всех респондентов использовались в работе, часть из них выбраковывалась при решении отдельных задач исследования. Вынужденная выбраковка данных осуществлялась тогда, когда применяемые методы анализа требовали их полноты. В этом случае из исследования исключались результаты тех респондентов, которые отвечали не на все вопросы, так как отсутствие ответов не позволяло вычислить сырые тестовые баллы по всем анализируемым переменным.

Участникам было задано 95 вопросов. Все вопросы на русский язык переводились при участии квалифицированных переводчиков и психологов-экспертов. На некоторые из них предлагалось выбрать ответ из ограниченного списка (например, при указании пола). На некоторые – дать числовой ответ (например, при указании возраста). Большая же часть вопросов представляла собой пункты, включённые в опросники четырёх стандартизированных и двух нестандартизированных шкал.

В опроснике использовались следующие стандартизированные шкалы:

1. Индекс хорошего самочувствия (WHO-5, Well-Being Index, BO3) применялся для выявления депрессивной симптоматики; русскоязычная версия опросника находится в открытом доступе на сайте psykiatri-regionh.dk¹;

2. Жизнестойкость личности (Resilience RS-11) [27];

1. Организационное командное поведение (Organizational Citizenship Behavior-9) [29];

2. Взаимодействие с руководством (Leader-Member Exchange-7) [23].

Нестандартизированные шкалы, использованные в опроснике:

1. Удовлетворённость районом проживания;

2. Удовлетворённость от удалённой работы.

На вопросы предложенных шкал респонденты выбирали числовой ответ, представленный в виде шкалы Лайкерта. По каждой шкале вычислялся сырой тестовый балл как сумма ответов испытуемого на соответствующие вопросы с учётом ключа.

Более подробное описание психологического смысла редко используемых в русскоязычных источниках стандартизированных шкал представлено в таблице 1. Психологический смысл нестандартизо-

Таблица 1 / Table 1

Психологическое содержание шкал опросника / Psychological content of the questionnaire scales

Шкала	Психологическое содержание	Источник
Самочувствие личности	Состояние испытуемого в последние две недели перед тестированием: чувство удовлетворённости, настроение, спокойствие, расслабленность/энергичность, активность и насыщенность жизни интересными вещами.	Psychiatric Research Unit WHO Collaborating Centre in Mental Health
Жизнестойкость (Resilience)	Характеризуется как «способность психики сопротивляться», представляет собой явление, при котором некоторые люди, несмотря на выраженные нагрузки и риски для здоровья, могут сравнительно легко восстановиться, в то время как другие, находясь в сопоставимых условиях, становятся особенно уязвимы для различных нарушений и заболеваний. Жизнестойкость может рассматриваться как противоположное явление уязвимости личности. Жизнестойкость как черта личности характеризуется как источник психической устойчивости человека к нагрузкам и опасным для здоровья, рискованным условиям жизни.	Resilience RS-11 [27]
Организационное командное поведение (Organizational Citizenship Behavior)	Определяется как поведение сотрудников, направленное на процветание организации. Такие сотрудники действуют добровольно и самоотверженно для достижения целей команды и организации. Часто поведение такого рода описывается как выходящее за рамки служебных обязанностей сотрудников и приносящее пользу в первую очередь организации или коллегам, а не им лично. Стремление и способность работать в команде характеризуется пятью типами поведения:	

¹ Psykiatri-regionh.dk. URL: https://www.psykiatri-regionh.dk/who-5/Documents/WHO5_Russian.pdf (дата обращения: 20.07.2020).

Шкала	Психологическое содержание	Источник
	1. Альтруистическое (Altruism) – поведение, направленное на других индивидов, вносящее вклад в эффективность организации (например, помощь другим коллегам и посвящение своего свободного времени другим сотрудникам или коллективу и т.д.); 2. Сознательное (Conscientiousness) – поведение, усиливающее эффективность как отдельного человека, так и группы (например, эффективное использование времени и выход за пределы минимальных ожиданий от сотрудника и т.д.); 3. Честное (Sportsmanship) – поведение, способствующее тому, что увеличивается количество времени на конструктивное решение проблем организации (например, путём избегания жалоб и нытья и т.д.); 4. Предупредительное (Courtesy) – помощь в предупреждении проблем и эффективного распределения времени (например, подача и обмен информацией, напоминания и т.д.); 5. Ценностное (Civic Virtue) – продвижение интересов организации (например, работа в комитетах, общественная нагрузка и т.д.).	Н. Сингх, Б. Колекар. [29]; Д. Орган, М. Коновски [25].
Взаимодействие сотрудника с руководством (Leader-Member Exchange)	Взаимодействие сотрудника с руководством определяется как межперсональный механизм, который опосредует отношение между рядовым членом коллектива и руководством. Высококачественное взаимодействие характеризуется взаимным доверием, уважением и обязательствами, которые создают особого рода отношения в диаде «сотрудник – руководитель», способствующие повышению профессиональных компетенций работника. Низкокачественное взаимодействие развивается в рамках обозначенных ролей и договорных отношений, которые базируются на иерархии и дистанции между сторонами. Качество отношений во многом определяет направленность сотрудника на совершенствование профессиональных компетенций и решение сложных задач (mastery orientation). Такие сотрудники мотивированы выстраивать с руководителем доверительные и уважительные отношения, для них руководитель выступает как ценный источник информации, знаний и опыта, что важно для повышения своих профессиональных навыков. Руководитель, в свою очередь, может оказать поддержку, снабдить сотрудника необходимыми ресурсами для дальнейшего совершенствования его профессиональных навыков.	О. Йанссен, Н. ван Яперен [23].

Источник: составлено авторами по трудам Й. Шумахера, Н. Сингх, Б. Колекара, Д. Органа, М. Коновски, О. Йанссена, Н. ван Яперена [23; 25; 27; 29].

ванных шкал более детально не расшифровывается, поскольку он в достаточной степени понятен из их названий.

При обработке и анализе результатов каждая шкала выступала в качестве отдельной переменной исследования. Вопросы, которые не относились к шкалам, также рассматривались как самостоятельные переменные.

Таким образом, 95 вопросов были сведены к 13 переменным, описывающим характеристики принявших участие в эксперименте респондентов. Эти переменные включают в себя: 1) страну; 2) пол; 3) возраст; 4) стаж работы; 5) размер семьи; 6) размер жилья; 7) продолжительность работы в дистанционном режиме; 8) самочувствие личности; 9) жизнестойкость; 10) удовлетворённость районом проживания; 11) удовлетворённость от удалённой работы; 12) организационное командное поведение; 13) взаимодействие с руководством.

Анализ данных осуществлялся при по-

мощи пакета статистических компьютерных программ SPSS 10.0.

Первой из задач, которая решалась в исследовании, было выявление общих для всех социально-психологических детерминант, влияющих на психологическое состояние человека в условиях пандемии. Психологическое состояние описывалось переменной «самочувствие личности», остальные переменные рассматривались как описания возможных социально-психологических детерминант.

Для отбора детерминант и выявления вклада каждой из них в психологическое состояние был использован метод линейной регрессии. Применение этого метода требует полноты анализируемых данных, поэтому из выборки были исключены результаты респондентов, не ответивших на все вопросы. В итоге объём исходной выборки сократился до 140 человек. Обобщённое описание переменных (кроме переменных «страна» и «пол») по данным этой выборки представлено в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

**Описательная статистика переменных для выборки в 140 испытуемых /
Descriptive statistics of variables for the sample of 140 participants**

Переменные	Среднее	Стандартное отклонение	Асимметрия и стандартная ошибка		Экссесс и стандартная ошибка	
Продолжительность работы в дистан. режиме	3,28	,73	,413	,205	,132	,407
Возраст	45,13	9,67	-,605	,205	-,129	,407
Размер семьи	2,09	,40	,801	,205	2,841	,407
Размер жилья	5,23	,92	-1,041	,205	,210	,407
Стаж работы	15,1821	9,3983	,455	,205	-,609	,407
Самочувствие личности	20,9571	4,8039	-,601	,205	,173	,407
Жизнестойкость	64,0214	8,3005	-,617	,205	-,027	,407
Удовлетворённость районом проживания	56,0571	9,5124	-,780	,205	,009	,407
Удовлетворённость от удалённой работы	52,3571	14,4128	-,121	,205	-,502	,407
Организационное командное поведение	35,7286	3,7375	-,112	,205	-,403	,407
Взаимодействие с руководством	38,5714	8,0280	-1,039	,205	,893	,407

Эта выборка включала в себя 84 женщины и 56 мужчин, чей возраст колебался в диапазоне от 21 до 64 лет. Среди испытуемых 30 человек представляли

Россию, 54 – Германию, 41 – Италию и 15 – Голландию.

Для проведения регрессионного анализа прежде всего было необхо-

димо определиться с исходным набором предполагаемых детерминант. Для этого первоначально оценивалась степень взаимосвязи переменной «самочувствие личности» с остальными

переменными. Степень взаимосвязи оценивалась при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Величины этого коэффициента представлены в таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

Матрица корреляций / Correlation matrix

	Самочувствие личности
Продолжительность работы в дистанционном режиме	,051
Возраст	,178*
Размер семьи	-,091
Размер жилья	,216*
Стаж работы	,157
Жизнестойкость	,488**
Удовлетворённость районом проживания	,170*
Удовлетворённость от удалённой работы	,534**
Организационное командное поведение	,179*
Взаимодействие с руководством	,396**

* корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя)

** корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя)

Из таблицы 3 видно, что с самочувствием личности значимо коррелируют лишь 7 переменных: возраст, размер жилья, жизнестойкость, удовлетворённость районом проживания, удовлетворённость от удалённой работы, приверженность организации и сработанность с руководством. Эти переменные и были включены в исходный набор детерминант для регрессионного анализа.

Из таблицы 2 видно, что переменные из исходного набора имеют показатели асимметрии и эксцесса по модулю либо практически не отличающиеся от 1, либо даже меньше, что позволяет признать их распределения близкими к нормальному (Наследов, 2013) и применять для их анализа метод простой линейной регрессии.

Анализ данных с использованием простой линейной регрессии осуществлялся при помощи обратной пошаговой процедуры. Результаты анализа показали, что в качестве детерминант «самочувствия

личности» следует рассматривать «удовлетворённость от удалённой работы», «жизнестойкость» и «размер жилья». Остальные переменные практически никак не влияют на самочувствие личности в контексте пандемии и тех новых требований, которые предъявляются ею психологическим возможностям человека.

Коэффициент множественной корреляции (R) «самочувствия личности» с её детерминантами оказался равным 0,653, т. е. коэффициент множественной детерминации модели $R^2 = 0,427$, это означает, что не менее 42% дисперсии данных «самочувствия личности» объясняются её детерминантами, выделяемыми в модели. Такой результат является приемлемым для регрессионных моделей.

Оценка достоверности регрессионной модели при помощи дисперсионного анализа показала её значимость по критерию Фишера на уровне $p < 0,01$.

Коэффициенты уравнения регрессионной модели представлены в таблице 4.

Таблица 4 / Table 4

Коэффициенты регрессионной модели / Regression model coefficients

Независимые переменные (детерминанты)	Нестандартизованный	Стандартизованный		
	b	β	t	p-значение
(Свободный член)	-2,198		-,759	,449
Размер жилья	,793	,151	2,315	,022
Жизнестойкость	,185	,320	4,449	,000
Удовлетворённость от удалённой работы	,137	,410	5,695	,000

Таким образом, уравнение линейной регрессии имеет вид:

самочувствия личности = 0,137 (удовлетворённость от удалённой работы) + 0,185 (жизнестойкость) + 0,793 (размер жилья) – 2,198.

Все регрессионные коэффициенты, кроме свободного члена, оказались значимо отличными от нуля ($p < 0,05$), что подтверждает достоверность модели и возможность её интерпретации.

Сравнение стандартизованных коэффициентов из таблицы 4 показывает, что наиболее важной детерминантой самочувствия личности является удовлетворённость от удалённой работы (на неё приходится не менее 23% дисперсии, объясняемой моделью), затем идёт жизнестойкость (не менее 16%), затем идёт размер жилья (не менее 3%).

К сожалению, оказалось невозможным построение аналогичных моделей по национальным выборкам в целях их сравнения. Из-за неполноты данных размеры национальных выборок сократились до величин, которые не обеспечивают соблюдения требований к данным, предъявляемым при проведении регрессионного анализа, поэтому национальная специфика психологического переживания периода пандемии исследовалась с применением иных методов.

Для решения второй задачи и выявления культурно-национальной специфики представители разных стран сравнивались по всем переменным, входящим в уравнение регрессии, при помощи однофакторного дисперсионного анализа с

апостериорным сравнением групп по методу Шеффе. Сравнение проводилось по всей выборке в 646 человек. Безусловно, что для некоторых переменных размер выборки сокращался из-за пропуска данных.

Результаты дисперсионного анализа показали, что по всем переменным имеются значимые различия между национальными группами на уровне $p < 0,01$. Характер различий между группами отображён на гистограммах, представленных на рисунках 1, 2, 3 и 4. По вертикальным осям на этих гистограммах откладываются сырые тестовые баллы.

Из гистограммы на рисунке 1 видно, что наименьший результат по переменной «самочувствие личности» демонстрирует Россия ($n = 79$, n – размер выборки). По этому показателю она значимо отличается от трёх остальных стран (Германия $n = 284$, $p < 0,01$; Голландия $n = 65$, $p < 0,01$; Италия $n = 98$, $p < 0,05$). Германия, Италия и Голландия по этому показателю между собой значимо не различаются.

Из гистограммы на рисунке 2 видно, что наименьший результат по переменной «удовлетворённость от удалённой работы» демонстрирует Россия ($n = 59$), а наибольший – Германия ($n = 211$). По этому показателю Германия значимо отличается от трёх других стран (Россия $p < 0,01$; Италия $n = 81$, $p < 0,01$; Голландия $n = 47$, $p < 0,05$). Россия, Италия и Голландия по этому показателю между собой значимо не различаются.

Из гистограммы на рисунке 3 видно, что наименьший результат по переменной «жизнестойкость» демонстрирует

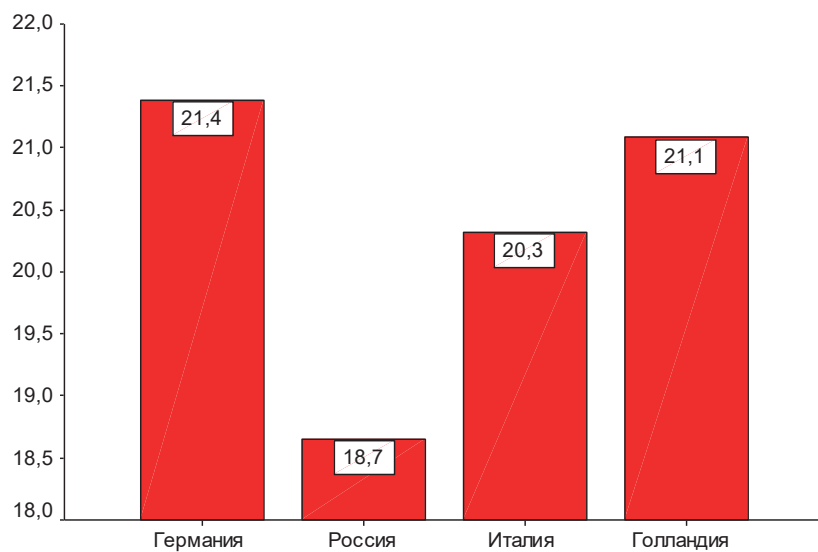

Рис. 1 / Fig. 1. Различия между группами по переменной «Самочувствие личности» / Differences between groups according to the variable "Personal well-being"

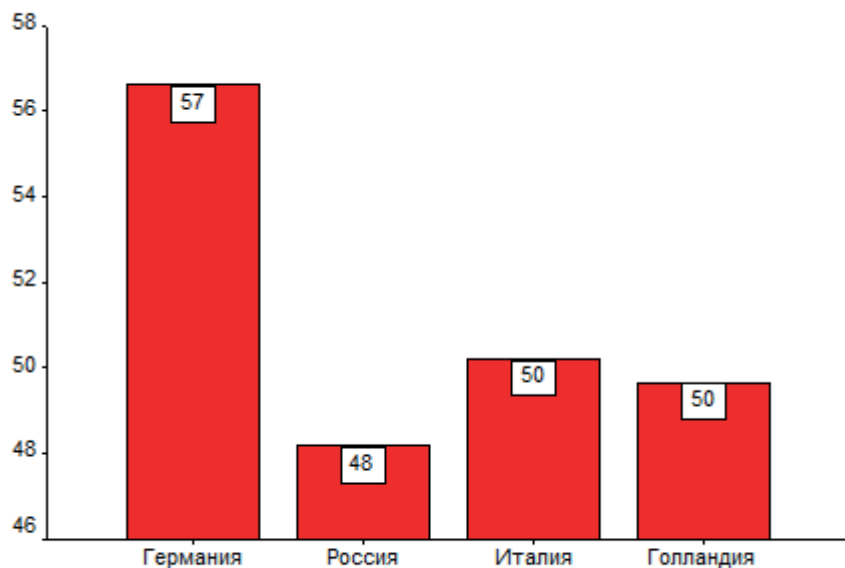

Рис. 2 / Fig. 2. Различия между группами по переменной «Удовлетворённость от удалённой работы» / Differences between groups according to the variable "Satisfaction with remote work"

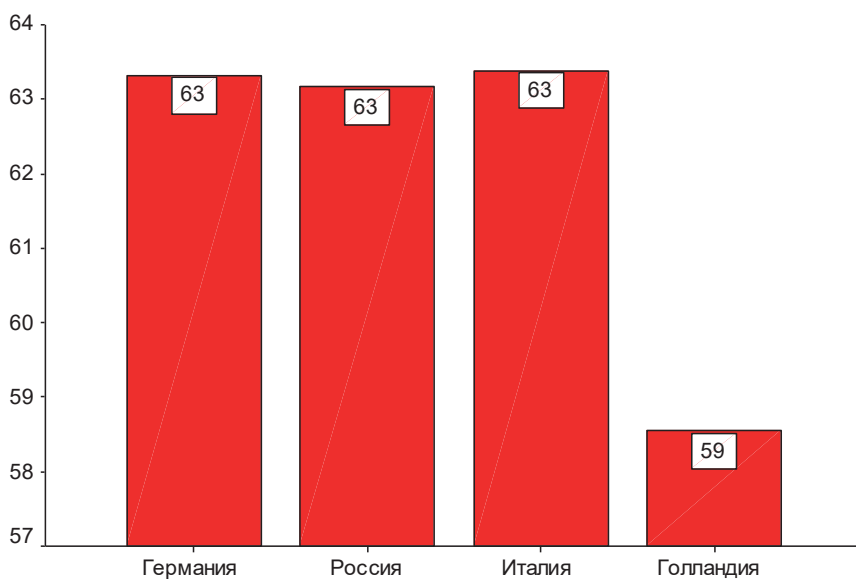

Рис. 3 / Fig. 3. Различия между группами по переменной «Жизнестойкость» / Differences between groups according to the variable “Viability”

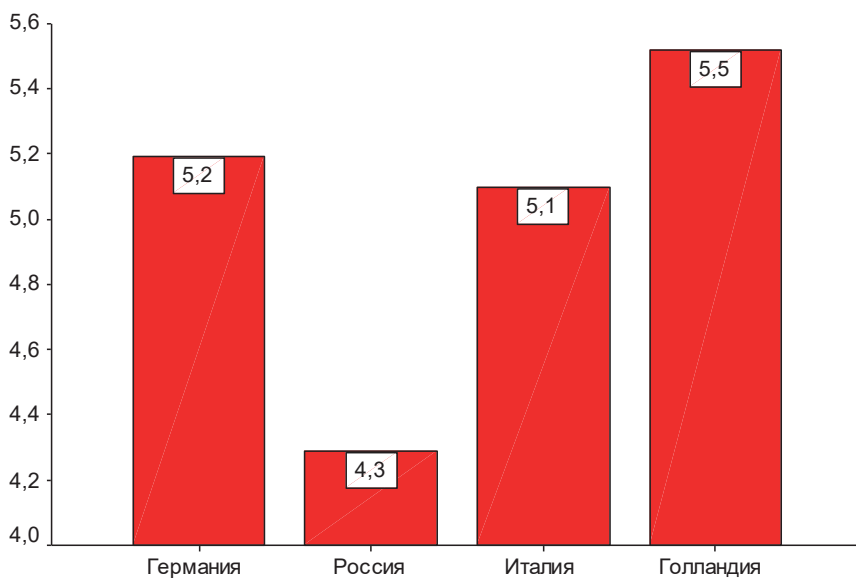

Рис. 4 / Fig. 4. Различия между группами по переменной «Размер жилья» / Differences between groups according to the variable “Housing size”

Голландия ($n = 64$), а три другие страны демонстрируют примерно равные результаты. По этому показателю Голландия значительно отличается от Германии ($n = 282$, $p < 0,01$) и Италии ($n = 98$, $p < 0,01$), но не отличается от России ($n = 77$). В свою очередь, Россия значительно не отличается от Германии и Италии. Такой результат в значимости различий объясняется неодинаковостью выборок по переменной «жизнестойкость» для этих стран. Для России и Голландии эти выборки заметно меньше.

Прежде чем рассматривать результаты, представленные на рисунке 4, следует отметить, что размер жилья опрашиваемые оценивали при помощи следующей шкалы: 2 – жильё менее 30 кв.м; 3 – жильё от 30 до 50 кв.м; 4 – жильё от 50 до 80 кв.м; 5 – жильё от 80 до 120 кв.м, 6 – жильё более 120 кв.м.

Из гистограммы на рисунке 4 видно, что наименьший результат по переменной «размер жилья» демонстрирует Россия ($n = 81$). По этому показателю она значительно отличается от трёх остальных стран ($p < 0,01$). Наибольший результат здесь демонстрирует Голландия ($n = 65$). По этому показателю Голландия значительно отличается от России, Италии ($n = 101$, $p < 0,01$) и Германии ($n = 289$, $p < 0,05$). Германия и Италия по этому показателю между собой значительно не различаются.

Выводы

Анализ психологических исследований показал, что:

1) существует огромный разброс социально-психологических детерминант, влияющих на самочувствие человека в ситуации самоизоляции, вызванной пандемией COVID-19. Несмотря на индивидуализированное воздействие этих детерминант на психическое состояние человека, есть потребность проводить систематизирующие исследования, по-

зволяющие выявлять наиболее значимые социально-психологические детерминанты психологического самочувствия, а также выявлять культурно-национальную специфику их влияния;

2) выявлено, что психологическое самочувствие респондентов, находящихся в ситуации самоизоляции, значимо связано с такими переменными, как возраст респондентов, условия проживания (размер жилой площади, удовлетворённость районом проживания), жизнестойкость, условия профессиональной деятельности (степень удовлетворённости от дистанционной работы, организационное командное поведение сотрудника, способ взаимодействия с руководителем);

3) самочувствие респондентов детерминировано социальными условиями (размер площади проживания), психологическими характеристиками (жизнестойкость) и условиями профессиональной деятельности (удовлетворённость от удалённой работы);

4) существует культурно-национальная специфика выраженности переменной «самочувствие личности». Жители России продемонстрировали более низкие показатели этой переменной по сравнению с жителями Германии, Италии и Голландии.

Сравнение же переменных-детерминант психологического самочувствия личности показало, что уровень жизнестойкости личности примерно одинаков во всех странах, кроме Голландии, где он значительно ниже.

Удовлетворённость от удалённой работы выше в Германии, чем в России, Италии и Голландии.

Наибольший результат по переменной «размер жилья» демонстрирует Голландия. Она значительно превосходит по этому показателю другие страны.

Статья поступила в редакцию 19.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамян Г. В., Катасонова Г. Р. Особенности организации дистанционного образования в вузах в условиях самоизоляции граждан при вирусной пандемии // *Современные проблемы науки и образования* (электронный журнал). 2020. № 3. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29830> (дата обращения: 25.07.2020). DOI: 10.17513/spno.29830.
2. Гаврильева Н. К. Отношения «человек – земля» в период пандемии // *Якутский философский журнал*. 2020. № 4 (9). С. 16–22.
3. Динамика психологических реакций на начальном этапе пандемии COVID-19 / С. Н. Ениколопов, О. Ю. Казьмина, О. Ю. Воронцова, Т. И. Медведева, О. М. Бойко // *Психологическая газета* (электронный научный журнал). 2020. № 2 (12). URL: <https://psy.su> (дата обращения: 25.07.2020).
4. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? / А. В. Абрамов, В. Э. Багдасарян, С. О. Бышок, С. В. Володенков, Д. Г. Евстафьев, В. Г. Егоров, Н. А. Комлева, Н. С. Крамаренко, А. В. Манойло, О. М. Михайленок, А. И. Петренко, В. Ф. Прокофьев // *Вестник Московского государственного областного университета* (электронный журнал). 2020. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 03.07.2020). DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1001
5. Крахмалева О. Е., Кузьмина К. Н., Ермолова И. М. Дистантная медико-психологическая помощь в условиях вынужденной изоляции // *Омский психиатрический журнал*. 2020. № 2-1S (24). С. 11–15. DOI: 10.24411/2412-8805-2020-10202.
6. Логинова И. О. Особенности устойчивости жизненного мира людей в период пандемии COVID-19 // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2020. № 52 (2). С. 183–196. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-52-2-211>.
7. Макаров В. В. Психотерапевтический ракурс пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19 // *Профессиональная психотерапевтическая газета* (интернет-версия). 2020. № 7. URL: <https://oppl.ru/2020-vyipusk-7/makarov-vv-psihoterapevticheskiy-rakurs-pandemii-vyzvannoy-covid-19.html> (дата обращения: 15.07.2020).
8. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года / Е. И. Первичко, О. В. Митина, О. Б. Степанова, Ю. Е. Конюховская, Е. А. Дорохов // *Клиническая и специальная психология* (электронный журнал). 2020. Т. 9. № 2. URL: https://psyjournals.ru/files/114892/cpse_2020_n2_Pervichko_et_al.pdf (дата обращения: 12.08.2020). DOI: 10.17759/cpse.2020090206.
9. Похилько А. Д., Шабашова Н. М. Изменение общественного сознания под влиянием современной пандемии // *Гуманитарные и социальные науки*. 2020. № 2. С. 75–81. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-79-2-75-81.
10. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы / О. М. Бойко, Т. И. Медведева, С. Н. Ениколопов, О. Ю. Воронцова, О. Ю. Казьмина // *Психологические исследования* (электронный журнал). 2020. Т. 13. № 70. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.06.2020).
11. Психологическое состояние общества в условиях пандемии / О. С. Дейнека, А. Максименко, Г. С. Мельник, Л. Духанина // *Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 27 апреля 2020 г.* / под ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза, 2020. С. 194–197.
12. Самоукина Н. В. Как управлять командой в условиях пандемии и кризиса // *Управление развитием персонала*. 2020. № 2. С. 112–115.
13. Сидячева Н. В., Зотова Л. Э. Ситуация вынужденной самоизоляции в период пандемии: психологический и академический аспекты // *Современные наукоемкие технологии*. 2020. № 5. С. 218–225. DOI: 10.17513/snt.38060.
14. Сорокоумова Е. А., Чердымова Е. И., Темнова Л. В. Студенты в период пандемии COVID-19: понимание ситуации самоизоляции // *Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право*. 2020. № 3. С. 196–205. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-18
15. Ульянина О. А. Социально-психологические риски для человека и общества в условиях пандемии // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология*. 2020. № 2 (52). С. 46–54. DOI 10.25688/2076-9121.2020.52.2.05.
16. Фарков А. Г. Новые принципы формирования территориальной структуры расселения: уроки пандемии // *Вектор экономики* (электронный журнал). 2020. № 5. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/5/regionaleconomy/Farkov2.pdf> (дата обращения: 15.07.2020).

17. Феденок Ю. Н., Буркова В. Н. Социальное дистанцирование как альтруизм в условиях пандемии коронавируса: кросс-культурное исследование // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 6–39. DOI: 10.17223/2312461X/28/1.
18. Хасуев А. Э. Социальная изоляция и самоизоляция человека: социально-философский анализ // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2020. № 2. С. 122–128.
19. Чистякова Н. В., Фролова П. С. Субъективный контроль поведения как копинг-ресурс в период пандемии COVID-19 // Международный журнал экспериментального образования. 2020. № 3. С. 53–57. DOI: 10.17513/mjeo.11965.
20. Шнейдер Л. Б. Реальности дистанционного обучения в контексте пандемии // Высшее образование сегодня. 2020. № 7. С. 18–23. DOI: 10.25586/RNU.HET.20.07.P18.
21. Bocar A. COVID-19: Work from Home Related Issues [Электронный ресурс]. [2020]. URL: https://www.researchgate.net/publication/342378800_COVID_19_Work_from_Home_Related_Issues (дата обращения: 20.07.2020).
22. Fiedorowicz J. G. New challenges in the COVID-19 pandemic [Электронный ресурс] // Journal of Psychosomatic Research. 2020. Vol. 133. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2020.110123> (дата обращения: 20.06.2020).
23. Janssen O., Van Yperen N. W. Employees' goal orientations, the quality of leader-member exchange, and the outcomes of job performance and job satisfaction // Academy of Management Journal. 2004. Vol. 47 (3). P. 368–384. DOI: 10.2307/20159587.
24. A nationwide survey of psychological distress among Italian people during the COVID-19 pandemic: immediate psychological responses and associated factors [Электронный ресурс] / C. Mazza, E. Ricci, S. Biondi, M. Colasanti // International Journal of Environmental Research Public Health. 2020. Vol. 17 (9). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7246819> (дата обращения: 20.06.2020). DOI: 10.3390/ijerph17093165.
25. Organ D. W., Konovsky M. Cognitive versus affective determinants of organizational citizenship behaviors // Journal of Applied Psychology. 1989. Vol. 74. P. 157–164.
26. Prasad K., Vaidya R., Mruthyanjaya R. M. Effect of occupational stress and remote working on psychological well-being of employees: an empirical analysis during covid-19 pandemic concerning information technology industry in Hyderabad // Indian Journal of Commerce & Management Studies. 2020. Vol. XI. Iss. 2. URL: <http://www.scholarshub.net/index.php/ijcms/article/view/515/499> (дата обращения: 20.06.2020). DOI: 10.18843/ijcms/v11i2/01
27. Schumacher J., Leppert K., Gunzelmann, T., Strauß, B. & Brähler, E. Die Resilienzskala – Ein Fragebogen zur Erfassung der psychischen Widerstandsfähigkeit als Personmerkmal / J. Schumacher, K. Leppert, T. Gunzelmann, B. Strauß, E. Brähler // Zeitschrift für Klinische Psychologie, Psychiatrie und Psychotherapie. 2005. Vol. 53 (1). P. 16–39.
28. Schulte V. In the home office era, controlling bosses are out // CNNMoney Switzerland: [сайт]. URL: <https://www.cnnmoney.ch/news/in-the-home-office-era-controlling-bosses-are-out> (дата обращения: 01.08.2020).
29. Singh N., Kolekar B. D. Testing reliability of organizational citizenship behavior scale (OCBS) for non-teaching staff in academics // International Journal of Management (IJM). 2015. Vol. 6 (9). P. 55–66.
30. Wu P., Liu X., Fang Y., Fan B., Fuller C. J., Guan, Z., Litvak I. J. Alcohol abuse/dependence symptoms among hospital employees exposed to a SARS outbreak / P. Wu, X. Liu, Y. Fang, B. Fan, C. J. Fuller, Z. Guan, I. J. Litvak // Alcohol & Alcoholism. 2005. Vol. 43 (6). P. 706–712. DOI: 10.1093/alcal/agn073.

REFERENCES

1. Abramyan G. V., Katasonova G. R. [Features of the organization of distance education in universities in conditions of self-isolation of citizens during a viral pandemic]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya (elektronnyi zhurnal)* [Modern problems of science and education (electronic journal)], 2020, no. 3. Available at: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=29830> (accessed: 07.25.2020). DOI: 10.17513/spno.29830.
2. Gavril'eva N. K. [Human-earth relations during a pandemic]. In: *Yakutskii filosofskii zhurnal* [Yakutsk Philosophical Journal], 2020, no. 4 (9), pp. 16–22.
3. Enikolopov S. N., Kazmina O. Yu., Vorontsova O. Yu., Medvedeva T. I., Boyko O. M. [Dynamics of

- psychological reactions at the initial stage of the COVID-19 pandemic]. In: *Psikhologicheskaya gazeta (elektronnyi nauchnyi zhurnal)* [Psychological newspaper (electronic scientific journal)], 2020, no. 2 (12). Available at: <https://psy.su> (accessed: 07.25.2020).
4. Abramov A. V., Bagdasaryan V. E., Byshok S. O., Volodenkov S. V., Evstaf'ev D. G., Egorov V. G., Komleva N. A., Kramarenko N. S., Manoilo A. V., Mikhailenok O. M., Petrenko A. I., Prokof'ev V. F. Pandemia COVID-19: The end of the familiar world? In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 03.07.2020).
 5. Krakhmaleva O. E., Kuz'mina K. N., Ermolova I. M. [Distance medical and psychological assistance in conditions of forced isolation]. In: *Omskii psikhiatricheskii zhurnal* [Omsk psychiatric journal], 2020, no. 2-1S (24), pp. 11–15. DOI: 10.24411/2412-8805-2020-10202.
 6. Loginova I. O. [Features of the sustainability of people's way of living during the COVID-19 pandemic]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev], 2020, no. 52 (2), pp. 183–196. DOI: <https://doi.org/10.25146/1995-0861-2020-52-2-211>.
 7. Makarov V. V. [Psychotherapeutic perspective of the pandemic caused by the new COVID-19 coronavirus infection.]. In: *Professional'naya psikhoterapevticheskaya gazeta (internet-versiya)* [Professional psychotherapeutic newspaper (the Internet version)], 2020, no. 7. Available at: <https://oppl.ru/2020-vyipusk-7/makarov-vv-psihoterapevticheskii-rakurs-pandemii-vyzvannoy-covid-19.html> (accessed: 07.15.2020).
 8. Pervichko E. I., Mitina O. V., Stepanova O. B. [Perception of COVID-19 by Russian population in the context of the 2020 pandemic]. In: *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya (elektronnyi zhurnal)* [Clinical and special psychology (electronic journal)], 2020, vol. 9, no. 2. Available at: https://psy-journals.ru/files/114892/cpse_2020_n2_Pervichko_et_al.pdf (accessed: 12.08.2020). DOI: 10.17759/cpse.2020090206.
 9. Pokhil'ko A. D., Shabashova N. M. [Changing public consciousness under the influence of a modern pandemic]. In: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and social sciences], 2020, no. 2, pp. 75–81. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-79-2-75-81.
 10. Boyko O. M., Medvedeva T. I., Enikolopov S. N., Vorontsova O. Yu., Kazmina O. Yu. [The psychological state of people during the COVID-19 pandemic and the target of psychological work]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya (elektronnyi zhurnal)* [Psychological Research (electronic journal)], 2020, vol. 13, no. 70. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 06.20.2020).
 11. Deyneka O. S., Maksimenko A., Mel'nik G. C. I., Dukhanina L. [The psychological state of society during a pandemic]. In: Gulyaev G. Yu., ed. *Innovatsionnoe razvitiye: potentsial nauki i sovremennogo obrazovaniya: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 27 aprelya 2020 g.* [Innovative development: the potential of science and modern education: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Penza, April 27th, 2020]. Penza, 2020, pp. 194–197.
 12. Samoukina N. V. [How to manage a team in a pandemic and crisis]. In: *Upravlenie razvitiem personala* [Personnel development management], 2020, no. 2, pp. 112–115.
 13. Sid'yacheva N. V., Zotova L. E. [The situation of forced self-isolation during a pandemic: psychological and academic aspects]. In: *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* [Modern high technologies], 2020, no. 5, pp. 218–225. DOI: 10.17513/snt.38060.
 14. Sorokoumova E. A., Cherdymova E. I., Temnova L. V. [Students during the COVID-19 pandemic: understanding the situation of self-isolation]. In: *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo* [Scientific Review. Series 1. Economics and Law], 2020, no. 3, pp. 196–205. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-18.
 15. Ul'yanina O. A. [Socio-psychological risks for individuals and society during a pandemic]. In: *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology], 2020, no. 2 (52), pp. 46–54. DOI 10.25688/2076-9121.2020.52.2.05.
 16. Farkov A. G. [New principles for the formation of the territorial structure of settlement: lessons from the pandemic]. In: *Vektor ekonomiki (elektronnyi zhurnal)* [Vector of Economics (electronic journal)], 2020, no. 5. Available at: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2020/5/regionaleconomy/Farkov2.pdf> (accessed: 07.15.2020).

17. Fedenok Yu. N., Burkova V. N. [Social distancing as altruism during the coronavirus pandemic: cross-cultural study]. In: *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2020, no. 2, pp. 6–39. DOI: 10.17223/2312461X/28/1.
18. Khasuev A. E. [Social isolation and self-isolation of a person: a socio-philosophical analysis]. In: *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov* [Economic and humanitarian studies of regions], 2020, no. 2, pp. 122–128.
19. Chistyakova N. V., Frolova P. S. [Subjective behavior control as a coping resource during the COVID-19 pandemic]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International Journal of Experimental Education], 2020, no. 3, pp. 53–57. DOI: 10.17513/mjeo.11965.
20. Shneider L. B. [The realities of distance learning in the context of a pandemic]. In: *Vysshee obrazovanie segodnya* [Higher education today], 2020, no. 7, pp. 18–23. DOI: 10.25586/RNU.HET.20.07.P.18.
21. Bocar A. COVID-19: Work from Home Related Issues, 2020. Available at: https://www.researchgate.net/publication/342378800_COVID_19_Work_from_Home_Related_Issues (accessed: 20.07.2020).
22. Fiedorowicz J. G. New challenges in the COVID-19 pandemic. In: *Journal of Psychosomatic Research*, 2020, vol. 133. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jpsychores.2020.110123> (accessed: 20.06.2020).
23. Janssen O., Van Yperen N. W. Employees' goal orientations, the quality of leader-member exchange, and the outcomes of job performance and job satisfaction. In: *Academy of Management Journal*, 2004, vol. 47 (3), pp. 368–384. DOI: 10.2307/20159587.
24. Mazza C., Ricci E., Biondi S., Colasanti M. A nationwide survey of psychological distress among Italian people during the COVID-19 pandemic: immediate psychological responses and associated factors. In: *International Journal of Environmental Research Public Health*, 2020, vol. 17 (9). Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7246819> (accessed: 20.06.2020). DOI: 10.3390/ijerph17093165.
25. Organ D. W., Konovsky M. Cognitive versus affective determinants of organizational citizenship behaviors. In: *Journal of Applied Psychology*, 1989, vol. 74, pp. 157–164.
26. Prasad K., Vaidya R., Mruthyanjaya R. M. Effect of occupational stress and remote working on psychological well-being of employees: an empirical analysis during covid-19 pandemic concerning information technology industry in Hyderabad. In: *Indian Journal of Commerce & Management Studies*, 2020, vol. XI, iss. 2. Available at: <http://www.scholarshub.net/index.php/ijcms/article/view/515/499> (accessed: 20.06.2020). DOI: 10.18843/ijcms/v11i2/01.
27. Schumacher J., Leppert K., Gunzelmann T., Strauß B., Brähler E. Die Resilienzskala – Ein Fragebogen zur Erfassung der psychischen Widerstandsfähigkeit als Personmerkmal. In: *Zeitschrift für Klinische Psychologie, Psychiatrie und Psychotherapie*, 2005, vol. 53 (1), S. 16–39.
28. Schulte V. In the home office era, controlling bosses are out. In: *CNNMoney Switzerland*. Available at: <https://www.cnnmoney.ch/news/in-the-home-office-era-controlling-bosses-are-out> (accessed: 01.08.2020).
29. Singh N., Kolekar B. D. Testing reliability of organizational citizenship behavior scale (OCBS) for non-teaching staff in academics. In: *International Journal of Management (IJM)*, 2015, vol. 6 (9), pp. 55–66.
30. Wu P., Liu X., Fang Y., Fan B., Fuller C. J., Guan Z., Litvak I. J. Alcohol abuse/dependence symptoms among hospital employees exposed to a SARS outbreak. In: *Alcohol & Alcoholism*, 2005, vol. 43 (6), pp. 706–712. DOI: 10.1093/alcalc/agn073.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность доктору Кристофу Штайнебаху, директору Школы Прикладной Психологии (Цюрих, Швейцария), и доктору Фолкеру Шульте, менеджеру проектов Университета прикладных наук и искусств (Виндиш, Швейцария), за помощь в организации исследования, а также профессору Класке Ветх (Университет прикладных наук Ханзе, Голландия) и Джузеппе Каррус (Третий университет Рима, Италия) за сотрудничество.

ACKNOWLEDGMENTS

The authors express their gratitude to Dr. Christoph Steinebach, Director of the School of Applied Psychology (Switzerland, Zurich) and to Dr. Volker Schulte, Project Manager of the University of Applied Sciences and Arts (Switzerland, Windisch) for help in organizing the research, as well as to Professor Klaske N. Veth (Hanze University of Applied Sciences, Holland) and Giuseppe Carrus (Universita Roma Tre, Italy) for cooperation.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сидячева Наталья Владимировна – кандидат психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: sidna@bk.ru

Губанов Андрей Валентинович – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: anvagug@gmail.com

Зотова Лариса Эдуардовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета;
e-mail: zolar@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalya V. Sidyacheva – Cand. Sci. (Psychology), Head of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: sidna@bk.ru

Andrey V. Gubanov – Cand. Sci. (Psychology), associate professor of the Department of General and Educational Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: anvagug@gmail.com

Larisa E. Zotova – Cand. Sci. (Psychology), associate professor of the Department of Social Psychology, Moscow Region State University;
e-mail: zolar@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сидячева Н. В., Губанов А. В., Зотова Л. Э. Социально-психологические детерминанты психологического самочувствия в период пандемии COVID-19: данные международного исследования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 82–98.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-82-98

FOR CITATION

Sidyacheva N. V., Gubanov A. V., Zotova L. E. Socio-psychological determinants of psychological well-being during the COVID-19 pandemic: data from an international study. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 82–98.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-82-98

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-99-108

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ БЕСКОНФЛИКТНОГО ОБЩЕНИЯ У РАБОТНИКОВ МЕДИКО-ГЕНЕТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Халфина Р. Р., Дементьева Р. Р., Рогова А. И.

Башкирский государственный университет

450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Формирование навыков бесконфликтного общения у работников медико-генетического центра.

Процедура и методы. Для достижения цели исследования в соответствии с его задачами использованы: опросник на поведение в конфликтной ситуации (К. У. Томас, Р. Х. Килменн, в адаптации Н. В. Гришиной); методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев); сравнительный анализ зависимых и независимых выборок по *t*-критерию Стьюдента. При обработке эмпирических данных использовался статистический пакет фирмы SPSS Statistics 23 для Windows 7.

Результаты. Разработанный тренинг на бесконфликтное общение способствует снижению уровня конфликтности, негативной и позитивной агрессивности, а также выработке конструктивных способов выхода из конфликтной ситуации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Возможность использовать полученные данные в психодиагностической, психокоррекционной работе с сотрудниками трудящихся медицинской сферы.

Ключевые слова: конфликт, медицинские работники, бесконфликтное общение, конфликтная ситуация

FORMATION OF CONFLICT-FREE COMMUNICATION SKILLS AMONG EMPLOYEES OF THE MEDICAL AND GENETIC CENTER

R. Khalfina, R. Dement'eva, A. Rogova

Bashkir State University

32 Zaki Validi ul., Ufa, 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

Abstract

Aim. To develop conflict-free communication skills among employees of the medical and genetic center.

Methodology. To achieve the goal of the study in accordance with its objectives the following methods were used: the questionnaire on behavior in a conflict situation (K. W. Thomas, R. H. Kilmenn, adapted by N. V. Grishina), the method of personal aggressiveness and conflict (E. P. Ilyin, P. A. Kovalev), the comparative analysis of dependent and independent samples according to the student's *t*-criterion. When processing the empirical data, the statistical package from SPSS Statistics 23 for Windows 7 was used.

Results. The developed training for conflict-free communication helps to reduce the level of conflict, negative and positive aggression, as well as to develop constructive ways out of a conflict situation.

Research implications. The possibility to use the obtained data in the psychodiagnostic and psycho-corrective work of employees in the medical field.

Keywords: conflict, medical workers, conflict-free communication, conflict situation

Введение

Общество как целостное образование характеризуется сложной системой отношений – экономических, социальных, политических, нравственных, производственных, родственных, духовных и др. Субъекты этих отношений зачастую преследуют различные цели, порой кардинально противоположные, что приводит к возникновению определённых трудностей в общении, вытекающих в конфликты [1].

Во всех сферах человеческой деятельности при решении самых разнообразных задач в быту, на работе приходится наблюдать различные по своему содержанию и силе проявления конфликты. Они занимают значительное место в жизни каждого человека, поскольку последствия некоторых конфликтов бывают слишком ощутимы на протяжении многих лет жизни [3].

Кардинальные изменения в политической и социально-экономической сферах существенно повлияли на характер отношений между сотрудниками медицинских учреждений и пациентами. Несмотря на констатацию того, что конфликт является неустранимым феноменом в жизни общества, коллектива и каждого человека, обеспечивающим прогресс и их поступательное развитие, конфликтные ситуации в лечебно-профилактических учреждениях оцениваются участниками и сторонними наблюдателями этих процессов как нежелательные, требующие немедленного разрешения. Стресс, возникающий у субъектов конфликтного взаимодействия, осложняет межличностное общение, снижает эффективность проводимого лечения, отрицательно влияет на психофизиологическое состояние медицинских работников, повышает социальное напряжение в среде представителей и получателей медицинских услуг [2].

Анализ прикладной направленности конфликтологических исследований трудовой сферы в России показывает, что изучаются прежде всего проблемы, связанные с менеджментом [4; 7]. В отраслевом разрезе, конфликтологические проблемы преимущественно исследуются в системе образования¹, однако растёт и количество исследований конфликтов, связанных с медицинской сферой [5]. Зачастую эти исследования лишь косвенно затрагивают проблематику психологии труда и выполняются с использованием теоретической базы социальной и педагогической психологии. При этом конфликты в организации могут очень серьёзно снизить эффективность работы, а так как они неизбежны, необходимо уметь с ними справляться [8]. Так, одни из ведущих конфликтологов России А. Я. Анцупов и А. И. Шипилов конфликт определяют как наиболее деструктивный способ развития и завершения значимых противоречий, которые возникают в результате социального взаимодействия, а также борьбу подструктур личности².

В процессе оказания профессиональной медицинской помощи можно выделить триаду отношений «медицинский сотрудник – пациент – общество», где под обществом имеются в виду различные правовые, нравственно-этические, информационные, социальные, экономические отношения и нормы. В этом процессе также можно указать многообразие типов и стратегий социального взаимодействия, к которым можно отнести конкуренцию, кооперацию, конфликт. Конфликт как одна из форм, реализующих социальное взаимодействие, вы-

¹ Хасан Б. И., Сергоманов П. А. Психология конфликта и переговоры: учебное пособие. М., 2004. 192 с.

² Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология: учебник для вузов. СПб., 2008. 496 с.

ступает в качестве интерперсонального способа развития медицинской сферы как социального института¹. А. Рэй и В. Патхак-Рэй также указывают на «увядание» доверия между врачами и пациентами, связанное с неограниченным доступом к информации из интернета, как на одну из причин конфликта [9].

Учёными К. У. Томас, Р. Х. Килманн выделено пять видов конфликтных взаимодействий, к которым относятся:

- соперничество, проявляющееся в открытой борьбе за какие-то ресурсы или интересы;
- сотрудничество, направленное на поиск совместных решений и действий, которые могли бы удовлетворить интересы конфликтующих сторон;
- компромисс, состоящий из уступок и послаблений со стороны субъектов конфликта;
- избегание, характеризующееся попытками уйти от возникновения или возникшего конфликта, не стараясь разрешить ситуацию;
- приспособление, при котором ради разрешения конфликта только одна из сторон уступает в споре [11].

А. В. Дмитриев считает, что вокруг предмета конфликтной ситуации могут различаться две группы причин её (ситуации) возникновения: а) объективные причины, не зависящие от действий и поведения персонала клиники; б) субъективные причины, которые зависели или зависят от медработника².

В целом большинство исследователей считает, что как ситуативные, так и субъективные факторы играют важную роль в детерминации конфликта, и указывают на актуальность данного вопроса. Так, А. А. Реан считает, что чаще обуславливают конфликтность поведения личност-

ные особенности, тогда как ситуативные осуществляют функцию модулятора, определяющего вариативность факторов, в силу которых могут проявиться личностные особенности [6].

Социально-экономические характеристики медицинских работников и их партнёров по конфликтному взаимодействию – пациентов – практически схожи. Различие составляет лишь то, что в конфликт зачастую вступают врачи, которые имеют высокую профессиональную квалификацию. Несмотря на сознательный выбор специальности и внушительный опыт работы с людьми, медицинский персонал по причине невысокой заработной платы, соответствующей лишь уровню прожиточного минимума, находится в состоянии социо-психологического дискомфорта, что влияет на характер взаимоотношений в момент оказания помощи³. К тому же усугубляющим фактором является нередкая на сегодняшний день ситуация, когда врачу приходится защищаться от агрессии пациента или его родственников [10].

Проведя анализ теоретической психологической литературы по проблеме конфликта, в частности, в медицинской сфере, мы пришли к следующим выводам:

- конфликт в трудовом коллективе – осознанное противостояние между его (конфликта) субъектами, которое сопровождается попытками его разрешить с использованием различных стратегий поведения, таких как соперничество, сотрудничество, компромисс, уход и приспособление. При этом выбор стратегии во многом определяется направленностью на интересы и потребности оппонента или на свои собственные интересы и потребности, а также значимостью отношений для субъектов конфликта;
- психологических причин возникновения конфликтов выделяется много. Мы считаем, что необходимо рассматривать причины возникновения конфликтов в комплексе объективных и субъективных

¹ Организация работы участкового врача-психиатра: практическое руководство / В. А. Руженков, Б. М. Полих, А. В. Боева, Ю. А. Короткое; под ред. В. А. Руженкова. Белгород, 2003. 100 с.

² Дмитриев А. В. Конфликтология: учебное пособие. М., 2003. 336 с.

³ Гришина Н. В. Психология конфликта: хрестоматия. 2-е изд., доп. СПб., 2008. 480 с.

факторов, которые могут вносить разный вклад в ту или иную конфликтную ситуацию;

– важнейшей в профилактике межличностных конфликтов в медицинской сфере является содержательная и психологическая подготовка врачей и в целом медицинского персонала к оптимальным действиям в предконфликтных и конфликтных ситуациях.

Таким образом, актуальность исследуемой проблемы определяется как тенденциями развития научного знания, так и существующими потребностями социальной практики.

Цель исследования: формирование навыков бесконфликтного общения у работников медико-генетического центра.

Задачи исследования:

1) систематизация теоретических и эмпирических исследований, рассматривающих особенности проявления конфликтов в медицинских учреждениях;

2) исследование проявления конфликтности у работников медико-генетического центра;

3) разработка тренинговой программы, нацеленной на формирование бесконфликтного общения у работников медико-генетического центра;

4) анализ особенностей реализации программы, нацеленной на формирование бесконфликтного общения у работников медико-генетического центра.

Объект исследования – бесконфликтное общение у работников медико-генетического центра.

Предмет исследования – специфика формирования навыков бесконфликтного общения у работников медико-генетического центра.

Для достижения цели исследования в соответствии с его задачами использованы:

1) опросник на поведение в конфликтной ситуации (К. У. Томас, Р. Х. Килменн, в адаптации Н. В. Гришиной);

2) методика «Личностная агрессивность и конфликтность» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев);

3) сравнительный анализ зависимых и независимых выборок по t-критерию Стьюдента. При обработке эмпирических данных использовался статистический пакет фирмы SPSS Statistics 23 для Windows 7.

Исследование проводилось на базе Медико-генетического центра г. Уфа. В качестве испытуемых выступили медицинские сотрудники в возрасте от 21 до 55 лет. Средний возраст по выборке составил 36 лет. Общее число испытуемых – 60 человек, по 30 в контрольной и экспериментальной группах.

В контрольную группу вошли 30 сотрудников медико-генетического центра в возрасте от 21 до 55 лет со стажем работы от полугода до 30 лет. В группе имеются как состоящие в браке, так и не состоящие в браке участники. У 17 из общего числа участников контрольной группы имеются дети. С контрольной группой была проведена первичная и вторичная психодиагностика, которая проходила в одно время с психодиагностикой участников экспериментальной группы.

В экспериментальную группу вошли 30 сотрудников медико-генетического центра в возрасте от 21 до 55 лет со стажем работы от полугода до 33 лет. В группе также имеются как состоящие в браке, так и не состоящие в браке участники. У 18 из общего числа участников экспериментальной группы имеются дети. С экспериментальной группой была проведена первичная и вторичная психодиагностика, между которыми было осуществлено психологическое воздействие, представленное в виде тренинговой работы на бесконфликтное общение и взаимодействие с другими людьми.

После проведенной первичной психодиагностики и распределения испытуемых в экспериментальную и контрольную группы была реализована серия психологических воздействий на экспериментальную группу в виде тренинга на бесконфликтное общение. По окончании тренинговой работы была проведена повторная психодиагностика испытуемых

как экспериментальной, так и контрольной групп. Чтобы посмотреть различия в полученных данных до и после психологического воздействия, мы использовали сравнительный анализ по t-критерию Стьюдента.

Тренинговая программа составлена с учётом специфики медицинской профессии и работы персонала медико-генетического центра. Тренинг бесконфликтного общения рассчитан на 6 занятий, каждое из которых длится 2 часа (всего 12 часов). Тренинг длился на протяжении трёх недель и проводился 2 раза в неделю. Целью тренинга являются формирование и развитие навыков бесконфликтного общения и взаимодействия, а также конструктивного разрешения возникающих конфликтных ситуаций среди сотрудников медико-генетического центра.

Результаты исследования

Чтобы убедиться в отсутствии значимых различий в выделенных экспериментальной и контрольной группах, мы использовали сравнительный анализ независимых выборок по t-критерию Стьюдента, результаты которого представлены в таблице 1. Как видно из результатов сравнительного анализа, в экспериментальной и контрольной группах не найдено значимых различий. В особенности это касается уровня конфликтности и стратегий поведения в конфликтной ситуации. Видно, что уровень позитивной агрессивности незначительно выше в экспериментальной группе, а негативной агрессивности, наоборот, в контрольной, но данные различия не являются значимыми, т. е. не повлияют на полученные результаты.

Таблица 1 / Table 1

Результаты сравнительного анализа экспериментальной и контрольной группы до психологического воздействия / Results of comparative analysis of the experimental and control groups before psychological impact

	Среднее экспериментальной группы	Среднее контрольной группы	p
возраст	37,50000	35,03333	0,382176
сем. положение	0,70000	0,53333	0,190390
дети	1,20000	0,93333	0,300416
стаж работы	14,46667	14,20333	0,246786
конфликтность	22,50000	22,26667	0,380612
позитивная агрессивность	9,23333	8,66667	0,272929
негативная агрессивность	9,43333	9,76667	0,292565
соперничество	6,66667	6,23333	0,472237
сотрудничество	6,90000	7,10000	0,571398
компромисс	8,06667	7,63333	0,368456
избегание	6,83333	6,83333	1,000000
приспособление	6,06667	6,30000	0,633512

Перейдём к рассмотрению результатов сравнительного анализа в экспериментальной группе, отображённых в таблице 2. Как видно из таблицы 2, уровень конфликтности в экспериментальной группе снизился после психологического воздействия ($p = 0,029529$). Такая же кар-

тина наблюдается и в отношении как позитивной ($p = 0,025297$), так и негативной ($p = 0,000088$) агрессивности. Видно, что негативная агрессивность снизилась в более значительной степени, что указывает на эффективность тренинговой работы и осознание участниками эксперимен-

тальной группы деструктивности таких проявлений, как обида, месть, подозрительность и вспыльчивость. При этом как негативные, так и позитивные проявления конфликтности всё же остались на примерно одинаковом уровне между собой, т. е. произошло снижение не только негативных тенденций в агрессивных проявлениях, но и позитивных, к которым относятся упрямство, напористость и неуступчивость. Как нам кажется, в условиях работы Медико-генетического центра высокий уровень даже позитивной агрессивности может иметь отрицательные последствия во взаимодействии не только сотрудников и пациентов центра, но и персонала между собой, что и обуславливает его снижение в результате тренинговой работы.

В таблице 2 также видны выявленные различия в таких стратегиях поведения в конфликтной ситуации, как сотрудничество ($p = 0,001541$) и компромисс ($p = 0,003361$), т. е. использование стра-

тегии сотрудничества стало более выраженным после тренинговой работы, тогда как частота применения стратегии компромисса стала меньше. Сотрудничество считается наиболее конструктивным способом разрешения конфликтных ситуаций, так как направлено не на простые уступки друг другу, а на взаимодействие, активное обсуждение и поиск оптимального решения. Учитывая взаимозависимость пациента и врача, а также медицинского персонала между собой, стратегия сотрудничества в большей мере будет способствовать положительному исходу конфликтных ситуаций, поэтому в тренинговой работе было уделено внимание не только уровню конфликтности в целом и её снижению, но и выработке конструктивных и эффективных паттернов поведения и стратегий в ситуациях конфликтного взаимодействия, что и обуславливает полученные результаты.

Снижение выраженности использования стратегии компромисса может быть

Таблица 2 / Table 2

Результаты сравнительного анализ до и после психологического воздействия в экспериментальной группе / Results of comparative analysis before and after psychological impact in the experimental group

	Среднее	Стд. откл	p
конфликтность	22,50000	5,905871	
Конфликтность 2	21,50000	4,023637	0,029529
позитивная агрессивность	9,23333	2,160513	
позитивная агрессивность 2	8,80000	1,710011	0,025297
негативная агрессивность	9,43333	2,674056	
негативная агрессивность 2	8,10000	1,688705	0,000088
соперничество	6,66667	2,279343	
соперничество 2	6,50000	2,129432	0,057307
сотрудничество	6,90000	1,348051	
сотрудничество 2	7,33333	1,268541	0,001541
компромисс	8,06667	1,720732	
компромисс 2	7,50000	1,383399	0,003361
избегание	6,83333	1,858500	
избегание 2	6,60000	1,476249	0,069843
приспособление	6,06667	1,617434	
приспособление 2	5,83333	1,391683	0,069843

детерминировано именно выбором стратегии сотрудничества в похожих ситуациях. Данный результат также говорит об осознании участниками экспериментальной группы положительных и отрицательных аспектов каждой из используемых стратегий в конфликтной ситуации, а также о выработке навыков эффективного их использования.

Теперь перейдём к рассмотрению сравнительного анализа контрольной группы, отображённого в таблице 3. Из таблицы 3 видно, что в контрольной группе не выявлено значимых различий между первичными и вторичными данными, а это говорит о валидности полученных данных и проведённого эксперимента.

Уровень конфликтности и показатели негативной агрессивности хоть и совсем незначительно, но повысились. Это может быть обусловлено ситуативными показателями либо увеличением количества пациентов в этот период. Тем не менее полученные результаты в контрольной группе говорят в пользу положительных изменений в экспериментальной группе и надёжности полученных данных, т. е. разработанный нами тренинг на бесконфликтное общение и взаимодействие способствует снижению уровня конфликтности, негативной и позитивной агрессивности, а также выработке конструктивных и эффективных способов выхода из конфликтной ситуации.

Таблица 3 / Table 3

Результаты сравнительного анализа до и после психологического воздействия в контрольной группе / Results of comparative analysis before and after psychological impact in the control group

	Среднее	Стд. откл	p
конфликтность	22,26667	4,856090	
конфликтность 2	22,43333	4,415360	0,556182
позитивная агрессивность	8,66667	1,787569	
позитивная агрессивность 2	8,53333	1,634400	0,103300
негативная агрессивность	9,76667	2,160513	
негативная агрессивность 2	9,96667	1,794308	0,263811
соперничество	6,23333	2,358891	
соперничество 2	6,23333	2,358891	1,000000
сотрудничество	7,10000	1,373392	
сотрудничество 2	7,10000	1,373392	
компромисс	7,63333	1,973677	
компромисс 2	7,56667	1,887953	0,325582
избегание	6,83333	1,620629	
избегание 2	6,80000	1,606023	0,325582
приспособление	6,30000	2,119694	
приспособление 2	6,43333	2,095699	0,325582

Следующим этапом данного исследования стал сравнительный анализ по t-критерию Стьюдента данных в контрольной и экспериментальной группах, полученных после психологического воздействия. Из рисунка 1 видно, что значимое различие обнаружено толь-

ко по шкале негативной агрессивности ($p = 0,303876$), т. е. частота проявлений обидчивости, мстительности выше у испытуемых контрольной группы, что указывает на значимое снижение этих показателей у испытуемых экспериментальной группы.

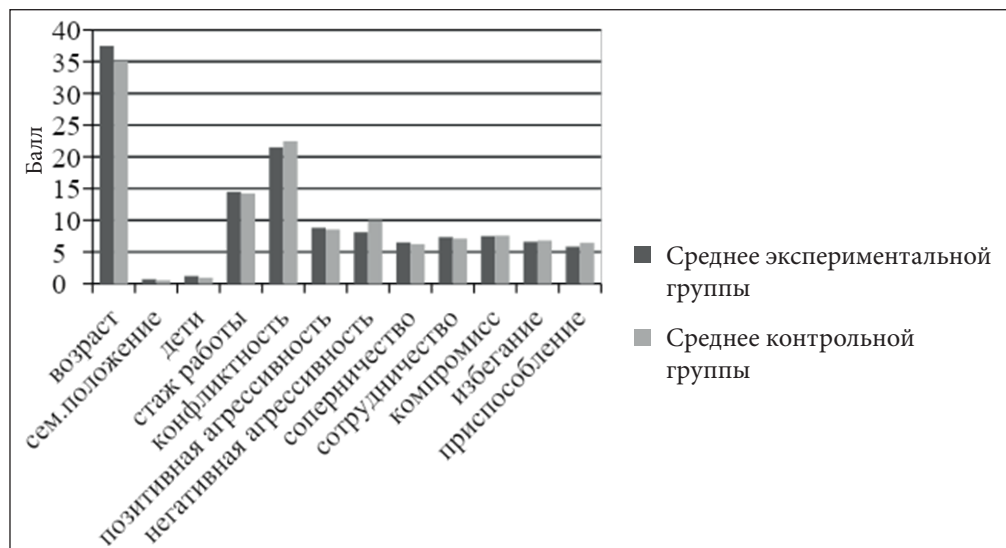

Рис. 1 / Fig. 1. Результаты сравнительного анализа экспериментальной и контрольной группы после экспериментального воздействия / Results of comparative analysis of the experimental and control groups after experimental exposure

Заключение

Анализ теоретической психологической литературы по проблеме конфликта, в частности, в медицинской сфере ещё раз показывает актуальность исследуемой проблемы, которая определяется как тенденциями развития научного знания, так и существующими потребностями социальной практики.

Процесс оказания медицинской помощи включает триаду отношений, в которой состоят пациент, медицинский работник и общество, при этом конфликт является одним из возможных видов и стратегий взаимодействия в этой триаде, который при конструктивном развитии становится способом совершенствования медицинской сферы в целом.

При этом важнейшей в профилактике и конструктивном разрешении межличностных конфликтов в медицинской сфере является содержательная и психологическая подготовка врачей и в целом медицинского персонала к оптимальным действиям в предконфликтных и конфликтных ситуациях. В данном исследовании мы разработали тренинговую про-

грамму, направленную на бесконфликтное общение среди медицинского персонала.

Полученные результаты говорят в пользу положительных изменений в экспериментальной группе и надёжности полученных данных, т. е. разработанный тренинг на бесконфликтное общение способствует снижению уровня конфликтности, негативной и позитивной агрессивности, а также выработке конструктивных способов выхода из конфликтной ситуации.

Однако заметим, что позитивные тенденции в проявлениях конфликтности более видны при сравнении только внутри экспериментальной группы, т. е. в масштабах всего центра в сравнении с контрольной группой выделенные изменения проявляются уже не так явно. Вероятно, для получения более верных результатов необходимы увеличение количества часов тренинговой работы с медицинским персоналом и доработка качественной составляющей программы тренинга по бесконфликтному общению.

Статья поступила в редакцию 09.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А. А. Конфликт как социальное явление [Электронный ресурс] // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 113. URL: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/113/aleksandrov_113_246_250.pdf (дата обращения: 19.02.2020).
2. Александрова М. А., Мустафаева Д. Р., Ермолаева Е. В. Конфликты в медицине [Электронный ресурс] // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6. № 1. URL: <http://medconfer.com/files/archive/Bulletin-of-MIC-2016-01.pdf> (дата обращения: 19.06.2020).
3. Бутова О. Р. Проблематика конфликта [Электронный ресурс] // Вологодские чтения. 2006. № 60. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_14333691_15106942.pdf (дата обращения: 10.02.2020).
4. Передня М. И. Социально-психологические особенности межличностных конфликтов и их учет в управленческой деятельности // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2017. Т. 12. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770230.htm> (дата обращения: 10.02.2020).
5. Попова Е. Г. Конфликты в лечебно-профилактических учреждениях: причины, условия, социальные последствия: дис. ... канд. мед. наук. Волгоград, 2005. 133 с.
6. Реан А. А. Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних // Национальный психологический журнал. 2018. № 2 (30). С. 3–12.
7. Халфина Р. Р., Сафронова А. М., Сафонов А. М. Психологические особенности взаимосвязи мотивационной сферы деятельности банковских служащих и степени удовлетворенности трудом // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 60-2. С. 462–465.
8. Щербakov И. Д. Конфликты в организации, причины их возникновения и способы разрешения [Электронный ресурс] // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 3. URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/4610> (дата обращения: 10.02.2020).
9. Ray A., Pathak-Ray V. Redefining the doctor patient relationship // Indian Journal of Ophthalmology. 2018. Vol. 66. № 11. P. 1529–1530.
10. Silverman Y., Kurtz S., Draper J. Skills for Communicating with Patients. 3rd ed. London, 2013. 328 p.
11. Thomas K. W., Kilmann R. H. Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument. NY, 1974. 130 p.

REFERENCES

1. Aleksandrov A. A. [Conflict as a social phenomenon]. In: *Izvestiya rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo Universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2009, no. 113. Available at: https://lib.herzen.spb.ru/media/magazines/contents/1/113/aleksandrov_113_246_250.pdf (accessed: 02.19.2020).
2. Aleksandrova M. A., Mustafaeva D. R., Ermolaeva E. V. [Conflicts in medicine]. In: *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsii* [Bulletin of the Medical Internet Conference], 2016, vol. 6, no. 1. Available at: <http://medconfer.com/files/archive/Bulletin-of-MIC-2016-01.pdf> (accessed: 06.19.2020).
3. Butova O. R. [Conflict issues]. In: *Vologdinskie chteniya* [Vologda Readings], 2006, no. 60. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_14333691_15106942.pdf (accessed: 02.10.2020).
4. Perednya M. I. [Socio-psychological characteristics of interpersonal conflicts and their consideration in management activities]. In: *Kontsept: nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal* [Concept: Scientific-methodical electronic journal], 2017, vol. 12. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/770230.htm> (accessed: 02.10.2020).
5. Popova E. G. *Konflikty v lechebno-profilakticheskikh uchrezhdeniyakh: prichiny, usloviya, sotsial'nye posledstviya: dis. ... kand. med. nauk* [Conflicts in medical institutions: causes, conditions, social consequences: PhD thesis in Medical sciences]. Volgograd, 2005. 133 p.
6. Rean A. A. [Prevention of aggression and asociality of minors]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2018, no. 2 (30), pp. 3–12.
7. Khalfina R. R., Safronova A. M., Safronov A. M. [Psychological features of the relationship between the bank employees' motivational sphere of activity and their job satisfaction degree]. In: *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern teacher education], 2018, no. 60-2, pp. 462–465.
8. Shcherbakov I. D. [Conflicts in the organization, causes of their occurrence and methods of resolution]. In: *Ekonomika i menedzhment innovatsionnykh tekhnologii* [Economics and management of in-

- novative technologies], 2014, no. 3. Available at: <http://ekonomika.snauka.ru/2014/03/4610> (accessed: 02.10.2020).
9. Ray A., Pathak-Ray V. Redefining the doctor patient relationship. In: *Indian Journal of Ophthalmology*, 2018, vol. 66, no. 11, pp. 1529–1530.
10. Silverman Y., Kurtz S., Draper J. Skills for Communicating with Patients. London, 2013. 328 p.
11. Thomas K. W., Kilmann R. H. Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument. NY, 1974. 130 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Халфина Регина Робертовна – доктор биологических наук, доцент, профессор кафедры психологического сопровождения и клинической психологии Башкирского государственного университета; e-mail: riga23@mail.ru

Дементьева Рита Рафаиловна – магистрант кафедры психологического сопровождения и клинической психологии факультета психологии Башкирского государственного университета; e-mail: zatmenie9393@mail.ru

Рогова Алёна Игоревна – магистрант кафедры психологического сопровождения и клинической психологии факультета психологии Башкирского государственного университета; e-mail: rogova.psy@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Regina R. Halfina – Dr. Sci. (Biology), Assoc. Prof., Professor of the Department of psychological support and clinical psychology, Bashkir State University; e-mail: riga23@mail.ru

Rita R. Dement'eva – Master's student, Department of psychological support and clinical psychology, Faculty of psychology, Bashkir State University; e-mail: zatmenie9393@mail.ru

Alena I. Rogova – Master's student, Department of psychological support and clinical psychology, Faculty of psychology, Bashkir State University; e-mail: rogova.psy@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Халфина Р. Р., Дементьева Р. Р., Рогова А. И. Формирование навыков бесконфликтного общения у работников медико-генетического центра // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 99–108.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-99-108

FOR CITATION

Khalfina R. R., Dement'eva R. R., Rogova A. I. Formation of conflict-free communication skills among employees of the medical and genetic center. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 99–108.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-99-108

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-109-120

СПЕЦИФИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, ПРОЖИВАЮЩИХ В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Харлампова Н. К.¹, Телицына А. Ю.², Курносова С. А.³, Забелина Е. В.³, Немчинова Т. С.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, Российская Федерация

² Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

10100, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

³ Челябинский государственный университет

454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить факторы, определяющие экономическое поведение коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации.

Процедура и методы. Структурированное интервью в качестве основного метода исследования направлено на выявление особенностей современного бытового уклада хозяйств, потребительских привычек, отношения к деньгам, богатству, экономическим институтам.

Результаты. В ходе изучения литературы было выделено шесть детерминант, влияющих на экономическое сознание и поведение коренных малочисленных народов Российской Арктики: геоэкологическая, социальная, психологическая, экономическая, политико-правовая, демографическая. Эмпирическое исследование в ненецкой этнокультурной среде подтвердило наличие данных детерминирующих факторов, первые четыре из которых являются определяющими.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в разработку инструментов государственной политики по включению коренных малочисленных народов Севера в систему современных экономических отношений.¹

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, Российская Арктика, экономическое поведение

SPECIFICITY OF THE ECONOMIC BEHAVIOR OF INDIGENOUS NATIONALITIES OF THE NORTH INHABITING THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

N. Kharlamp'eva¹, A. Telitsyna², S. Kurnosova³, E. Zabelina³, T. Nemchinova¹

¹ Saint-Petersburg State University

7-9, Universitetskaya naberezhnaya ul., St. Petersburg 199034, Russian Federation

² National Research University Higher School of Economics

20, Myasnitskaya ul., Moscow 101000, Russian Federation

³ Chelyabinsk State University

129, Brat'ev Kashirinikh ul., Chelyabinsk 454001, Russian Federation

Abstract.

Aim. To identify the factors that determine the economic behavior of indigenous peoples of the Arctic zone of the Russian Federation.

© CC BY Харлампова Н. К., Телицына А. Ю., Курносова С. А., Забелина Е. В., Немчинова Т. С., 2020.

Methodology. The structured interview as the main research method is aimed at identifying the features of the modern household structure of farms, consumer habits, attitudes to money, wealth, and economic institutions.

Results. In the course of studying the literature, six determinants affecting the economic consciousness and behavior of indigenous peoples of the Russian Arctic were identified: geo-ecological, social, psychological, economic, political-legal, and demographic. The empirical study in the Nenets ethno-cultural environment confirmed the presence of these determinant factors, the first four of which being decisive.

Research implications. The results of the study contribute to the development of public policy tools for the inclusion of the indigenous peoples of the North of the Arctic zone in the system of modern economic relations.

Keywords: indigenous peoples, the Arctic zone of the Russian Federation, economic behavior

Введение

Коренные малочисленные народы Севера (КМНС), проживающие на территории Российской Арктики, как этнические социально-политические субъекты формирующейся Арктической зоны Российской Федерации представляют собой неотъемлемую часть социокультурной среды Арктики. Развитие рыночных и общественных отношений с конца 90-х гг. XX в. изменило социальный статус коренных малочисленных народов Российской Арктики.

С середины XX в. активное освоение районов Крайнего Севера Советского Союза кардинально изменило жизнь на Севере, в том числе уклад коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В Якутии появились национальные поселения, в которых население перешло на оседлый образ жизни и начало заниматься сельскими и промышленными отраслями экономики. На переходный период сказалась: а) сложная политическая ситуация в Российской Федерации в 1990-х гг.; б) отмена планового хозяйствования и сокращение государственной поддержки; а также в) переход на рыночные формы взаимоотношения.

Деятельность крупных предприятий топливно-энергетического комплекса на Урале [15] и в Сибири вносит коррективы в современное жизнеустройство коренных народов Арктики, семейный уклад в тундре, в традиционное хозяйство и промыслы [8]: охоту, оленеводство, рыболовство, собирательство [16].

Факторы, влияющие на экономическое поведение КМНС: теоретический анализ

В условиях рыночной экономики соотношение государственной поддержки жизнеобеспечения тундровых и рыболовных хозяйств (дотации, вакцинация, развитие посёлков, строительство инфраструктуры, социальные программы) и выполнение корпоративной социальной ответственности крупными хозяйствующими субъектами (АЛРОСА, Газпром, Роснефть и др.), субъектами малого и среднего бизнеса на местах обуславливаются изменением экономического сознания и поведения КМНС.

Новые социально-экономические условия требуют изучения вопросов экономического сознания и поведения КМНС в условиях включённости Российской Арктики в мирохозяйственные связи. Данный объект исследования – особенность экономического сознания и поведения коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации – является междисциплинарным в сфере гуманитарных и общественных наук, и охватывает анализ политической ситуации в части, касающейся процесса формирования этнических социально-экономических субъектов и их экономического сознания и поведения. Психофизиологический фактор изменения сознания и поведения в новых условиях предполагает выработку специфической методики и методологии для

исследования этносистем, этнических социально-политических субъектов и их поведенческой характеристики. Анализ существующей отечественной литературы показал недостаточную изученность данной проблематики.

На начальном этапе накопленный междисциплинарный эмпирический материал российских авторов позволил обратить внимание на следующие группы работ, касающихся: состояния экономической деятельности на Крайнем Севере (Г. А. Агранат, А. Г. Гранберг, Д. А. Додин, В. Н. Лаженцев, Н. П. Лаверов, Г. П. Лузин, В. В. Балашенко, В. Г. Логинов, А. Н. Пилясов, Н. В. Гальцева и др.), общих вопросов оленеводства (К. Б. Клоков, А. В. Головнев, С. Н. Харючи и др.), демографических и социальных проблем (С. А. Сукнёва, У. А. Виноградова), социальных инноваций, роли места в них КМНС (В. И. Сморчкова, Н. К. Харлампьева), социокультурных цивилизационных аспектов (У. А. Винокурова), особенностей ведения домашнего хозяйствования (Г. Н. Харючи) и др. [8; 9; 11; 12; 13; 15; 16].

В ходе библиографического анализа имеющейся литературы удалось выявить следующие 6 факторов, влияющих на экономическое сознание и поведение коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации:

1) геоэкологические. К ним относятся неблагоприятные природно-климатические условия Севера (постепенное истощение природных ресурсов), при адаптации к которым сложились особые виды ведения хозяйства (оленеводство, рыболовство, охота и др.) (Боякова, 2001; Бояршинова, 1960; Гурвич, 1966 и др.), связанные с риском для дальнейшего развития традиционных форм хозяйствования [1; 17; 19];

2) демографические. Среди них можно обозначить миграционные процессы (в другие регионы, из сельской местности в города), старение населения, приводящие к сокращению трудоспособного

населения и осложняющие ситуацию на рынке труда (Сукнёва, 2010) [14];

3) социальные. Роль и место коллективизма как важной характеристики поведения северных народов, в том числе, в экономических отношениях (Винокурова, 2011), социальные изменения – повышение уровня алкогольной и наркотической зависимости, смертности трудоспособного населения (Сукнёва, 2010), снижение уровня и качества образования, низкий уровень экономической и финансовой грамотности, [12; 14];

4) психологические. Изменение жизненных ценностей населения – снижение ценностей человеческой жизни, сохранности здоровья, мотивации в создании семьи, воспитании детей, образования (Сукнёва, 2010), трудности решения материальных потребностей (материальное благополучие, собственное благоустроенное жильё), низкие показатели желания свободы и независимости, возможности делать что-то самому, иметь собственное семейное дело, ограничивающие развитие альтернативных форм экономического поведения КМНС [14];

5) экономические. Влияние развития «сырьевой» экономики (Николаев, 2009), отсутствие мотивации к экономической эффективности и производительности (Винокурова, 2011). Неуверенность перед меняющейся стоимостью товаров и услуг, безработица, низкая зарплата и пенсия (Сукнева, 2010). Перечисленные факторы детерминируют отток квалифицированных кадров из региона [12; 14];

6) политико-правовые. Несовершенство законодательства в отношении прав КМНС (законы о земле, недрах, традиционном природопользовании, охоте, рыболовстве, местном самоуправлении и пр.), негативно влияющее на предпринимательское и финансовое поведение КМНС.

Метод исследования и гипотеза

Для проверки предположения о существовании данных шести факторов в сегодняшней экономической ре-

альности коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации (на примере ненцев), а также для выявления наиболее значимых (с точки зрения населения) факторов было проведено качественное исследование.

Основным методом исследования выступило структурированное интервью. Вопросы интервью были направлены на выявление особенностей современного бытового уклада хозяйств, потребительских привычек, отношения к деньгам, богатству, экономическим институтам. Методологической основой для разработки интервью выступили работы О. С. Дейнека (1999, 2011), Т. В. Дробышевой, А. Л. Журавлева (2016), А. А. Максименко (2006), В. А. Хашченко (2011), А. Фёнева (1984) [2; 4; 5; 6; 7; 20]. Следуя методологической линии, мы учитывали в вопросах основные виды экономического поведения: потребительское, финансовое (сберегательное, инвестиционное, кредитное), деловое (организационное), предпринимательское. В интервью также нашли отражение такие феномены экономического сознания и поведения, как стратегии экономического поведения (А. А. Максименко, 2006), субъективное экономическое благополучие (Хашченко, 2005, 2011), экономическая социализация (Дробышева, Журавлев, 2016), отношение к деньгам (Дейнека, 1999, 2018; Фёнев, 1984; Льюис и др., 1995), экономические аттитюды (Забелина и др., 2019) [21], отношение к собственности (Филенкова, 2001; Райзберг, 2005). Список вопросов интервью представлен в приложении 1 [2; 3; 6; 7; 4; 18; 20; 10; 21].

Исследование проводилось в посёлках Аксарка¹ и Яр-Сале² (ЯНАО) в апреле 2019 г. во время ежегодного праздника

Дня оленевода. Село Аксарка расположено в 50 км от г. Салехарда и является административным центром Приуральского района, на территории которого зарегистрировано 172 кочующих хозяйства, численность кочующего населения в них 414 человек, в том числе 196 женщин (данные государственной статистической отчётности на 01.01.2015)³. Село Яр-Сале расположено в 200 км от г. Салехарда на берегу протоки Малая Юмба. В состав муниципального образования входят с. Яр-Сале, п. Сюнай-Сале, межселенная территория и фактория Порц-Яха. По состоянию на январь 2015 г. на территории села и прилегающей тундры проживают 7339 чел., в том числе коренные малочисленные народы Севера – 5021 человек (в самом селе Яр-Сале – 4527 человек)⁴.

Было опрошено 20 представителей ненецкой национальности, в том числе 5 женщин, 15 мужчин, в возрасте от 18 до 63 лет. Более подробные характеристики выборки представлены в таблице 1.

Результаты

В ходе исследования было выявлено несколько факторов, имеющих непосредственное отношение к экономическому поведению ненцев.

1. Традиционные виды экономической деятельности

Во-первых, все респонденты отмечают тот факт, что назрели проблема отхода от традиционного типа хозяйствования (оленьеводства, рыболовства и т. д.) и неотвратимость (необходимость) перехода на оседлый образ жизни. Главная причина этого – природные изменения в тундре, сокращение площадей ягеля как основного корма оленей, уменьшение ко-

¹ Администрация муниципального образования Аксарковское [Электронный ресурс]. URL: <http://mo-aksarka.ru> (дата обращения: 19.08.2020).

² Администрация муниципального образования Яр-Салинское [Электронный ресурс]. URL: <http://adm-yarsale.ru> (дата обращения: 19.08.2020).

³ Статистика // Администрация муниципального образования Аксарковское: [сайт]. URL: <http://mo-aksarka.ru/statistika.html> (дата обращения: 19.08.2020).

⁴ О поселении // Администрация муниципального образования Яр-Салинское: [сайт]. URL: <http://adm-yarsale.ru/o-poselenii.html> (дата обращения: 19.08.2020).

Таблица 1 / Table 1

Характеристики выборки респондентов, участвующих в исследовании /
Characteristics of the sample of respondents participating in the study

№	Род занятий	Пол	Возраст	Место проведения интервью
1	Чум-работница	женщина	35	Аксарка
2	Оленевод-частник	мужчина	40	Аксарка
3	Чум-работница	женщина	50	Аксарка
4	Оленевод в муниципальном предприятии	мужчина	42	Аксарка
5	Оленевод-частник	мужчина	31	Аксарка
6	Представитель власти	мужчина	50	Яр-Сале
7	Оленевод в муниципальном предприятии	мужчина	45	Яр-Сале
8	Студентка	женщина	18	Яр-Сале
9	Предприниматель	мужчина	38	Яр-Сале
10	Оленевод-частник	мужчина	22	Яр-Сале
11	Оленевод-частник	мужчина	24	Яр-Сале
12	Бригадир в муниципальном предприятии	мужчина	49	Яр-Сале
13	Оленевод-руководитель общины	мужчина	36	Яр-Сале
14	Оленевод-частник	мужчина	63	Яр-Сале
15	Чум-работница	женщина	45	Яр-Сале
16	Студент	мужчина	18	Яр-Сале
17	Оленевод-частник	мужчина	21	Яр-Сале
18	Чум-работница	женщина	45	Яр-Сале
19	Оленевод в муниципальном предприятии	мужчина	32	Яр-Сале
20	Оленевод-частник	мужчина	52	Яр-Сале

личества рыбы и пр., т. е., другими словами, играет роль геоэкологический фактор (в определении авторов).

Ниже приведены примеры высказываний респондентов, подтверждающие данный фактор.

«В том виде, в котором оно (оленоводство) было в 70–80-е гг., нашей традиционной модели оленеводства уже не сохранится... Сегодня у нас пришло интенсивное развитие ТЭКа на полуострове, ну, в какой-то степени мы сейчас находимся на переходном периоде, потому что у нас происходит смена образа жизни, в скором времени некоторые оленеводы у нас, которые, так скажем, останутся без оленей, они должны будут перейти на оседлый образ жизни, следовательно, отсюда возникнут другие проблемы, которые надо будет решать совместно, и оленеводам, и органам власти, и на зако-

нодательном уровне» (мужчина, представитель власти, 50 лет).

«Да, есть такая статистика, сокращается тундровое население, которое именно проживает в тундре... Причина в том, что хозяйство вымирает, олени вымирают по каким-то причинам, становится их мало, и уже не могут они ездить, перевозить своё хозяйство с одного места на другое, хотя бы для ловли рыбы, уже не могут, и остаётся только то, что они приезжают в районный центр или какой-нибудь факторий... Олени вымрут – в общем-то, не будет традиционного хозяйства. Народ просто изменит свою форму существования, оно станет городским, поселковым и т. д.» (мужчина, 45 лет, оленевод, Яр-Сале).

«Я думаю, что дальнейших перспектив в тундре нет... в связи с освоением. С расширенным освоением биофизиками, геологами, нефтяниками ... В скором насту-

пит конец» (мужчина, 49 лет, оленевод, Яр-Сале).

«В связи с климатическими изменениями, с каждым годом показывает, два последних года показали, что в дальнейшем тяжело будет. Даже элементарно, скажем, пастбища истощены. Даже летние, скажем, зелень. Два месяца летал, просто, раньше я тоже летал, мы с оленями проводим время, зелень растёт только там, где была вода, вот пойма реки. Думал, мне одному так кажется, что зелень уходит, потом спросил и мне ответили: “Ты тоже заметил? Да, мы тоже заметили”. Допустим, если идёт где-то освоение, наверное, почва ... истощается» (мужчина, 36 лет, руководитель общины).

2. Экономическое благополучие

Второй аспект, который обсуждают респонденты, – это неблагоприятные экономические условия для развития традиционных форм хозяйствования, и прежде всего низкий уровень оплаты труда на предприятиях данного сектора. Оказывается, что система льгот и финансовой поддержки оленеводов со стороны государства приучает надеяться на внешние силы и ждать помощи извне, но не обеспечивает действительно комфортного образа жизни. Примеры высказываний. Мнение мужчины, представителя местной власти, 50 лет: «в общем, по статистике, которую мы провели с моим коллегой, сегодня многие люди у нас оленеводы, живущие в тундре, оленеводами-частниками мы их обычно называем, находятся за чертой бедности...Квартиры не все могут купить – это у нас такая проблема».

Другие примеры высказываний: «...с каждым годом народу всё тяжелее и народ беднеет, ... не оговорюсь, если скажу, что чёрный хлеб и больше ничего» (мужчина, 45 лет, оленевод). На вопрос «Что можно купить на зарплату?» следует ответ: «Один раз пошёл в магазин и всё. Минимум на два дня и всё» (мужчина, оленевод, 32 года). «Купить (квартиру) за свои деньги – нереально» (мужчина, оле-

невод, 49 лет). На вопрос «Какая средняя зарплата у оленевода?» ответ: «18–20 тысяч рублей» (мужчина, руководитель общины, 36 лет). На вопрос «Почему ушли (с предприятия)?» ответ: «Очень сложный вопрос. Больше, наверное, из-за финансового неблагополучия, так скажем. На предприятии, где я работал, сложно считаться, уменьшение поголовья. И вот, дети растут, долги по ипотеке, это всё обязало меня» (мужчина, оленевод, 39 лет).

3. Отношение к деньгам

Следующим фактором, влияющим на экономическое поведение ненцев сегодня, по выводам из слов респондентов, является психологический – отношение к материальным ценностям, деньгам, к финансовым институтам, представления о богатстве.

В частности, типичным предметом роскоши, достатка выступают олени: «Предметом роскоши, наверное, сегодня является наличие оленя в стаде» (мужчина, представитель власти, 50 лет). «Приданое сейчас в основном идёт в оленях. Или в материальных ценностях. Не деньги, а та же одежда: летняя, зимняя, цветная, чёрная, белая. Вот так вот они идут туда. В тундре всё-таки ценится, как человек одет, т. е. смотрят, если человек хорошо одет, значит у него хорошая хозяйка, значит у него всё хорошо в семье, даже несмотря на то, что ... человек должен хорошо выглядеть» (мужчина, оленевод, 32 года).

Отсутствует «вещизм», стремление приобретать дорогие вещи, существует установка, что то, что можно сделать самому, не нужно покупать.

«Честно, я не покупаю никогда дорогую одежду» (девушка, студентка, 18 лет).

«И.: А не легче покупать? Или каждое хозяйство само делает наряды?»

Р.: Если ты умеешь, зачем покупать? Лишний расход денег, во-первых. Лучше самому делать» (мужчина, оленевод, 49 лет).

«Да (дети) учатся всему, я всегда говорю дочери: будешь в посёлке жить, не

будешь же деньги давать, чтобы заштопали» (женщина, оленевод, 45 лет).

Положительное отношение к накоплениям, сберегательному поведению. Те люди, кому удаётся скопить крупные суммы, пользуются уважением:

«Скопить – я не знаю. Вряд ли получится скопить. Есть – потратил сразу, есть – потратил. Потому что потребность всегда есть в чем-то» (мужчина, оленевод, 32 года).

«Есть такие, да. Они не копят, просто кто-то много мяса забил, получил, например, 1 млн или 800 тыс. На снегоход 100 тыс., ещё на что-то» (мужчина, оленевод, 32 года).

«Иногда хорошо бывает. Мы же зараннее экономим деньги на продукты» (женщина, чум-работница, 50 лет).

Существует очень спокойное отношение к богатству и к бедности. Бытует представление о том, что на богатство нельзя повлиять, скорее это воля случая:

«И.: А за счёт чего некоторые ваши семьи богатеют, почему другие не могут так?

Р.: Ну, это уже, как сказать, повезло» (мужчина, оленевод, 32 года).

4. Отношение к финансовым институтам и инструментам

Большинство респондентов демонстрируют негативное отношение к кредитам, ипотеке и банкам в целом. Они не склонны доверять банковским программам, предпочитают занимать у других людей (предпринимателей) под более высокий процент.

«И.: По учёбе, вы сказали, что найдёте общиной деньги, если нужно. А вот, если ещё какие-то нужны вещи человеку, который занимается частным хозяйством, он к кому пойдёт занимать? В банк пойдёт?

Р.: В банк не пойдёт. Стараются у коммерсантов взять. Он отдал 1 рубль, а возьмет 3 рубля, это всегда же так было... Я вот этого понять не могу, почему они так относятся. Наоборот, мы допустим, у нас на сегодняшний день, мясо средняя цена 190. Он пришёл там 30 тыс. попро-

сил, написал заявление, мы ему выдали деньги, но мы уже мясо не за 190 будем принимать, потому что ягель же, а за 210, стараемся на увеличение цены. Т. е. он у нас по факту ещё больше берёт, не как в банках» (мужчина, руководитель общины, 36 лет).

«Не знаю... кстати, у меня тещу же ограбили хакеры (по банковской карте)... Пенсия пришла и что-то нет половины. Вот такая история ... Да, а вот это я и говорю – пенсионеры, взрослые которые уже, говорят: не доверяю я вашим банкам» (мужчина, оленевод, 32 года).

«С банками нет отношений. Банки нам не нужны. Мы же не берём кредит. В тундре жить – как кредит брать? Чем отдавать?.. Сбережения делаем, но не в банках. Банки нам не очень» (мужчина, оленевод, 42 года).

«В банки никогда не обращается ни за кредитом, ни за сбережениями. Как кредиты в тундре отдавать?» (смеётся) (мужчина, оленевод, 40 лет).

«Я не работаю. Сейчас оформилась на пенсию, но ещё не знаю, сколько буду получать...» (женщина, чум-работница, 50 лет).

5. Образование как фактор экономического развития

Важным выводом, который можно сделать на основе интервью, является тот факт, что главным механизмом трансформации экономического поведения ненцы считают получение образования для своих детей. Образование в их представлении является гарантом достойной безбедной жизни. При этом круг предпочитаемых профессий весьма широк: юрист, торговля (предприниматель), специалист в нефтяной отрасли, спортсмен, пастух, сантехник.

«Любой здравомыслящий человек задумывается над тем, как в дальнейшем сложится судьба, как его дети будут жить. Сегодня – век цивилизации, век интенсивного развития ТЭКа, всё равно надо задуматься о том, какое образование ребёнок получит, где он себя найдёт, тундра

же всех не прокормит, сегодня надо получать образование, для того чтобы жить в будущем, в XXI в., в последующих веках» (мужчина, представитель власти, 50 лет).

«Я бы хотел, конечно, чтобы они (дети) жили в тундре, но, опять-таки, смотря на сегодняшнюю жизнь, на уровень жизни, который на Ямале, я бы желал, чтобы они учились, отучились и поступили куда-нибудь в юридический» (мужчина, оленевод, 45 лет).

«Нет, я бы не сказал, что (традиционность) теряется. Жизнь нас сейчас так заставляет, что не все могут. Те, кто могут освоиться в городской среде, почему бы и нет-то. И мы сейчас тоже молодёжи говорим, что если есть возможность, знания или творческое, то лучше уехать и там себя показать» (мужчина, руководитель общины, 36 лет).

«Молодёжи надо говорить уже правду, что когда-то не будет такого, как раньше. Лучше пусть сейчас учатся, занимаются, если что-то не получится, всегда можно успеть переехать в тундру. А так все знания надо на 100% получить. Сейчас при поступлении, мы знаем, нет разницы, что коренной нет, а городской ну, намного сильнее будет, поэтому надо стараться учиться» (мужчина, руководитель общины, 36 лет).

«Да, жизнь меняется. Суть в том, чтобы до тундры получить образование и уже что-то делать. Если рвётся в тундру, у него всё равно должна быть база за плечами, какая-нибудь корочка: водитель, слесарь, сварщик... шанс всё равно будет.

У человека с образованием больше привилегий будет. Бывает, люди приходят без образования и очень трудно подобрать для них работу. Мы содействуем просто для человека, направляем на предприятие» (мужчина, оленевод, 39 лет).

Заключение

В целом можно констатировать, что, опираясь на методологические основы экономической психологии (О. С. Дейнека, 1999, 2011, Дробышева, Журавлев, 2016, А. А. Максименко, 2006, Хащенко, 2011; Забелина и др., 2019; Льюис и др., 1995), удалось эмпирически выявить факторы, влияющие на экономическое поведение КМНС (на примере представителей ненецкой национальности).

Выделенные на основе теоретического анализа факторы экономического поведения частично подтверждены в ходе эмпирического исследования. Главными факторами, по мнению ненцев, следует считать геоэкологические, экономические, социальные, в том числе фактор образования, и психологические.

Будущим направлением исследования следует считать разработку модели социально-экономической среды коренных малочисленных народов АЗРФ, а также разработку концепции экологической трансформации экономического сознания и поведения коренных малочисленных народов АЗРФ в условиях глобализации.

Статья поступила в редакцию 14.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Боякова С. И. Освоение Арктики и народы Северо-востока Азии (XIX в. – 1917 г.). Новосибирск: Наука, 2001. 158 с.
2. Бояршинова З. Я. Население Сибири до начала русской колонизации (Виды хозяйственной деятельности и общественный строй местного населения): спец. курс по истории народов Сибири для студентов-заочников ист. фак. ун-та. Томск: Издательство Томского университета, 1960. 151 с.
3. Винокурова У. А. Циркумполярная цивилизация: идеи и проекты. Якутск, 2011. 312 с.
4. Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири: дис. ... докт. ист. наук. М., 1966. 269 с.
5. Дейнека О. С. Экономическая психология: социально-политические проблемы: монография. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. 239 с.

6. Дейнека О. С. Экономическая феноменология: структура и потенциал развития // Культура и экономическое поведение: сборник статей. М., 2011. С. 118–148.
7. Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Система факторов экономического сознания в условиях вторичной экономической социализации личности и группы // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. № 1 (2). С. 207–232.
8. Клоков К. Б., Красовская Т. М., Ямсков А. Н. Этнокультурные аспекты природопользования Арктического региона России // География и природные ресурсы. 2002. № 4. С. 23–29.
9. Лаженцев В. Н. Социально-экономическое пространство и территориальное развитие Севера и Арктики России // Экономика региона. 2018. Т. 4. С. 353–365.
10. Максименко А. А. Стратегии экономического поведения российской молодежи. Кострома, 2006. 207 с.
11. Пилясов А. Н. Российский арктический фронт: парадоксы развития // Регион: экономика и социология. 2015. № 3. С. 3–34.
12. Райзберг Б. А. Психология в экономике и управлении. М.: МПСИ, 2005. 551 с.
13. Сморгачев В. И., Харлампьева Н. К. Социальные инновации в Арктике как фактор устойчивого развития // Арктика. XXI век. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (4). С. 30–39.
14. Сукнева С. А. Демографический потенциал развития населения Северного региона. Новосибирск, 2010. 168 с.
15. Сценарные подходы к реализации уральского вектора освоения и развития российской Арктики: монография / Е. Л. Андреева, А. В. Душин, М. Н. Игнатьева и др.; отв. ред. Ю. Г. Лаврикова. Екатеринбург: Институт экономики, 2017. 138 с.
16. Филинкова Е. Б. Социально-психологические характеристики предпринимателей с разным уровнем удовлетворенности предпринимательской деятельностью: дис. ... канд. психол. наук. М., 2001. 166 с.
17. Харючи Г. П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX века) / под ред. Н. В. Лукина. Томск, 2001. 225 с.
18. Хашенко В. А. Субъективное экономическое благополучие и его измерение: построение опросника и его валидизация // Экспериментальная психология, 2011. № 4 (1). С. 106–127.
19. Furnham A. Many sides of the coin: the psychology of money us age // Personality and Individual Differences. 1984. № 5. P. 95–103.
20. Lewis A., Webley P., Furnham A. The New Economic Mind: the social psychology of economic behaviour. New York, 1995. 332 p.
21. Zabelina E., Deyneka O., Tsiring D. Entrepreneurial attitudes in the structure of students' economic minds [Электронный ресурс] // International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. 2019. Vol. 25. No. 8. URL: <https://doi.org/10.1108/IJEBR-04-2018-0224> (дата обращения: 01.09.2020).

REFERENCES

1. Boyakova S. I. *Osvoenie Arktiki i narody Severo-Vostoka Azii (XIX v. – 1917 g.)* [Land development of the Arctic and ethnos of North-East of Asia (XIX cent. – 1917)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2001. 158 p.
2. Boyarshinova Z. Ya. *Naselenie Sibiri do nachala russkoy kolonizatsii (Vidy khozyaystvennoy deyatel'nosti i obshchestvennyy story mestnogo naseleniya)* [The population of Siberia before the beginning of Russian colonization (types of economic activities and social structure of the local population)]. Tomsk, 1960. 151 p.
3. Vinokurova U. A. *Tsirkumpolarnaya sivilizatsiya: idei i projekty* [Circumpolar civilization: ideas and projects]. Yakutsk, 2011. 312 p.
4. Gurvich I. S. *Etnicheskaya istoria Severo-Vostoka Sibiri* [Ethnic history of North-Eastern Siberia]. Moscow, 1966. 276 p.
5. Deyneka O. S. *Ekonomicheskaya psihologiya: social'no-politicheskie problem* [Economic psychology: socio-political problems]. St. Petersburg, 1999. 239 p.
6. Deyneka O. S. [Economic mind: phenomenology, structure and potential of development]. In: *Kul'tura i ekonomicheskoe povedenie* [Culture and Economic behavior]. Moscow, 2011, pp. 118–148.
7. Drobysheva T. V., Zhuravlev A. L. [Strategy of economic behavior of the Russian youth]. In: *Institut psihologii Rossijskoj akademiinauk. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [RAS Institute of

- Psychology. Social and Economic Psychology], 2016, no. 1 (2), pp. 207–232.
8. Klovov K. B., Krasovskaya T. M., Yamskov A. N. [Ethno-cultural aspects of nature management in the Arctic region of Russia]. In: *Geografiya i prirodnye resursy* [Geography and natural resources], 2002, no. 4, pp. 23–29.
 9. Lazhentsev V. N. [Socio-economic space and territorial development of the North and the Arctic of Russia]. In: *Ekonomika regiona* [Regional economy], 2018, pp. 353–365.
 10. Maksimenko A. A. *Strategii ekonomicheskogo povedeniya rossijskoj molodezhi* [Strategy of economic behavior of the Russian youth]. Kostroma, 2006. 207 p.
 11. Pilyasov A. N. [Russia's Arctic frontier: the paradoxes of development.]. In: *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and sociology], 2015, no. 3, pp. 3–34.
 12. Rajzberg B. A. *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii* [Psychology in economy and management]. Moscow, 2005. 551 p.
 13. Smorchkova V. I., Kharlamp'eva N. K. [Social innovations in the Arctic as a factor of sustainable development]. In: *ARKTIKA. XXI vek. Gumanitarnye nauki* [ARCTIC. The twenty-first century. Humanities], 2015, no. 1 (4), pp. 30–39.
 14. Sukneva S. A. *Demograficheskij potentsial razvitiya naseleniya Severnogo regiona* [Demographical perspective of inhabitants developing in the Northern region]. Novosibirsk, 2010. 168 p.
 15. Andreeva E. L., Dushin A. V., Ignat'eva M. N. et al. *Scenarnye podhody k realizacii ural'skogo vektora osvoeniya i razvitiya Rossijskoj Arktiki* [Scenario approaches to the implementation of the Ural vector of development and development of the Russian Arctic]. Ekaterinburg, 2017. 340 p.
 16. Filinkova E. B. *Sotsial'no-psikhologicheskie harakteristiki predprinimatelej s raznym urovnem udovletvorennosti predprinimatel'skoj deyatel'nost'yu: dis. ... kand. psihol. nauk* [Socio-psychological characteristics of entrepreneurs with different levels of satisfaction with business activities: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2001. 166 p.
 17. Kharyuchi G. P. *Tradicii i innovacii v kul'ture neneckogo etnosa (vtoraya polovina XX veka)* [Traditions and innovations in the culture of the Nenets ethnic group (the second half of the XX century)]. Tomsk, 2001. 225 p.
 18. Hashchenko V. A. [Subjective economic wellbeing and its measurement: creation of the questionnaire and its validation]. In: *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology], 2011, no. (1), pp. 106–127.
 19. Furnham A. Many sides of the coin: the psychology of money usage. In: *Personality and Individual Differences*, 1984, no. 5, pp. 95–103.
 20. Lewis A., Webley P., Furnham A. *The New Economic Mind: the social psychology of economic behaviour*. New York, 1995. 332 p.
 21. Zabelina E., Deyneka O., Tsiring D. Entrepreneurial attitudes in the structure of students' economic minds. In: *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*, 2019, vol. 25, no. 8. Available at: <https://doi.org/10.1108/IJEBR-04-2018-0224> (accessed: 01.09.2020).

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00394 «Трансформация экономического поведения коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации в условиях глобализации» и в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ACKNOWLEDGMENT

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-013-00394 “Transformation of the economic behavior of the indigenous peoples of the North living in the Arctic zone of the Russian Federation in the context of globalization” and within the framework of the HSE University Basic Research Program.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Харлампьева Надежда Климовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета;

e-mail: n.kharlampieva@spbu.ru;

Телицына Александра Юрьевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры экономики и управления негосударственных некоммерческих организаций НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора;

e-mail: atelitsyna@hse.ru

Курносова Светлана Александровна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой общей и профессиональной педагогики института образования и практической психологии Челябинского государственного университета;

e-mail: ksa0308@mail.ru;

Забелина Екатерина Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры специальной и клинической психологии института образования и практической психологии Челябинского государственного университета;

e-mail: katya_k@mail.ru;

Немчинова Тамара Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета;

e-mail: t.nemchinova@spbu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda K. Kharlamp'eva – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of World Politics, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University;

e-mail: n.kharlampieva@spbu.ru;

Alexandra Yu. Telitsyna – Cand. Sci. (Biology), Assoc. Prof., Department of Economics and management of non-governmental non-profit organizations at the Higher School of Economics, senior researcher, Center for Civil Society and Non-Profit Sector Research;

e-mail: atelitsyna@hse.ru

Svetlana A. Kurnosova – Cand. Sci. (Education), Head of the Department of General and Professional Pedagogy, Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University;

e-mail: ksa0308@mail.ru;

Ekaterina V. Zabelina – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Special and Clinical Psychology, Institute of Education and Practical Psychology, Chelyabinsk State University;

e-mail: katya_k@mail.ru;

Tamara S. Nemchinova – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of World Politics, St. Petersburg State University;

e-mail: t.nemchinova@spbu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Специфика экономического поведения коренных малочисленных народов севера, проживающих в Арктической зоне Российской Федерации / Н. К. Харлампьева, А. Ю. Телицына, С. А. Курносова, Е. В. Забелина, Т. С. Немчинова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 109–120.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-109-120

FOR CITATION

Kharlamp'eva N. K., Telitsyna A. Yu., Kurnosova S. A., Zabelina E. V., Nemchinova T. S. Specificity of the economic behavior of indigenous nationalities of the North inhabiting the Arctic Zone of the Russian Federation. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 109–120. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-109-120

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. СПИСОК ВОПРОСОВ ИНТЕРВЬЮ

1. Расскажите о себе: возраст, место жительства, национальность, образование, профессия.
2. Расскажите подробнее о Вашей работе. Как обычно проходит Ваш день? Что Вам нравится в Вашей работе? Что бы Вы хотели изменить?
3. Перечислите источники доходов Вашей семьи. Достаточно ли Вам доходов? Сколько бы хотели получать?
4. Перечислите основные расходы Вашей семьи. На что Вы тратите денег больше всего?
5. Где и как часто Вы совершаете покупки? Есть ли у Вас какие-то трудности с приобретением нужных товаров?
6. Есть ли у вас сбережения? Храните ли Вы их в банке? На какие цели направлены сбережения?
7. Как вы относитесь к кредитам? Брали ли Вы кредиты в банке? Есть ли у Вас банковские карты (кредитные или дебетовые)?
8. К кому Вы можете обратиться в случае возникновения финансовых трудностей?
9. Что для вас является главным фактором финансовой устойчивости? Показателем материального достатка? Критерием благополучия?
10. Есть ли у Вас движимое и недвижимое имущество? Где находится? Как используется?
11. Пользуетесь ли Вы интернетом? Как часто идля каких целей?
12. Какие у Вас планы на будущее? Как Вы представляете свою жизнь через 1 год? Через 5 лет? Через 10 лет?
13. Задумывались ли Вы о собственном бизнесе? Если да, в какой сфере? Какие препятствия и риски Вы видите для реализации этого плана?
14. Как Вы считаете, какое образование нужно Вашим детям? Чем они будут заниматься, когда вырастут? Вы хотите, чтобы Ваши дети жили в посёлке? В городе? Почему?

РАЗДЕЛ III.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-121-132

ИЗУЧЕНИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО СТРЕССА У ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПСИХОЛОГИИ ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ

Филиппова С. А., Куликова Т. И.

*Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
300026, г. Тула, пр-т Ленина, д. 125, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель. Изучить проявление академического стресса у преподавателей психологии высшего учебного заведения.

Процедура и методы. Авторами проведён анализ научных работ и эмпирического материала по изучению проявления академического стресса у преподавателей высшего учебного заведения. В статье представлены материалы эмпирического исследования, полученные на выборке преподавателей психологии высших учебных заведений РФ в количестве 30 человек (экспериментальная группа). В качестве основного метода использовался констатирующий эксперимент. Исследование проводилось в режиме виртуального взаимодействия в период 2018–2019 учебного года и включало 2 этапа: начало и конец учебного года.

Результаты. Эмпирически проверены различия в показателях стресса в начале и конце учебного года, выявлена связь особенностей личности со стрессоустойчивостью и жизнестойкостью, заострений личностных черт с проявлениями профессионального стресса; в качестве ассоциированных со стрессом параметров выявлены эффективность тайм-менеджмента и содержательные аспекты труда.

Теоретическая и/или практическая значимость. Заключается в выявлении объективных и субъективных факторов академического стресса у преподавателей психологии, динамики стресса в академической среде высшего учебного заведения на протяжении учебного года.

Ключевые слова: академический стресс, высшее учебное заведение, преподаватели психологии, личностная гибкость, жизнестойкость, ургентная зависимость

STUDY OF ACADEMIC STRESS MANIFESTATION IN PSYCHOLOGY TEACHERS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

S. Filippova, T. Kulikova

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
125 Lenin ul., Tula 300026, Russian Federation*

Abstract.

Aim. To study the manifestation of academic stress in university teachers of psychology.

Methodology. The authors analyzed scientific works and empirical material on the study of academic stress manifestation in teachers of a higher educational institution. The article presents the materials of an empirical study obtained on a sample of psychology teachers of higher educational institutions of the Russian Federation in the amount of 30 people (experimental group). The ascertaining experiment was used as the main method. The study was carried out in the virtual interaction mode during the 2018-2019 academic year and included 2 stages: the beginning and the end of the academic year.

Results. Differences in stress indicators at the beginning and at the end of the school year are empirically verified, the connection of personality traits with stress resistance and resilience, sharpening personality traits with manifestations of professional stress is revealed; The parameters associated with stress revealed the effectiveness of time management and substantive aspects of labor.

Research implications. It consists in identifying the objective and subjective factors of academic stress of teachers of psychology, the dynamics of stress in the academic environment of a higher educational institution throughout the school year.

Keywords: academic stress, higher education institution, psychology teachers, personal flexibility, resilience, urgent dependence.

Введение

Академический стресс преподавателя вуза может быть вызван различными неблагоприятными факторами, среди которых в большей степени распространены физические, информационные и эмоциональные перегрузки, нехватка времени, организационные условия и т. д. Г. С. Никифоров и др. [15], рассматривая психологические факторы профессионального здоровья преподавателей высшей школы, обращают внимание на высокую частоту возникновения невротических и психосоматических расстройств в педагогической среде. Частота возникновения стрессовых состояний, низкой стрессоустойчивости и фрустрационной толерантности педагогических кадров гораздо выше по сравнению со специалистами других социальных групп.

Профессиональная стрессоустойчивость зависит от индивидуально-психологических и психофизиологических особенностей, но для определения точной стратегии, направленной на повышение стрессоустойчивости личности, необходимо учитывать стрессогенные факторы, с которыми сталкивается субъект как профессионал [7, с. 33].

Несмотря на то, что проблема стресса является предметом изучения многих отечественных и зарубежных исследователей, средовой фактор и психофизиологический феномен стресса нуждаются в постоянном исследовании и осмыслении. Стресс рассматривается современными учёными всесторонне: как эволюционно сформировавшийся механизм реагирования организма на факторы среды, как психологическая, социальная, а также организационная проблема, имеющая последствия для физического здоровья, психологического благополучия, профессиональной эффективности человека. Каждое из рассмотренных значений понятия «стресс» имеет концептуальную основу.

А. К. Маркова считает, что для педагогических работников прежде всего характерен информационный стресс, возникающий в условиях информационных перегрузок, когда педагог не успевает принимать адекватные решения при жёстком лимите времени и высокой степени ответственности [9]. По мнению Л. М. Митиной, для педагогов свойственен эмоциональный стресс, ведущий к негативным изменениям в мотивации, профессиональной деятельности под

влиянием переживаемых отрицательных эмоций обиды, гнева, вины и пр. [12].

Условия труда и профессиональная деятельность человека оказывают непосредственное влияние на его психосоматическое состояние. Нередко это воздействие является деструктивным, разрушительным для здоровья и психики [5, с. 52]. Л. М. Митина считает, что профессиональное здоровье педагогов имеет многоуровневую структуру, при этом высший уровень здоровья отвечает за смысловые ориентации, осознание смысла жизни, отношение к другим людям и что профессиональное здоровье регулирует нижележащие уровни здоровья [11, с. 34].

Изучение стресса в профессиональной среде имеет особую актуальность в системе «человек – человек», к которой относится образовательная среда. Негативные последствия стресса предстают в двух аспектах: физиологическом и психологическом, – снижая показатели здоровья человека, отрицательно сказываясь на психологическом благополучии и, как следствие, профессиональной эффективности преподавателя вуза.

Проблема стрессовых факторов в педагогической деятельности рассматривается в работах А. А. Баранова, С. В. Субботина и др. [2; 19]. Учёные отмечают, что работа педагога является одной из самых напряжённых (в психологическом плане) и входит в группу профессий с большим количеством стрессогенных факторов, что предъявляет повышенные требования к изучению стрессоустойчивости преподавателя.

Профессиональная деятельность преподавателей вуза предполагает проведение учебной, методической, научно-исследовательской работы и связана с увеличением интеллектуальной, сенсорной и эмоциональной нагрузки, в результате чего у педагогов наблюдается выраженное утомление, субъективно проявляющееся прежде всего в ощущении общей усталости психосоматиче-

ского характера [10]. Выявлены и явно психогенные реакции компенсаторного типа, когда испытуемые субъективно не ощущают усталости и потребности прекратить работу, несмотря на снижение функционального состояния зрительного и моторного анализаторов [16, с. 6].

Исследования Е. Ю. Лизуновой и А. К. Марковой демонстрируют, что работа педагога наиболее часто сопровождается профессиональным стрессом информационного содержания, так как требует высокой квалификации, связана с необходимостью овладевать новыми знаниями, обрабатывать и интерпретировать полученную информацию, принимать ответственность за результаты своей деятельности [8; 9].

И. К. Шац указывает на то, что большой объём информации усложняет профессиональную деятельность педагога и приводит в результате к постоянному напряжению и нехватке времени как на подготовку к занятиям, так и на выполнение нагрузки, запланированной в рамках второй половины дня [20]. Недостаток времени – серьёзный фактор стресса современных преподавателей. По мнению И. А. Давыдовой и Я. Я. Козьминой, большие затраты времени на выполнение той или иной задачи вызывают у академических сотрудников не только стресс, но и профессиональное выгорание, а недостаток времени на отслеживание событий и новых публикаций в своей профессиональной области – один из наиболее часто упоминаемых ими источников стресса [4, с. 171].

Стрессовое событие имеет различное значение для лиц с отличающимися психологическими характеристиками: с определёнными свойствами личности, различными доминирующими эмоциональными состояниями, определяющими качество и направленность поведенческого акта в ответ на внешние воздействия [10; 14]. Под влиянием индивидуально-психологических особенностей личности на фоне определённого психического со-

стояния у преподавателя формируются адаптивные или дезадаптивные реакции [3, с. 19].

Стресс-факторы в профессии педагога отечественные учёные делят на две группы: индивидуальные (социально-демографические и личностные особенности) и организационные (условия работы, содержание труда, социально-психологические) [13; 17].

Педагогическую деятельность в целом необходимо приравнять к категории «напряжённого труда как по критериям умственной деятельности, режима труда и санитарно-гигиеническим условиям, так и по критерию работы с людьми» [1, с. 150]. При этом следует отметить, что изучение стрессовых факторов в профессиональной деятельности педагога носит преимущественно обобщённый характер по отношению к субъекту педагогической деятельности без учёта специфики этой деятельности. Несмотря на то, что современная академическая среда вуза характеризуется типичными неблагоприятными факторами (интеллектуальными, сенсорными, эмоциональными перегрузками; информационной интенсивностью; дефицитом времени и т. д.), особенности проявления стресса у преподавателей вуза могут иметь существенные различия в зависимости от содержания и характера профессиональной деятельности.

В исследовании О. В. Ровенко, А. И. Чередниченко, В. С. Чернявской выявлены информационно-технологические факторы стресса в профессионально-педагогической деятельности. Авторы отмечают, что в связи с необходимостью постоянного повышения информационно-технологической грамотности преподавателей профессиональный стресс развивается как результат несоответствия новых требований рабочей среды и индивидуальных ресурсов [21].

В работе А. С. Сказко, Г. В. Костиной выявлено, что большая часть преподавателей высшей школы имеет средний уровень устойчивости к общему стрессу,

который имеет тенденцию к дальнейшему снижению по мере увеличения возраста и стажа работы [18]. Однако эти данные требуют конкретизации и уточнения применительно к изучению динамики изменения уровня стресса у преподавателей на протяжении учебного года.

Совершенно очевидно, что содержание и условия педагогической деятельности требуют повышенной мобилизации внутренних ресурсов человека, перенапряжение которых приводит к сбоям в процессах психологической адаптации и, как следствие, нарушениям психического здоровья специалистов [6].

Современные зарубежные исследователи также проявляют научный интерес к проблеме профессионального стресса преподавателей высшей школы, изучению стратегий и стилей преодоления эмоциональных перегрузок и академических трудностей [25; 26]. А. Б. Беккер, М. К. Идрис, Д. Ольсен и др. располагают данными о специфике профессиональной деятельности в системе образования, которая оказывает влияние на уровень стресса: изучаются особенности рабочего графика, специфические требования к кадрам, особенности форм контроля над выполнением нагрузки и др. [22; 23; 24].

В исследовании *Changing Academic Profession*, в рамках которого, помимо прочих факторов, оценивались уровни профессионального стресса и удовлетворённости трудом в среде преподавателей вузов, показано: «Уровень профессионального стресса и удовлетворённости работой в академической сфере варьирует от страны к стране ... Российские значения самые низкие: преподаватели здесь практически не испытывают стресса и меньше своих коллег из других стран удовлетворены работой ... В данную группу также входят Германия, ЮАР и Аргентина» [4, с. 174]. Показаны отличия России от этой группы стран в восприятии значения нематериальных ресурсов. Факторами, снижающими стресс и повышающими удовлетворённость трудом,

являются: потенциал влияния на кафедре, вовлечённость в коммуникацию, коллегиальность в принятии решений, взаимодействие преподавателей и руководства; не влияют на удовлетворённость и уровень стресса – должность, заработная плата, стаж. [4, с. 176–177].

Анализ психолого-педагогической литературы по проблеме профессионального стресса преподавателя вуза позволил обнаружить отсутствие работ, в которых рассматривается проявление академического стресса преподавателей психологии. Однако именно на преподавателей психологии ложится ответственность за формирование у студентов целого ряда личностных черт, желательных для профессиональной деятельности практического психолога.

Методы

Цель исследования состояла в изучении проявления академического стресса у преподавателей психологии высшего учебного заведения. Эмпирическую базу исследования составил профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений РФ в количестве 30 человек (экспериментальная группа). Половозрастной состав: женщины в возрасте 29–63 лет; научная специальность «Психология». Исследование проводилось в режиме виртуального взаимодействия в период 2018–2019 учебного года и включало 2 этапа: начало и конец учебного года. Мы предположили, что на выраженность академического стресса оказывают влияние личностные характеристики преподавателей психологии в вузе.

Концептуальную основу исследования составили:

- физиологические теории (И. П. Павлов, Г. Селье), объясняющие физиологические механизмы эустресса и дистресса;

- теории личности, концепции жизнестойкости, рассматривающие психологические механизмы совладающего пове-

дения личности (Г. Айзенк, Л. Н. Собчик, С. Мадди, Д. А. Леонтьев);

- концепции организационного поведения и профессиональной мотивации (Т. Ю. Базаров, К. Замфир и др.).

На основе изучения перечисленных выше концепций и анализа работ по исследованию стресса в профессиональной деятельности преподавателя были определены доминирующие факторы академического стресса и сформирована психодиагностическая программа:

- фактор личностных особенностей (пятифакторный опросник личности Мини-Мульт (СМОЛ); тест жизнестойкости С. Мадди (адаптация Д. А. Леонтьева));

- фактор профессионально-значимых мотивационно-ценностных ориентаций личности (диагностика типа организационной культуры» Т. Ю. Базарова – П. В. Малиновского; мотивация профессиональной деятельности (методика К. Замфир в модификации А. А. Реана));

- фактор сопряжённых с профессиональной деятельностью свойств и состояний (опросник «Удовлетворённость работой» В. А. Розановой; оценка состояний сниженной работоспособности ДОРС (модиф. А. Б. Леоновой, С. Б. Величковой); шкала психологического стресса PSM-25; анкета оценки качества жизни SF-36; опросник «Факторы стресса на работе»).

Обсуждение

Результаты исследования личностных особенностей позволяют охарактеризовать выборку как благополучную, обладающую высоким адаптивным потенциалом. У большинства участников не было обнаружено заострений личностных черт, акцентуаций, при которых в ситуациях фрустрации и стресса активируются типичные, ригидные когнитивные установки и поведенческие стратегии, что снижает адаптивные возможности индивида. Полученные результаты свидетельствуют о гибкости личности, спо-

способности адаптироваться к внешним условиям.

У нескольких участников эксперимента были обнаружены заострения по типу «психастения». Психастения как устойчивая личностная черта предполагает склонность к психоэмоциональному и физическому истощению, предрасположенность к эмоциональному выгоранию, что в рамках изучаемой проблемы стоит рассматривать как фактор риска.

Анализ результатов исследования жизнестойкости позволил выявить высокие значения у 23% участников, средние – у 64%, низкие – у 10%. Таким образом, выборку в целом можно охарактеризовать как обладающую достаточным потенциалом совладания со стрессовыми ситуациями.

Исследование уровня текущего дистресса по шкале PSM-25 показало наличие высоко выраженных проявлений стресса у 7% опрошенных, средних – у 56% опрошенных, низких – у 37% опрошенных. В целом выборка характеризуется как имеющая умеренные проявления стресса, что также подтверждается результатами исследования работоспособности по методике ДОРС. Эти данные согласуются с результатами исследования Changing Academic Profession на российской выборке [4].

Исследование удовлетворённости трудом позволяет охарактеризовать выборку в целом как благополучную: различные проявления неудовлетворённости испытывают 10% участников эксперимента, высокие показатели удовлетворённости трудом обнаружены у 77%. Данные об уровне удовлетворённости трудом отличаются от результатов исследования Changing Academic Profession на российской выборке: выборка преподавателей 25 государственных вузов характеризуется уровнем удовлетворённости трудом ниже средних показателей, выборка преподавателей факультета психологии – высоким уровнем удовлетворённости. При этом обращают на себя внимание

показатели ургентной зависимости: очевидно, что у большинства временная организация труда вызывает определённые трудности.

Исследование профессиональной мотивации позволило сделать вывод о преобладании внутренней и внешней положительной мотивации над внешней отрицательной, что является положительным условием профессиональной эффективности.

Исследование установок, ценностей и целей профессиональной деятельности, выраженных в типах организационной культуры, характеризует выборку как абсолютно не склонную к формализации профессиональной деятельности. Преобладающая в выборке преподавателей партиципативная культура характерна для профессий, требующих высокой степени личного творчества и высокого профессионализма; органическая – демонстрирует ценность межличностных отношений и благоприятного психологического климата в коллективе; предпринимательская – готовность к конкуренции и риску.

Для получения более развёрнутой информации о субъективном восприятии профессионального стресса и его влияния на здоровье был проведён опрос, включивший анкету оценки качества жизни SF-36 и опросник «Факторы стресса на работе» (вопросы закрытого типа).

Большинство участников исследования оценивают своё физическое и психическое здоровье как удовлетворительное: полное физическое и психическое здоровье отмечают у себя 57% и 58% соответственно; среднее состояние физического и психического здоровья – 43% и 42% соответственно.

Большинство преподавателей (60%) считают свою работу стрессогенной, при этом большинство (85%) указывает, что работа не является единственным источником стресса.

Большинство участников эксперимента не выделяют «критических» стрессовых

периодов в течение учебного года: часть из них воспринимают как наиболее напряжённый период начало учебного года, некоторые – конец, отдельные преподаватели – и начало, и конец. При этом большинство (63%) оценивают конец учебного года как период «наибольшего физического и эмоционального истощения».

Ответы на вопросы о факторах стресса на работе позволили ранжировать их и выделить ведущие, к которым относятся «объём нагрузки» и «большой объём бумажной работы».

Анализ результатов первого этапа эксперимента (оценка проявлений стресса на начало учебного года) позволил сделать ряд выводов.

В результате изучения личностных предикатов стрессоустойчивости было установлено, что:

- большинство участников исследования обладают сбалансированным личностным профилем, что способствует их личностной гибкости, психологической адаптации и стрессоустойчивости;
- выборка преподавателей характеризуется достаточно высокими показателями жизнестойкости: им свойственны состояния вовлечённости в текущие события жизни, контроль над ними, способность адаптивно реагировать на ситуации неопределённости.

Изучение профессионально значимых мотивационно-ценностных ориентаций личности показало, что:

- для выборки характерно преобладание благоприятного типа рабочей мотивации;
- организационная культура (профессиональные ценности) значительной части сотрудников и организационная структура учреждения, характеризующаяся высокой степенью формализации, находятся в явном противоречии, что может создавать стрессовую нагрузку; об этом также свидетельствует высокий ранг фактора «большой объём бумажной работы», субъективно воспринимаемого участниками как стрессогенного.

Сопряжённые с профессиональной деятельностью состояния характеризуются: средним (умеренным) текущим уровнем стресса; удовлетворённостью работой; нормальным уровнем работоспособности; субъективным восприятием сферы профессиональной деятельности как стрессогенной; субъективным восприятием конца учебного года как периода наибольшего психофизического истощения; отсутствием выраженного влияния профессионального стресса на показатели психического и физического здоровья; при в целом благополучной картине обращают на себя внимание проявления ургентной зависимости.

Для выявления динамики показателей стресса в течение учебного года нами было повторно проведено диагностическое исследование на той же выборке в конце учебного года с применением шкалы психологического стресса PSM-25. Статистический анализ данных проводился с применением G-критерия знаков. Полученные различия позволяют утверждать, что уровень стресса у преподавателей психологии, как и в целом в академической среде вуза, возрастает к концу учебного года, т. е. различные периоды учебного года характеризуются различной стрессогенностью. При этом данные самоотчетов показали, что динамика стресса не осознаётся теми участниками, у которых эта динамика была обнаружена по результатам тестирования.

Для выявления связей между изучаемыми параметрами был осуществлён корреляционный анализ, который показал наличие многочисленных как сильных, так и неустойчивых прямых и обратных связей (табл. 1; табл. 2).

Проявления жизнестойкости отрицательно связаны с заострениями большинства (за исключением гипомании) личностных черт, и в частности с обнаруженной в выборке психастений. С проявлениями стресса, наоборот, имеются положительные, хотя и слабые связи. Проявления профессионального стрес-

Таблица 1 / Table 1

Взаимосвязь личностных особенностей с проявлениями стресса и жизнестойкости (уровень статистической значимости $p < 0,05$) / Relationship between personality traits and manifestations of stress and resilience (level of statistical significance $p < 0.05$)

Параметры	Ж	В	К	Пр	С	ПС
Ипохондрия	-0,12	0,007	0,05	-0,16	0,38	0,14
Депрессия	-0,44	-0,40	-0,37	-0,44	0,25	0,56
Истерия	-0,28	-0,18	-0,31	-0,34	0,26	0,42
Психопатия	-0,17	-0,11	-0,31	-0,11	-0,34	0,23
Паранойя	-0,17	-0,13	-0,03	-0,13	0,32	0,51
Психастения	-0,25	-0,21	-0,32	-0,25	0,13	0,47
Шизоидность	-0,26	-0,26	-0,34	-0,34	0,36	0,48
Гипомания	0,16	0,15	0,21	0,20	0,33	0,02

Примечание. В таблице приняты следующие сокращения: Ж – жизнестойкость; В – вовлечение; К – контроль; Пр – принятие риска; С – стресс; ПС – профессиональный стресс.

Таблица 2 / Table 2

Взаимосвязь личностных факторов и проявлений стресса (уровень статистической значимости $p < 0,05$) / The relationship between personality factors and manifestations of stress (level of statistical significance $p < 0.05$)

Параметры	Ж	В	К	Пр	Уз	У	ПС
Пресыщение	-0,63	-0,83	-0,49	-0,74	0,21	0,53	0,68
Психастения	-0,25	-0,21	-0,32	-0,25	0,45	0,57	0,47
Профессиональный стресс	-0,45	-0,62	-0,35	-0,59	0,58	0,32	1,0

Примечание. В таблице приняты следующие сокращения: Ж – жизнестойкость; В – вовлечение; К – контроль; Пр – принятие риска; Уз – ургентная зависимость; У – утомление; ПС – профессиональный стресс.

са связаны с заострениями личностных черт более устойчивыми связями (в том числе с обнаруженной в выборке психастений).

Вполне вероятно, что акцентуации, ригидность личностных черт отрицательно сказываются на жизнестойкости, поскольку имеющиеся устойчивые личностные и поведенческие паттерны не предполагают адаптивности и гибкости реагирования на стресс. Мы можем утверждать, что личностная гибкость, отсутствие заострений личностных черт являются предикатами стрессоустойчивости и жизнестойкости.

Проявления жизнестойкости отрицательно связаны с таким параметром снижения работоспособности, как «пресыщение», что отсылает нас к проблемам профессионального выгорания, обусловленным, возможно, большим объемом учебной нагрузки и избытком разнообразных задач в условиях дефицита времени.

Параметр «пресыщение» также связан с уровнем стресса. В результате наступления психического пресыщения происходят потеря интереса к работе, снижение работоспособности. С уровнем стресса устойчиво связано большинство изучаемых нами параметров, что позволяет рас-

смагивать его как центральный компонент в структуре обнаруженных связей.

Обращают на себя внимание отрицательные связи стресса и параметров жизнестойкости, положительная связь стресса и ургентной зависимости.

Таким образом, в качестве ведущих ассоциированных со стрессом параметров профессиональной деятельности преподавателей психологии выделяются ургентная зависимость и пресыщение.

Выводы

Проведённое нами исследование позволяет охарактеризовать проявления академического стресса у преподавателей психологии в вузе как умеренные. Полученные в ходе исследования данные указывают, что в процессе профессиональной деятельности у преподавателей наблюдается утомление, субъективно проявляющееся в ощущении общей усталости психосоматического характера, при этом проявления стресса не достигают выраженных значений, не снижают работоспособности и удовлетворённости трудом.

На психосоматическое состояние преподавателей психологии в вузе оказывают влияние как объективные, так и субъективные факторы стресса.

Анализ данных второго этапа исследования при помощи методов математической статистики позволяет сделать следующие выводы:

1. Стресс у преподавателей психологии имеет динамику, аналогичную динамике академического стресса в вузе: его уровень более выражен в конце года. Однако при этом рост показателей стресса к концу учебного года преподавателями-участниками эксперимента не осознаётся, что создаёт определённые риски для показателей их здоровья и профессиональной эффективности.

2. Можно выделить ряд факторов, которые стоит учитывать преподавателям пси-

хологии для профилактики стресса в процессе профессиональной деятельности:

– сбалансированность личностных черт, личностную гибкость целесообразно рассматривать как предикат жизнестойкости и стрессоустойчивости;

– ассоциированными со стрессом в указанной выборке являются такие параметры профессиональной деятельности, как временная организация труда и содержание профессиональных задач, влияющие на работоспособность преподавателей. Интенсивность профессиональной нагрузки, наличие как стандартных задач, так и требующих нестандартных решений в условиях ограниченного времени, – приводят к состоянию хронического нервно-психического напряжения. Дефицит времени или неумение его использовать затрудняет рефлексивную оценку профессиональных функций и результатов профессиональной деятельности, что может вести к ценностному конфликту.

3. Субъективное восприятие факторов стресса согласуется с результатами диагностического исследования.

Таким образом, можно констатировать, что выделенные в нашем исследовании факторы во многом определяют характер проявления стресса у преподавателей психологии высшего учебного заведения. Показано, что личностные характеристики и условия профессиональной деятельности оказывают влияние на выраженность стресса.

Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения проблемы академического стресса у преподавателей разных специализаций высшей школы и формирования специальных программ его профилактики и психологической коррекции.

Статья поступила в редакцию 01.07.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Багадаева О. Ю. Факторы стресса в профессии педагога дома ребенка // Вектор науки. Тольяттинский государственный университет. 2014. № 2 (28). С. 149–153.
2. Баранов А. А. Стресс-толерантность педагога: теория и практика. М., Ижевск, 2002. 132 с.
3. Величковская С. Б. Зависимость возникновения и развития стресса от факторов профессиональной деятельности педагогов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 32 с.
4. Давыдова И. А., Козьмина Я. Я. Профессиональный стресс и удовлетворенность работой преподавателей российских вузов [Электронный ресурс] // Вопросы образования. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-stress-i-udovletvorennost-rabotoy-prepodavateley-rossiyskih-vuzov> (дата обращения: 30.07.2020).
5. Зеленова М. Е., Захаров А. В. Выгорание и стресс в контексте профессионального здоровья военнослужащих [Электронный ресурс] // Социальная психология и общество. 2014. № 2. URL: https://psyjournals.ru/social_psy/2014/n2/69371.shtml (дата обращения: 09.02.2020).
6. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М., 2013. 368 с.
7. Куликова Т. И. Управление временем как фактор стрессоустойчивости современного учителя // GESJ: Education Science and Psychology: [сайт]. 2018. № 2 (48). URL: http://gesj.internet-academy.org.ge/en/list_artic_en.php?b_sec=edu&issue=2018-06 (дата обращения: 09.02.2020).
8. Лизунова Е. Ю. Методологические основы формирования стрессоустойчивости будущих учителей в чрезвычайных ситуациях: монография. Самара, 2008. 134 с.
9. Маркова А. К. Психология труда учителя: книга для учителя. М., 1993. 192 с.
10. Марков Д. О. Управление академическим стрессом в контексте психологического сопровождения учебно-профессиональной деятельности // Актуальные проблемы организационной психологии и психологии дорожного движения: сборник научных трудов. Вып. 3 / под ред. А. В. Погодиной, Е. Ю. Литвиновой. М., 2019. С. 62–67.
11. Митина Л. М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования. СПб., 2014. 376 с.
12. Митина Л. М., Асмаковец Е. С. Эмоциональная гибкость учителя: психологическое содержание, диагностика, коррекция. М., 2001. 190 с.
13. Орел В. Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии: эмпирические исследования и перспективы // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 90–101.
14. Пазухина С. В., Волкова Е. О. Исследование причин и особенностей проявления стресса у студентов-первокурсников в период подготовки к первой сессии // Уральский научный вестник (Казахстан). 2017. Т. 2. № 4. С. 64–68.
15. Психологические факторы профессионального здоровья преподавателей высшей школы / Г. С. Никифоров, Н. Е. Водопьянова, Р. А. Березовская, Е. С. Старченкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология, социология, педагогика. 2015. № 4. С. 42–54.
16. Рыжов А. Я. Психофизиологическая характеристика профессиональной деятельности преподавателей вуза // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 22. С. 5–15.
17. Сапего Е. И. Влияние типа организационной культуры образовательного учреждения на уровень профессиональной деформации педагогов // Образование и наука. 2015. № 10. С. 38–50.
18. Сказко А. С., Костина Г. В. Профессиональный стресс в деятельности преподавателей высшей школы // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 1 (68). С. 306–307.
19. Субботин С. В. Устойчивость к психическому стрессу как характеристика метаиндивидуальности учителя: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Пермь, 1992. 13 с.
20. Шац И. К. Анализ общих и специфических причин профессионального стресса у педагогов // Вестник государственного Ленинградского университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 5. № 3. С. 40–50.
21. Чернявская В. С., Ровенко О. В., Чередниченко А. И. Информационно-технологические факторы стресса педагога в профессиональной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 1 (56). С. 220–224.
22. Job Resources Boost Work Engagement, Particularly when Job Demands are High / A. B. Bakker, J. J. Hakanen, E. Demerouti, D. Xanthopoulou // Journal of Educational Psychology. 2007. Vol. 99. No 2. P. 274–284.

23. Idris M. K. Over Time Effects of Role Stress on Psychological Strain among Malaysian Public University Academics // *International Journal of Business and Social Science*. 2011. Vol. 2. No. 9. P. 154–161.
24. Olsen D. Work Satisfaction and Stress in the First and Third Year of Academic Appointment // *The Journal of Higher Education*. 1993. Vol. 64. No. 4. P. 453–471.
25. Marinaki M., Antoniou A., Drosos N. Coping Strategies and Trait Emotional Intelligence of Academic Staff // *Psychology*. 2017. No. 8. P. 1455–1470. DOI: 10.4236/psych.2017.810096.
26. Walter O., Shenaar-Golan V., Greenberg Z. Effect of Short-Term Intervention Program on Academic Self-Efficacy in Higher Education // *Psychology*. 2015. No. 6. P. 1199–1215. DOI: 10.4236/psych.2015.610118.

REFERENCES

1. Bagadaeva O. Yu. [Stress factors in the profession of a childcare teacher]. In: *Vektor nauki. Tol'yatinskii gosudarstvennyi universitet* [Science vector. Togliatti State University], 2014, no. 2 (28), pp. 149–153.
2. Baranov A. A. *Stress-tolerantnost' pedagoga: teoriya i praktika* [Teacher Stress Tolerance: Theory and Practice]. Moscow, Izhevsk, 2002. 132 p.
3. Velichkovskaya S. B. *Zavisimost' vznikhoveniya i razvitiya stressa ot faktorov professional'noi deyatel'nosti pedagogov: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk* [The dependence of the emergence and development of stress on the factors of the professional activity of teachers: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2005. 32 p.
4. Davydova I. A., Koz'mina Ya. Ya. [Professional stress and satisfaction with the work of teachers in Russian universities]. In: *Voprosy obrazovaniya* [Educational issues], 2014, no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnyy-stress-i-udovletvorennost-rabotoy-prepodavateley-rossiyskiy-vuzov> (accessed: 07.30.2020).
5. Zelenova M. E., Zakharov A. V. [Burnout and stress in the context of professional health of military personnel]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social psychology and society], 2014, no. 2. Available at: https://psyjournals.ru/social_psy/2014/n2/69371.shtml (accessed: 02.09.2020).
6. Kitaev-Smyk L. A. *Psikhologiya stressa* [Psychology of stress]. Moscow, 2013. 368 p.
7. Kulikova T. I. [Time management as a factor of stress resistance of a modern teacher]. In: *GESJ: Education Science and Psychology*, 2018, no. 2 (48). Available at: http://gesj.internet-academy.org.ge/en/list_artic_en.php?b_sec=edu&issue=2018-06 (accessed: 02.09.2020).
8. Lizunova E. Yu. *Metodologicheskie osnovy formirovaniya stressoustoichivosti budushchikh uchitelei v chrezvychaynykh situatsiyakh* [Methodological foundations of the formation of stress resistance of future teachers in emergency situations]. Samara, 2008. 134 p.
9. Markova A. K. *Psikhologiya truda uchitelya* [Psychology of teacher's work]. Moscow, 1993. 192 p.
10. Markov D. O. [Academic stress management in the context of psychological support of educational and professional activities]. In: Pogodina A. V., Litvinova E. Yu., eds. *Aktual'nye problemy organizatsionnoi psikhologii i psikhologii dorozhnogo dvizheniya. Vyp. 3* [Actual problems of organizational psychology and traffic psychology. Iss. 3]. Moscow, 2019, pp. 62–67.
11. Mitina L. M. *Psikhologiya lichnostno-professional'nogo razvitiya sub'ektov obrazovaniya* [Psychology of personal and professional development of educational subjects]. St. Petersburg, 2014. 376 p.
12. Mitina L. M., Asmakovets E. S. *Emotsional'naya gibkost' uchitelya: psikhologicheskoe soderzhanie, diagnostika, korrektsiya* [Emotional flexibility of the teacher: psychological content, diagnosis, correction]. Moscow, 2001. 190 p.
13. Orel V. E. [The phenomenon of "burnout" in foreign psychology: empirical research and prospects]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2001, vol. 22, no. 1, pp. 90–101.
14. Pazukhina S. V., Volkova E. O. [Investigation of the causes and characteristics of stress manifestation in freshmen students during the preparation for the first session]. In: *Ural'skii nauchnyi vestnik (Kazakhstan)* [Ural Scientific Bulletin (Kazakhstan)], 2017, vol. 2, no. 4, pp. 64–68.
15. Nikiforov G. S., Vodopyanova N. E., Berezovskaya R. A., Starchenkova E. S. [Psychological factors of professional health of higher school teachers]. In: *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Seriya 12: Psikhologiya, sotsiologiya, pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 12: Psychology, sociology, pedagogy], 2015, no. 4, pp. 42–54.
16. Ryzhov A. Ya. [Psycho-physiological characteristics of the professional activity of university teachers]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver' State University], 2015, no. 22, pp. 5–15.

17. Sapego E. I. [Influence of the type of organizational culture of an educational institution on the level of professional deformation of teachers]. In: *Obrazovanie i nauka* [Education and Science], 2015, no. 10, pp. 38–50.
18. Skazko A. S., Kostina G. V. [Professional stress in the activities of higher education teachers]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2018, no. 1 (68), pp. 306–307.
19. Subbotin S. V. *Ustoichivost' k psikhicheskomu stressu kak kharakteristika metaindividual'nosti uchitelya: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Resistance to mental stress as a characteristic of the teacher: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Perm, 1992. 13 p.
20. Shats I. K. [Analysis of general and specific causes of professional stress among teachers]. In: *Vestnik gosudarstvennogo Leningradskogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of State Leningrad University named after A. S. Pushkin], 2014, vol. 5, no. 3, pp. 40–50.
21. Chernyavskaya V. S., Rovenko O. V., Cherednichenko A. I. [Information technology factors of stress of a teacher in professional activity]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 2016, no. 1 (56), pp. 220–224.
22. Bakker A. B., Hakanen J. J., Demerouti E., Xanthopoulou D. Job Resources Boost Work Engagement, Particularly when Job Demands are High. In: *Journal of Educational Psychology*, 2007, vol. 99, no. 2, pp. 274–284.
23. Idris M. K. Over Time Effects of Role Stress on Psychological Strain among Malaysian Public University Academics. In: *International Journal of Business and Social Science*, 2011, vol. 2, no. 9, pp. 154–161.
24. Olsen D. Work Satisfaction and Stress in the First and Third Year of Academic Appointment. In: *The Journal of Higher Education*, 1993, vol. 64, no. 4, pp. 453–471.
25. Marinaki M., Antoniou A., Drosos N. Coping Strategies and Trait Emotional Intelligence of Academic Staff. In: *Psychology*, 2017, no. 8, pp. 1455–1470. DOI: 10.4236/psych.2017.810096.
26. Walter O., Shenaar-Golan V., Greenberg Z. Effect of Short-Term Intervention Program on Academic Self-Efficacy in Higher Education. In: *Psychology*, 2015, no. 6, pp. 1199–1215. DOI: 10.4236/psych.2015.610118.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Филиппова Светлана Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
e-mail: wega04@mail.ru

Куликова Татьяна Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
e-mail: tativkul@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana A. Filippova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology and Pedagogics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;
e-mail: wega04@mail.ru

Tatyana I. Kulikova – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology and Pedagogics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;
e-mail: tativkul@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Филиппова С. А., Куликова Т. И. Изучение проявления академического стресса у преподавателей психологии высшего учебного заведения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 121–132.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-121-132

FOR CITATION

Filippova S. A., Kulikova T. I. Study of academic stress manifestation in psychology teachers of higher educational institutions. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 121–132.
DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-121-132

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-133-142

ВОЗРАСТНО-СТАТУСНОЕ САМОСОЗНАНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ТИПОЛОГИИ ВЗРОСЛЕНИЯ

Швец Ф. А.*Дальневосточный федеральный университет, филиал в г. Уссурийске (Школа педагогики)
692500, Приморский край, г. Уссурийск, ул. Некрасова, д. 35, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучение возможности выделения типологии подросткового взросления по критерию возрастного-статусного самосознания (ВСС).

Процедура и методы. Основное содержание исследования представляет собой разработку типологии подросткового взросления с помощью применения опросника «Возрастно-статусное самосознание». На двух выборках был проведён кластерный анализ (метод K – means) и рассмотрено число наблюдений в каждом кластере. Посредством критерия Фишера было проведено сравнение между двумя выборками по числу наблюдений в каждом кластере.

Результаты. На основании исследования были выделены три типа подросткового взросления: «чувство взрослости», «чувство промежуточно-переменчивого статуса», «нежелание взрослеть». Выявлено процентное соотношение типов возрастного-статусного самосознания в каждой выборке. Сравнение числа наблюдений в каждом кластере между двумя выборками показало значимые различия по всем типам подросткового взросления.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложен один из способов изучения индивидуально-психологических особенностей в работе по психолого-педагогической поддержке взросления детей на этапе перехода от детства к взрослости в части диагностики типа взросления.

Ключевые слова: взросление, подростковое самосознание, чувство взрослости, возрастное-статусное самосознание, типология подросткового взросления

AGE STATUS SELF-AWARENESS AS THE BASIS OF THE TYPOLOGY OF GROWING UP

F. Shvets*Far Eastern Federal University, Ussuriysk FEFU branch (School of Education)
35 Nekrasova ul., Ussuriysk, Primorsky reg., 692500, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the possibility of identifying the typology of adolescent adulthood by the criterion of age-status self-awareness (SCD).

Methodology. The main content of the study is the development of a typology of adolescent adulthood using the questionnaire “Age-status self-awareness”. Cluster analysis (K-means method) was performed on two samples and the number of observations in each cluster was considered. Using the Fischer criterion, a comparison was made between two samples based on the number of observations in each cluster.

Results. Based on the study, three types of adolescent adulthood were identified: “a sense of adulthood”, “a sense of intermediate-changeable status”, and “unwillingness to grow up”. The percentage

of types of age-status self-awareness in each sample was revealed. Comparing the number of observations in each cluster between the two samples showed significant differences across all types of adolescent adulthood.

Research implications. One of the ways to study individual psychological features in the work on psychological and pedagogical support of children's growing up at the stage of transition from childhood to adulthood in terms of diagnosing the type of growing up is proposed.

Keywords: growing up, adolescent self-awareness, sense of adulthood, age-status self-awareness, typology of adolescent adulthood

Введение

Проблема взросления продолжает оставаться актуальной как в зарубежной, так и в отечественной психологии. С одной стороны, это связано с ориентацией общества на молодёжь как потенциал его развития. С другой – с постоянной изменчивостью психологических признаков взрослеющих [5; 8; 12; 14]. Большую роль также играет тот факт, что в современном мире произошло увеличение количества подростков. Как пишет Л. А. Дженсен [13], с начала XXI в. число подростков стало составлять одну пятую часть населения мира. В 2018 г. средний возраст населения земли составлял 30,4 г.¹. В силу этого процессы, изменения, происходящие в этой среде, становятся всё более определяющими развитие общества.

Отмечая постоянные изменения в характере перехода от детства к взрослости, отечественные и зарубежные исследователи обращают внимание на вариативность взросления [6; 7; 14]. Так, М. Твенге и У. Кит Кэмпбелл [14], анализируя теорию формирующейся взрослости Дж. Арнетта, пишут, что не рассматривают удлинение детства как однозначно более позднее взросление, как это предполагается у Дж. Арнетта, а считают, что удлинённое детство может завершиться как вступлением во взрослую жизнь, так и отказом от традиционных маркеров взрослой жизни в пользу индивидуалистического образа жизни. Вплоть до того, что сама по себе взрослая жизнь станет выбором. В 2016 г. К. Н. Поливановой,

А. А. Бочавер, А. К. Нисской [6] был полностью повторён проект середины 1960-х гг. Д. Б. Эльконина, Т. В. Драгуновой и выявлено четыре типа поведения подростков по сравнению с единственной линейной схемой в исходном исследовании. Индивидуально-психологические характеристики взросления были выявлены в исследовании В. В. Терещенко, И. М. Чуб [7].

Разделяя представления отечественных и зарубежных учёных о необходимости дифференцированного подхода к проблеме взросления, мы попытались изучить возможность выделения типологии взросления по основанию возрастно-статусного самосознания. Под возрастно-статусным самосознанием мы понимаем динамическое единство знания и отношения личности к своему возрастному статусу в контексте различных возрастных идентификаций и эмоционально-мотивационных характеристик, связанных с ними. Возрастно-статусное самосознание понимается нами как более широкое понятие, чем «чувство взрослости», включающее в себя не только идентификацию со статусом взрослого, но и идентификацию со смежными возрастными статусами: детства или промежуточного, – а также эмоционально-мотивационную оценку каждого возрастного статуса. Мы предположили, что «чувство взрослости» – один из типов возрастностатусного самосознания, существующий наряду с другими типами.

Методы исследования

Цель нашего исследования – изучить возможности выделения типологии под-

¹ Проект «Население земли – счётчик населения мира» / Countrymeters: [сайт]. URL: <https://countrymeters.info/ru/World> (дата обращения: 14.09.2020).

росткового взросления по критерию возрастано-статусного самосознания.

Гипотеза: по критерию возрастано-статусного самосознания можно выделить типы взросления подростков.

Описание выборки: исследование проводилось в разные годы на двух выборках школьников 12–15 лет, обучающихся в муниципальных школах Приморского края: в 2012 г. на выборке 132-х подростков (60 мальчиков и 72 девочки); в 2014 г. на выборке 119-ти подростков (44 мальчика и 75 девочек).

Методика: оценка возрастано-статусного самосознания проводилась при помощи опросника «Возрастно-статусное самосознание» [2]. Опросник был представлен 13 утверждениями, охватывающими два компонента самосознания: когнитивный и аффективный. Когнитивный компонент представлен различными возрастными идентификациями подростков и отражён в утверждениях типа: «Я считаю себя уже вполне взрослым человеком», «Я считаю себя ребёнком», «Я бы определил свой возраст как промежуточный между взрослостью и детством», «Иногда я чувствую себя взрослым, а иногда – ребёнком» и т. д. Аффективный компонент – в суждениях, характеризующих отношение к различным возрастным статусам: «Мне нравится мир взрослых», «Мне нравится мир детства», «Я хочу поскорее стать взрослым» и т. д. Опросник предполагал пять вариантов ответов: «да», «скорее да», «иногда», «скорее нет», «нет». Максимальный балл был равен «5» и означал абсолютное согласие с утверждением, минимальный – «1» и означал несогласие. По результатам факторного анализа в опроснике выделяется 4 шкалы: «чувство взрослости», «нежелание взрослеть», «чувство переменчиво-промежуточного статуса» и «удовлетворённость возрастом» [2]. Содержание шкалы «**чувство взрослости**» заключается в идентификации с взрослым возрастным статусом и отказе от идентификации с детским возрастом. Чем выше показатели

по данной шкале, тем сильнее выражено чувство взрослости у подростка. Шкала «**нежелание взрослеть**» характеризуется позитивной оценкой детства, желанием как можно дольше оставаться в мире детства, низкой оценкой взрослого возрастного статуса и нежеланием взрослеть. Высокие показатели по данной шкале отражают нежелание взрослеть, низкие – желание поскорее стать взрослым. Шкала «**чувство переменчиво-промежуточного статуса**» представляет собой идентификацию, отражающую неопределённую позицию: маргинальную («между») или неустойчивую («то взрослый, то ребёнок»). Чем выше показатели по данной шкале, тем выше у испытуемого чувство неопределённого возрастного статуса. Шкала «**удовлетворённость своим возрастом**» отражает позитивное отношение к собственному возрасту и желание как можно дольше в нём оставаться. Высокие показатели по данной шкале означают удовлетворённость своим возрастом, низкие – отсутствие этой удовлетворённости. Для целей кластерного анализа нами была проведена кодировка результатов по шкалам. Высокие баллы (от 4/5 максимального результата и более по соответствующей шкале) отмечались как «1». Низкие баллы (меньше 4/5 максимального результата по соответствующей шкале) – как «0».

Обработка результатов опроса производилась методом кластерного анализа (метод K-means); для выявления значимости различий результатов по разным выборкам – критерий Фишера.

Расчёты проводились на ПК с использованием программы статистической обработки SPSS 17.

Результаты исследования

На начальном этапе исследования решалась задача классификации, т. е. определения количества групп (кластеров) школьников (наблюдений) по заданным в опроснике переменным. Поскольку структура опросника представлена че-

тырьмя факторами, мы предположили, что исходное количество кластеров также должно равняться четырём.

Результаты кластеризации на четыре группы наблюдений 2012 г. представлены в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Конечные центры кластеров наблюдений 2012 г.* / Terminal centers of observation clusters 2012

Шкалы опросника ВСС	кластеры			
	1	2	3	4
Чувство взрослости	0,85	0,91	0	0
Нежелание взрослеть	0,04	0,52	0,28	1,0
Удовлетворённость своим возрастом	0,46	0,09	0,56	1,0
Чувство переменчиво-промежуточного статуса	0,27	0,78	1,0	0

*При обработке данных использовался пакет программ статистической обработки SPSS 17.0.

Как видно из таблицы, в первый кластер вошли наблюдения «чувство взрослости» (0,85). Это означает, что первая группа представлена школьниками, считающими себя взрослыми. Второй кластер представлен наблюдениями «чувство взрослости» (0,91) и «чувство переменчиво-промежуточного статуса» (0,78), также в этом кластере представлена переменная «нежелание взрослеть» (0,52). Это означает, что вторую группу составляют школьники, одновременно и считающие себя взрослыми, и определяющие свой возрастной статус как промежуточный, и вместе с этим не желающие

взрослеть. Третий кластер представлен школьниками с «чувством переменчиво-промежуточного статуса» (1,0) и в меньшей мере с чувством «удовлетворённость своим возрастом» (0,56). Четвёртый составляет группа школьников, в равной мере сочетающих такие переживания, как «нежелание взрослеть» (1,0) и «удовлетворённость своим возрастом» (1,0).

Мы посчитали, что содержание полученных кластеров недостаточно определённое, включающее характеристики других кластеров, и уменьшили их количество до трёх. Результаты кластеризации на три группы представлены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Конечные центры кластеров наблюдений 2012 г. / Terminal centers of observation clusters 2012

Шкалы опросника ВСС	кластеры		
	1	2	3
Чувство взрослости	0,19	0,90	0,41
Нежелание взрослеть	0,85	0,13	0
Удовлетворённость своим возрастом	0,93	0,10	0,64
Чувство переменчиво-промежуточного статуса	0,52	0,23	1,00

Как видно из таблицы 2, в первый кластер вошли наблюдения «удовлетворённость своим возрастом» (0,93), «нежела-

ние взрослеть» (0,85) и в меньшей мере «чувство переменчиво-промежуточного статуса» (0,52). Это означает, что первую

группу в основном составляют школьники, удовлетворённые своим возрастом и нежелающие взрослеть, часть из которых, кроме этого, воспринимает свой возрастной статус как переменчиво-промежуточный. Условно можно обозначить эту группу как «нежелание взрослеть». Во второй кластер вошли наблюдения «чувство взрослости» (0,9). Это означает, что вторую группу составляют школьники, считающие себя взрослыми. Условно мы её обозначили как «чувство взрослости». Третий кластер представлен наблюдениями «чувство переменчиво-промежуточного статуса» (1,0) и в меньшей мере

– «удовлетворённость своим возрастом» (0,64). Это значит, что третью группу в основном составляют школьники с чувством переменчиво-промежуточного статуса, часть из которых испытывает удовлетворённость своим возрастом. Условно эту группу можно обозначить как «чувство переменчиво-промежуточного статуса».

Далее работа по выявлению количества кластеров была проведена на выборке 2014 г. Сначала мы, так же как и на выборке 2012 г., провели кластеризацию на четыре группы. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

Конечные центры кластеров наблюдений 2014 г. / Terminal centers of observation clusters 2014

Шкалы опросника ВСС	кластер			
	1	2	3	4
Чувство взрослости	0,27	1,00	1,00	0,18
Нежелание взрослеть	0,02	0,10	0	0,71
Удовлетворённость своим возрастом	0,06	0,40	1,00	0,88
Чувство переменчиво-промежуточного статуса	0,41	1,00	0	0,85

Как видно из представленной таблицы, содержание первого кластера неинформативно, поскольку не включает достаточного для выводов количества данных. Второй кластер в одинаковой мере содержит наблюдения «чувство взрослости» (1,0) и «чувство переменчиво-промежуточного статуса» (1,0). Это значит, что вторую группу составляют школьники, считающие себя взрослыми и одновременно характеризующие свой возрастной статус как промежуточный. Третий кластер в одинаковой мере составляют наблюдения «чувство взрослости» (1,0) и «удовлетворённость своим возрастом» (1,0). Это значит, что данную группу составляют школьники, считающие себя взрослыми и удовлетворённые своим возрастом. Четвёртый кластер представлен наблюдениями «удовлетворённость своим возрастом» (0,88), «чувство проме-

жуточно-переменчивого статуса» (0,85), «нежелание взрослеть» (0,71). Это значит, что четвёртую группу составляют школьники, удовлетворённые своим возрастом, характеризующие свой возрастной статус как промежуточно-переменчивый и нежелающие взрослеть.

В силу того, что первый кластер не информативен, мы решили уменьшить количество кластеров до трёх. Результаты расчётов представлены в таблице 4.

Как видно из таблицы 4, первый кластер представлен наблюдениями «чувство взрослости» (0,92) и, в несколько меньшей мере, «удовлетворённость своим возрастом» (0,64). Это значит, что в первую группу входят школьники, считающие себя взрослыми, большинство из которых удовлетворены своим возрастом. Условно эту группу можно обозначить как «чувство взрослости». Второй кластер пред-

Таблица 4 / Table 4

Конечные центры кластеров наблюдений 2014 г. / Terminal centers of observation clusters 2014

Шкалы опросника ВСС	кластер		
	1	2	3
Чувство взрослости	0,92	0,27	0,00
Нежелание взрослеть	0,18	0,11	1,00
Удовлетворённость своим возрастом	0,64	0,15	1,00
Чувство переменчиво-промежуточного статуса	0,46	0,80	0,64

ставлен наблюдениями «чувство промежуточно-переменчивого статуса» (0,8). Это значит, что вторую группу составляют школьники, характеризующие свой возрастной статус как промежуточно-переменчивый. Условно эту группу можно обозначить как «чувство промежуточно-переменчивого статуса». Третий кластер представлен в равной мере наблюдениями «нежелание взрослеть» (1,0), «удовлетворённость своим возрастом» (1,0) и, уже в меньшей степени, «чувство промежуточно-переменчивого статуса» (0,64). Это значит, что последнюю группу составляют школьники, нежелающие взрослеть, удовлетворённые своим возрастом, часть из которых характеризует свой возраст как промежуточно-переменчивый. Условно эту группу можно обозначить как «нежелание взрослеть».

Таким образом, и в 2012 г., и в 2014 г. оказалось возможным выделить типы взросления подростков по критерию

возрастно-статусного самосознания. Из этого мы можем сделать вывод, что наша гипотеза получила своё подтверждение.

Поскольку, как видно из таблиц 2 и 4, содержание кластеров в выборках 2012 и 2014 гг. при классификации на три группы по основным характеристикам имеет сходство, мы попытались выяснить, в какой мере каждый из типов возрастно-статусного самосознания представлен в каждой выборке. С этой целью мы рассмотрели число наблюдений в каждом кластере и сравнили их между собой с помощью критерия Фишера. Результаты представлены в таблице 5.

Как видно из таблицы 5, в выборке 2012 г. 46,2% школьников переживают «чувство взрослости», 20,5% школьников имеют такой тип возрастно-статусного самосознания, как «нежелание взрослеть», и 33,3% – «чувство промежуточно-переменчивого статуса». В 2014 г. школьников, переживающих «чувство

Таблица 5 / Table 5

Различия по типам возрастно-статусного самосознания в 2012 и в 2014 гг. / Differences in the types of age-status self-awareness in 2012 and 2014

Типы ВСС	2012 г. (N = 132)		2014 г. (N = 119)		Критерий Фишера
	N	%	N	%	
«Чувство взрослости»	61	46,2%	39	32,8%	2,17*
«Чувство промежуточно-переменчивого статуса»	44	33,3%	66	55,5%	3,56**
«Нежелание взрослеть»	27	20,5%	14	11,8%	1,86*

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$

взрослости», 32,8%, с типом возрастностатусного самосознания «нежелание взрослеть» 11,8%, с чувством промежуточно-переменчивого статуса 55,5%. По всем трём типам возрастностатусного самосознания между двумя выборками имеются значимые различия. В выборке 2014 г. значимо меньше школьников, переживающих «чувство взрослости», значимо меньше школьников, нежелающих взрослеть, и высоко значимо больше школьников с чувством промежуточно-переменчивого статуса.

Обсуждение результатов

Наше исследование показало, что как в выборке 2012, так и в выборке 2014 г. представлены такие типы возрастностатусного самосознания, как «чувство взрослости», «чувство промежуточно-переменчивого статуса» и «нежелание взрослеть». Это подтверждает нашу гипотезу о возможности выделения типологии по критерию возрастностатусного самосознания. То, что результаты классификации оказались практически одинаковыми, может как означать универсальность данных типов, так и быть обусловленным особенностями выборок. Для более точных выводов необходимы дополнительные исследования. Выявление типа возрастностатусного самосознания «чувство взрослости», на наш взгляд, связано с тем, что в ситуации современного взросления определённая часть подростков чувствует себя взрослыми, что соотносится с концепцией Д. Б. Эльконина и Т. В. Драгуновой [10]. Тип «нежелание взрослеть», как мы предполагаем, выделился в связи с тем, что существует часть подростков, желающих оставаться в мире детства, что соотносится с выводами об инфантилизме современных подростков и юношей [1; 4]. Выявление типа «чувство промежуточно-переменчивого статуса» может быть связано с такими особенностями подросткового и юношеского возраста, как «поиск себя» [3], самоопределение, фор-

мирование субъектности [9], что соотносится и с представлениями Э. Эриксона [11] о моратории и путанице идентичности в подростковом возрасте.

Далее, как видно из нашего исследования, тип «чувство взрослости» выявлялся в двух выборках и при классификации на 4 группы, и при классификации на 3 группы. Это говорит о том, что «чувство взрослости», как и во времена Д. Б. Эльконина и Т. В. Драгуновой, имеет место в картине подросткового развития. То, что внутри данного типа возрастностатусного самосознания могут встречаться вариации – и сочетания с ощущением «удовлетворённости своим возрастом», и сочетания с «чувством промежуточно-переменчивого статуса» – может означать то, что существуют разные пути в развитии «чувства взрослости», и ещё раз указывает на целесообразность изучения «чувства взрослости» в контексте дифференцированного подхода.

Наше исследование также позволило выявить процентное соотношение типов возрастностатусного самосознания в каждой выборке. То, что в 2014 г. стало меньше школьников, переживающих «чувство взрослости», а также школьников, нежелающих взрослеть, но больше тех, кто характеризует свой возрастной статус как переменчиво-промежуточный, может означать вариативность сочетания типов возрастностатусного самосознания в разных исследуемых группах. Данный результат соотносится с замеченной многими психологами в мире тенденцией замедления взросления в последние десятилетия [5; 8; 12].

Выводы

1. Типология взросления по критерию возрастностатусного самосознания возможна.
2. По критерию возрастностатусного самосознания выделяются такие типы взросления, как «чувство взрослости», «нежелание взрослеть» и «чувство промежуточно-переменчивого статуса».

3. «Чувство взрослости», как и во времена Д. Б. Эльконина и Т. В. Драгуновой, имеет место в картине подросткового развития. Внутри данного типа возрастно-статусного самосознания могут встречаться вариации.

4. В разных исследуемых группах может быть различное сочетание типов взросления.

В целом проведённое исследование показало перспективность изучения ва-

риативности взросления по основанию возрастно-статусного самосознания. Полученные результаты не являются окончательными и требуют дополнительных исследований, но уже сейчас они могут быть полезными в работе по психолого-педагогической поддержке взросления детей на этапе перехода от детства к взрослости в части диагностики типа взросления.

Статья поступила в редакцию 16.09.2020

ЛИТЕРАТУРА

1. Абраменкова В. В. Факторы влияния на становление детской картины мира современного школьника в процессе взросления // Российские подростки и юношество в социальной реальности XXI века / под ред. О. В. Лишина. М., Обнинск, 2008. С. 54–109.
2. Гаврилова Т. А., Швеиц Ф. А. Опросник «Возрастно-статусное самосознание подростка»: теоретическое и психометрическое обоснование // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 87–100. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-87-100.
3. Кон И. С. В поисках себя: Личность и её самосознание. М., 1984. 335 с.
4. Новгородцева А. П. Переживание подростками «чувства взрослости» // Психологическая наука и образование. 2006. № 2. С. 39–52.
5. Поливанова К. Н. Детство в меняющемся мире [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. URL: https://psyjournals.ru/files/82357/jmfp_2016_n_2_Polivanova.pdf (дата обращения: 10.12.2019). DOI: 10.17759/jmfp.2016050201.
6. Поливанова К. Н., Бочавер А. А., Нисская А. К. Взросление пятиклассников: 1960-е vs 2010-е // Вопросы образования. 2017. № 2. С. 185–205.
7. Терещенко В. В., Чуб И. М. Индивидуально-психологические характеристики взросления в подростковом периоде онтогенеза [Электронный ресурс] // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2019. Т. 8. Вып. 3 (31). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-harakteristiki-vzrosleniya-v-podrostkovom-periode-ontogeneza/viewer> (дата обращения: 10.12.2019).
8. Толстых Н. Н. Современное взросление // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23. № 4. С. 7–24. DOI: 10.17759/cprp.2015230402.
9. Щукина М. А. Особенности развития субъектности личности в подростковом возрасте: дис. ... канд. психол. наук. М., 2005. 355 с.
10. Эльконин Д. Б. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков. М., 1967. 360 с.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. А. М. Прихожан, В. И. Ривош, А. Д. Андреева. М., 2006. 352 с.
12. Arnett J. J. Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties [Электронный ресурс]. 2nd ed. [2019]. URL: https://www.researchgate.net/publication/330369978_Emerging_Adulthood_The_Winding_Road_from_the_Late_Teens_Through_the_Twenties_2nd_edition (дата обращения: 08.10.2020).
13. Jensen L. A. Navigating Local and Global Worlds: Opportunities and Risks for Adolescent Cultural Identity Development // Psychological Studies. 2011. № 56 (1). P. 62–70. DOI 10.1007/s12646-011-0069-y.
14. Twenge J. M., Keith Campbell W. Cultural Individualism Is Linked to Later Onset of Adult-Role Responsibilities Across Time and Regions // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2018. Vol. 49 (4). P. 673–683.

REFERENCES

1. Abramenkova V. V. [The factors influencing the development of the child]. In: Lishin O. V., ed. *Rossiiskie podrostki i yunoshestvo v sotsial'noi real'nosti XXI veka* [Russian adolescents and youth in the social reality of the XXI century]. Moscow, Obninsk, 2008, pp. 54–109.
2. Gavrilova T. A., Shvets F. A. [Questionnaire “age-status self-awareness of the teenager”: theoretical and psychometric justification]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology], 2020, no. 2, pp. 87–100.
3. Kon I. S. *V poiskakh sebya: Lichnost' i eyo samosoznanie* [In search of self: Personality and self-awareness]. Moscow, 1984. 335 p.
4. Novgorodtseva A. P. [The experience of teenagers “sense of adulthood”]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2006, no. 2, pp. 39–52.
5. Polivanova K. N. [Childhood in the changing world]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya* [Modern foreign psychology], 2016, vol. 5, no. 2. Available at: https://psyjournals.ru/files/82357/jmfp_2016_n_2_Polivanova.pdf (accessed: 10.12.2019). DOI: 10.17759/jmfp.2016050201.
6. Polivanova K. N., Bochaver A. A., Nisskaya A. K. [The growing up of fifth graders: 1960s vs 2010s]. In: *Voprosy obrazovaniya* [Education issues], 2017, no. 2, pp. 185–205.
7. Tereshchenko V. V., Chub I. M. [Individual psychological characteristics of growing up during the teenage period of ontogenesis]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya* [Proceedings of Saratov University. New series], 2019, vol. 8, iss. 3 (31). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualno-psihologicheskie-harakteristiki-vzrosleniya-v-podrostkovom-period-ontogeneza/viewer> (accessed: 10.12.2019).
8. Tolstykh N. N. [Modern adulthood]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 2015, vol. 23, no. 4, pp. 7–24.
9. Shchukina M. A. *Osobennosti razvitiya sub'ektnosti lichnosti v podrostkovom vozraste: dis. ... kand. psihol. nauk* [Features of the development of personality subjectivity in adolescence: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2005. 355 p.
10. El'konin D. B. *Vozrastnye i individual'nye osobennosti mladshih podrostkov* [Age and individual characteristics of younger teenagers]. Moscow, 1967. 360 p.
11. Erikson E. *Identity: youth and crisis* (Russ. ed.: Parishioners A. M., Rivas V. I., Andreev A. D., transl. *Identichnost': yunost' i krizis*. Moscow, 2006, 352 p.).
12. Arnett J. J. Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties, 2019. Available at: https://www.researchgate.net/publication/330369978_Emerging_Adulthood_The_Winding_Road_from_the_Late_Teens_Through_the_Twenties_2nd_edition (accessed: 08.10.2020).
13. Jensen L. A. Navigating Local and Global Worlds: Opportunities and Risks for Adolescent Cultural Identity Development. In: *Psychological Studies*, 2011, no. 56 (1), pp. 62–70. DOI 10.1007/s12646-011-0069-y.
14. Twenge J. M., Keith Campbell W. Cultural Individualism Is Linked to Later Onset of Adult-Role Responsibilities Across Time and Regions. In: *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2018, vol. 49 (4), pp. 673–683.

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-013-00700 «Психологические характеристики подростков, интересующихся просоцицидальным контентом в социальных сетях».

ACKNOWLEDGMENT

The article was prepared with the financial support of the RFBR grant No. 19-013-00700 “Psychological characteristics of adolescents interested in pro-suicidal content in social networks”.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Швец Фаина Андреевна – старший преподаватель кафедры педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета, филиала в г. Уссурийске (Школа педагогики); e-mail: fshvec@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Faina A. Shvets – senior lecturer, Ussuriysk Branch of the Far Eastern Federal University (School of education), Department of Pedagogy and Development Psychology;
e-mail: fshvec@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Швец Ф. А. Возрастно-статусное самосознание как основание типологии взросления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 4. С. 133–142.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-133-142

FOR CITATION

Shvets F. A. Age-status self-awareness as the basis of the typology of growing up. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2020, no. 4, pp. 133–142.

DOI: 10.18384/2310-7235-2020-4-133-142

ДЛЯ ЗАМЕТОК

This image shows a blank sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2020. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор Т. С. Павлова
Переводчики Е. В. Приказчикова, А. С. Барминова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9, уч.-изд. л. 10,75.
Подписано в печать: 24.12.2020. Выход в свет: 28.12.2020. Заказ № 2020/12-08.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А

ISSN 2072-8514

9 772072 851064 >